

**XX ЛЕТ
С ЧИТАТЕЛЯМИ**

№ 5 / 2017

СЕВЕРА

Чукотка, уставшая от перемен

Расскажу об алтайцах

Вечная Мать против Смерти

Древо родства

Шойна. Акулий промысел

**Кирилл Серебренников –
Иванов XXI века?**

Вилюнейский репортаж

Строптивый колымчанин

Фотограф Джимми Нельсон (Jimmy Nelson),
работа из фотопроекта «Прежде, чем они исчезнут»

Ольга
ИЖЕНЯКОВА

ПОЧЕМУ Я НЕ НАВИЖУ НЕФТЬ

Я бы хотела, чтобы никогда не было нефти. Нигде. А на югорских месторождениях стояла первозданная тайга. Не ушли бы раньше срока родные, я бы с удовольствием приехала в опустевший теперь Ракшин Бор, читала бы под плеск речной рыбы Монтеня, Пруста, Мураками...

Я ненавижу нефть! Когда-то (я помню) жили-были кондинские манси, говорившие на восточном диалекте мансийского языка. Этот диалект умер вместе с его носителями. Прервано естественное течение жизни. Всем понятно: тайгу сгубило дикое освоение Севера. По нормам ханты и манси человек не должен наносить земле никакого урона. Не только нарушать её поверхность, но и не оставлять следов. Если дети, играя, бросаются в снег, то взрослые учат их этого не делать. Потому что зверь оставляет след, и по этому следу его находит охотник. А есть такие участки земли, по которым вовсе нельзя ступить (священные земли). Тогда к подошвам привязывают бересту. Эта норма вступила в прямой конфликт с отношением к земле «цивилизованного» населения, которое копает и заливает всё кругом нефтью.

Оторвав маленький народ от земли, власти, будто в издевательство сделали его преступником: по статистике каждый четвёртый-пятый северянин имеет одну-две судимости, примерно столько же умирает от рака, алкогольных отравлений, несчастных случаев. Причина гибели моего народа проста: полностью подорвана материальная основа лесо- и рыбодобычи: почти всё приватизировали и разворовали. А значит, нет работы, нет денег. А стало быть, нет продуктов, медикаментов, необходимых для нормальной жизни товаров...

При этом прав у оставшихся в живых – никаких. Депутаты с душой цвета нефти перед каждыми выборами брезгливо объезжают национальные посёлки, удивляются живучести аборигенов, а затем, обменяв дешёвые подарки на голоса электората, скрываются на VIP-вертолётах.

В России нет более несовершенной законодательной сферы, чем та, которая призвана регулировать судьбу коренных малочисленных народов Севера и, собственно, самого Севера. В законах речь идёт о «кормящем ландшафте», которым пользуются вся и всё, но на этом ландшафте

испокон веков живут люди. Им что-то положено, но по унижительному минимуму и только до тех пор, пока они живут на «ландшафте». Но как только они выезжают на Большую землю, все их и без того мизерные льготы теряются.

Интересное наблюдение: многознающий Интернет при поиске научных исследователей Сибири выдаёт А.Регули и М.А. Кастрена, которые ездили по Иртышу, Северному Уралу и Нижнему Приобью в... 1843–1845 годах. Далее читаем: «С конца 1880-х гг. по первые годы нового столетия был собран такой огромный материал по обско-угорской мифологии, верованиям, как будто было предчувствие грядущего векового запрета на эту тему...»

Но сейчас прямого запрета нет – и всё равно серьёзных исследований никто не проводит. А зря. Ведь ещё буквально до 30-х годов прошлого столетия у угорских народов не было письменности. И история народа передавалась из поколения в поколение в устной форме, чем и вызвано многообразие фольклора этих народов. Вот она, кладовая для учёных, художников, поэтов, сценаристов! Но странным образом мы больше осведомлены о культуре и образе жизни американских индейцев, чем о собственных, таких же маленьких и не менее самобытных народах....

Правительство Ханты-Мансийского округа каждый год выделяет деньги для научных и культурных исследований, которые «осваиваются» одними и теми же людьми. Активно и своевременно пишутся отчёты. Но всё происходящее не имеет отношения к современной жизни. Давно не новость, что почти на всех руководящих должностях на Севере – люди пришлые, не скрывающие чисто экономического интереса, попутно насаждающие свои обычаи, культуру, понимание форм хозяйствования. Аборигены же стоят на бирже труда, и считается, что в этом ничего зазорного для них нет. Не говоря уж о том, что они не имеют практической возможности выехать куда-либо, чтобы элементарно подлечиться...

Что (или кто) кроется за всем этим позором? Почему быть коренным жителем в своей стране – позор, а не гордость? Ответы на эти вопросы, конечно, есть, но их заглушает ласкающий уши власть имущих шум нефти в трубах...

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Шеф-редактор
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва),
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва),

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Александр ДОРОФЕЕВ

Обложка:
1 стр. - Самый северный в России
магистральный нефтепровод Заполярье-
Пурпе;
2, 3, 4 стр. - Фотографы о Севере;

Подписано в печать
17 октября 2017 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и
массовым коммуникациям

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6
Тел./факс: 8(495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ № 1139к

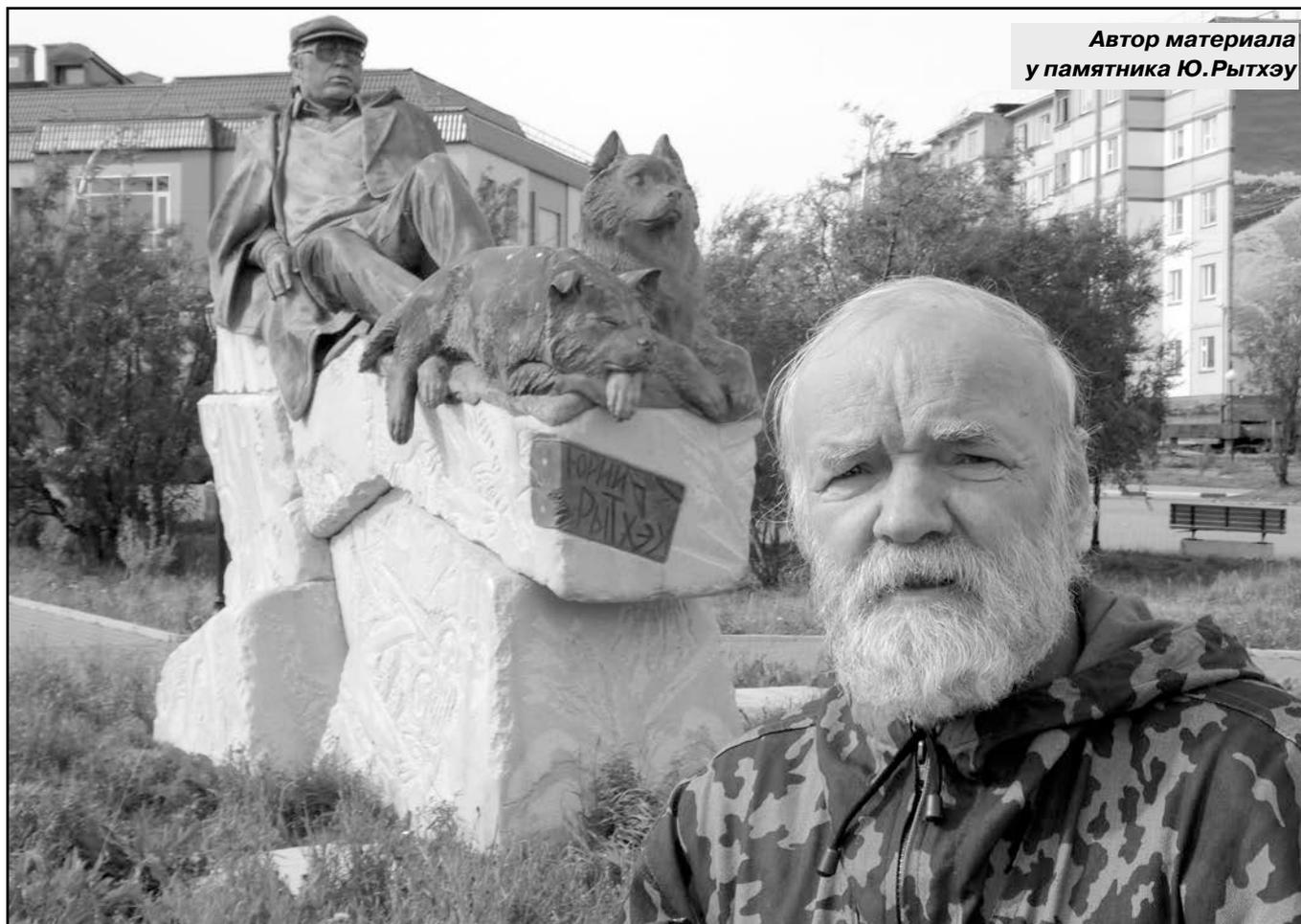
Содержание:

- 01 КРИК ДУШИ**
Ольга ИЖЕНЯКОВА
Почему я ненавижу нефть
- 03 РЕГИОН
ПОД МИКРОСКОПОМ**
Владимир
ИВАНОВ-АРДАШЕВ
Чукотка, уставшая
от перемен
- 06 ЖИВАЯ ЭТНОГРАФИЯ**
Андрей СЕМКЕ
Расскажу об алтайцах
- 08 МЫ – ОДИН МИР**
Анн-Виктуар ШАРПЕН
Вечная Мать против Смерти
- 10 ДРЕВО РОДСТВА**
Михаил ВАСЬКОВ
– Возвращение к корням
– Что за чудо тот язык!..
- 16 Светлана
КОЖЕВНИКОВА**
Лицом к лицу –
не видать лица!
- 21 МОРСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**
Олег ХИМАНЫЧ
Шойна.
Акулий промысел
- 36 СКАНДАЛ: ВЗГЛЯД
ИЗ КАРЕЛИИ**
Галина АКБУЛАТОВА
Кирилл Серебренников –
Иванов XXI века?
- 41 ЧУКОТСКАЯ ПРОЗА**
Иван ОМРУВЬЕ
Вилюнейский репортаж
- 69 СТРОПТИВЫЙ
КОЛЫМЧАНИН**
Сергей СУЩАНСКИЙ
Страсти по неизвестному
Антону
- 78 БРЕННОСТЬ БЫТИЯ**
Вадим КУЛИНЧЕНКО
Воспоминания
о посещении
Санкт-Петербургского
Новодевичьего кладбища

Экспедиция «Арктика - 2007»

Уникальная операция в географической точке Северного полюса заняла несколько часов. Глубоководные аппараты «Мир-1» и «Мир-2» опустились на глубину более 4200 метров, установив абсолютный рекорд. Такого в мировой практике еще не было. В ходе эксперимента ученые взяли пробы воды и грунта и водрузили российский флаг.

Автор материала
у памятника Ю.Рытхэу

Владимир ИВАНОВ-АРДАШЕВ

ЧУКОТКА, УСТАВШАЯ ОТ ПЕРЕМЕН

Чукотка – моя малая родина. Родился на ней ещё в начале «холодной войны», когда вчерашние союзники, русские и американцы, пытались скрестить воздушные «томагавки» над Беринговым проливом, но, странное дело, ненависти друг к другу не испытывали. Во всяком случае, военные лётчики, к которым принадлежал и мой отец, штурман военно-транспортных «дугласов», поставлявшихся по ленд-лизу. На одном из них, легендарном С-47, названном в честь русского авиаконструктора «Сикорским», меня когда-то везли из Анадыря на большую землю. С тех пор «дугласы», «аэрокобры» и прочие американские самолёты волнуют моё воображение, а аэродромы в Уэлькале, Уреликах и Сеймчане звучат, как магические заклинания о моей северной родине. Мечтал всегда побывать на Чукотке, в Угольных Копях, что вблизи Анадыря. И такая возможность недавно представилась. И не просто поездка, а благородная миссия, когда вместе с двумя коллегами из Хабаровского общества охраны памятников истории и культуры, связанных с охраной северных рубежей России, больше месяца мотался по военным аэродромам, действующим и уже заброшенным. Об этом и хочу рассказать, поделиться штрихами воспоминаний. Но вначале немного лирики. О писателе Тихоне Сёмушкине, чей роман «Алитет уходит в горы» одних читателей заинтриговал, а других огорчил и даже вызвал чувство обиды.

Когда зеленеют собаки

Итак, о делах литературных. Писатели постарше помнят о бурной полемике между двумя мэтрами советской литературы, лауреатами Сталинской премии Константином Симоновым и Тихоном Сёмушкиным, что-то не поделившими. История давняя и не стоит её особенно ворошить. Скажу лишь, что северянин Сёмушкин, возгордившись, с яростью обрушился на фронтовика Симонова, мол, не знает ничего о чукотских талантах, набирающих силу. А потом, задним числом, уже писатель Юрий Рытхэу припомнил обиды Сёмушкину, дескать, водил его по столичным редакциям и ресторанам, как дикаря из северной глубинки. Ну, кто кого и куда водил, не суть важно. Просто у чукотских парней на Сёмушкина крепкая обида, дескать, воспользовался гостеприимством Алитета, а потом запихнул его куда-то в горы. Причём обиду эту хранят и потомки реального Алитета, живущие нынче в Магадане. А кто-то из молодых дарований обижался уже на Юрия Рытхэу. Мол, и тот заделался важным князьком. Словом, страсти кипели нешуточные.

А потом всё куда-то делось. словно и не было советской литературы. И когда мы были на Чукотке, редкий собеседник мог припомнить имена писателей, своих земляков. Даже памятник Рытхэу в Анадыре словно позеленел от обид. Или

мне так показалось? Памятник эффектный, только сомневаюсь, чтобы классик чукотской литературы разъезжал по тундре нарядным щёголем. Да и собаки какие-то забавные, рядом с ними любят фотографироваться.

А если серьёзно, то в самый раз вспомнить о всеобщем беспамятстве, докатившемся и до студёных берегов Чукотки. Нет, Чукотка вовсе не гибнет, Анадырь даже преобразился, за что многие искренне благодарны бывшему губернатору Роману Абрамовичу. Когда его «сослали» в Анадырь, он первым делом выделил солидный продовольственный паёк всем без исключения, и обнищавшие при прежнем губернаторе люди воспрянули духом. Кто-то даже задумался, а почему бы Чукотку не присоединить к Аляске? Но потом передумали, и как уверены чукчи, Америка пусть живёт сама по себе, а Чукотку от России никто не защитит. Кто же тогда защитит самих русских? От бегства на большую землю и неуверенности в завтрашнем дне. Сейчас такие настроения вновь усилились. И проблемы демографии стали решающими.

Экий вы привередливый, могут мне возразить. Самого-то ещё в младенчестве родители увезли в благодатные края, которые оказались не такими уж благодатными. Имею в виду Закарпатье в дни «венгерских событий» 1956 года. С тех пор и осталась в душе тревога за русских людей, особенно

военных. Потому и назвал один из своих очерков «Память цвета хаки». Детские воспоминания, они ведь на всю жизнь. Так и нынешние дети не всегда будут вспоминать с благодарностью родные места.

А может, всё ещё переменится к лучшему? Но в отношении многих жителей Чукотки это вряд ли возможно, ведь происходит размывание коренных этносов. Ну и что, могут мне возразить, ведь процесс ассимиляции закономерен, и симпатичным чукчанкам где-нибудь на Мысе Шмидта никто не запретит выходить замуж за энергичных русских офицеров. Да и парни-чукчи тоже не против присмотреть бледнолицую учительницу или фельдшерицу. Так и живёт Чукотка в нынешнем мире ассимиляции и интернета.

Кстати, интернет на Чукотке слабый, зато заработки запредельные. Цены тоже астрономические.

И кто-то с юга даже мечтает туда попасть. Я бы тоже хотел поклониться своей малой родине. И когда смотрел по вечерам на Анадырский залив, представлял, что такие же сопки по его берегам были и в начале пятидесятых, когда здесь жили мои родители. И офицерский паёк в те времена тоже был отличным, только тот американский шоколад однажды показался горьким.

Не хочется каркать, как полярный ворон, но нынешние впечатления от поездки на Чукотку оказались двойственными. Нарядный, как сказка, центр Анадыря, и руины заброшенных гарнизонов по другую сторону залива, в Угольных Копях, где когда-то дислоцировались танковые батальоны для захвата Аляски. Страшно подумать, что ожидало бы наших танкистов, моряков и пехотинцев по другую сторону Берингова пролива. Как, впрочем, и американцев в случае вторжения на наш берег. К счастью, обошлось. А вообще военные действия на Чукотке сродни фильмам ужасов, и очень надеюсь, что такое не придёт никому в голову.

А вот для писателей чукотская земля – проигранное место боя. Кто-то пытается издавать книги в тёплых краях, другие забыли даже Тихона Сёмушкина, и если бы не библиотека его имени в селе Лаврентия и установленная нами памятная доска в честь писателя, было бы совсем грустно. А бронзовая фигура Юрия Рытхэу в центре Анадыря позеленела от горькой обиды на земляков и их нынешнее беспамятство.

Суровые скалы памяти

А может, так ей и надо, нашей никудышной памяти, когда-то накуролесившей в годы захватских реформ? И нужно быть реалистами, чтобы пережить нынешнее лихолетье? Может, и так. Ведь не зря говорят, что писатели любят фантазировать и городить невесть что. И коль на Чукотке возможен дельный губернатор, вроде

Романа Абрамовича, то почему бы не появиться и новому? И уже не с внушительными пайками всем и вся и строительством роскошных особняков, а с чем-то вполне разумным и очень своевременным?

Пока же вокруг Чукотки курсирует лайнер для богатеньких заморских туристов, желающих поглазеть на дикие берега и северную экзотику. Приезжают в тундру и всякие зарубежные романтики. Только их вряд ли пригласят на экскурсии в брошенные гарнизоны, и даже в Бухту Проведения, где снимался фильм «Территория» по книге Олега Куваева. Там, кстати, есть и памятник участникам Второй экспедиции Витуса Беринга, людям суровым и мужественным, когда-то вступившим на этот дикий берег. Он и сейчас напоминает марсианский пейзаж, и когда я на рассвете вышел на палубу теплохода, в душе содрогнулся и вспомнил слова Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Но потом взошло солнце и посёлок, уходящий в крутые скалы, показался чуть приветливей.

Так и живёт моя малая родина. Не знаю, удастся ли вновь побывать на её берегах, но что-то доброе в душе осталось. Вспомнил родителей, когда-то живших здесь. По нашим семейным фотографиям впечатление такое, будто была одна заснеженная тундра, военный аэродром и мощные «дугласы», рядом с которыми запечатлён мой молодой и весёлый отец. И его уважительные воспоминания о ленд-лизе и американцах, помогавших нам во Второй мировой войне. А о войне «холодной» отец вспоминал вскользь и без ненависти. Наверное, ненависть появилась позже, когда началась Корейская и Вьетнамская войны, но в них отец уже не участвовал. И это уже совсем другая история.

Чукотка

Фото автора

Андрей СЕМКЕ

РАССКАЖУ ОБ АЛТАЙЦАХ

Дороги! Дороги? Дороги...

Кажется, что в современном мире добраться от одной точки на карте до другой раз плюнуть. Но в реальности наших дней, имея под рукой даже самое современное техническое оснащение, путешествие по нашим просторам иногда становится крайне экстремальными. Как мы только ни добирались до необходимого места!

Летишь на вертолёте. Вокруг сплошная тайга и скалы. Куда приземлиться, куда посадить пилоту свою машину? Небольшая проплешина между вершинами гор и практически горизонтальная площадка, зависаем, приближаемся, а результат нулевой, сплошные валуны, курумники. Так поиск необходимой посадочной поляны занимает больше времени, чем сам полёт...

Однажды летом нам необходимо было перевалить через два перевала третьей категории сложности, чтобы выйти в верховье реки Кокса. С нагруженными рюкзаками, катамаранами и плотами, задача выглядела весьма туманной. Но помог случай. В соседней деревне нам показали алтайца Тимку, у которого были лошади. Мы сговорились с ним о том, что он доставит нас к месту дислокации за две фляжки медицинского спирта. Мы взгромоздили рюкзаки и плавсредства на лошадок и по тропе стали подниматься к первому перевалу. Налегке идти было приятно. Погода стояла великолепная, тропа шла по хвойному лесу. Рядом протекала чистая прозрачная речушка. Настроение у нас было бодрое. Через пару километров проводник потребовал от нас первую фляжку со спиртом, и мы по наивности ему её дали. Первым залпом он ополовинил флягу. Мы еле-еле вырвали у него спиртное. На смуглом лице Тимки нарисовалась улыбка, обнажившая светло-жёлтые зубы.

Сам алтаец был низенького роста, с чёрной, как смоль, шевелюрой. Лицо проводника было изрезано множеством морщин, которые тянулись от узких глаз во все стороны. В отличие от смуглого лица эти прожилки были белёсыми и создавали иллюзию какой-то южно-американской индейской расцветки. Чёрные плотные брюки из брезентовой ткани, защищали ноги от колючки. Поверх одноцветной рубашки была надета безрукавка из шерсти. Несмотря на тёплую погоду, он её не снимал. Говорил Тимка быстро и непонятно. Через каждое слово добавлял матерное, это резало слух и от общения с ним становилось невыносимо неприятно. К нам он относился пренебрежительно заискивающе, ведь мы владели спиртом.

Следующие пару километров все шли в абсолютной тишине, только наш алтаец что-то бормотал себе под нос. На очередном привале он вновь потребовал флягу. Но в этот раз мы оказались более решительными и отказали настырному проводнику. Тогда Тимка в ультимативной форме заявил, что дальше лошади не пойдут. В результате нам пришлось дать глотнуть ему чистого медицинского ещё раз.

Дорога пошла веселее, до перевала оставалось ещё несколько километров, но на очередном привале алтаец допил остаток живительного напитка, упал под сосну и, сказав напоследок фразу: «Лошади устали и дальше не пойдут», уснул, крепко схватив поводья лошадей. Что мы только не делали, но ни уговоры, ни холодная речная вода медленной струйкой пролитая на его лицо, ни демонстрация второй фляги со спиртом не дали никаких результатов. Тимка крепко спал, от него разило страшным перегаром и обманом.

Пришлось нам сгружать с лошадок своё имущество и медленным темпом покорять сложные для водников перевалы. Нам всё удалось, вершины оказались покрыты снегом и льдом, а путь вместо суток занял трое. Но под тяжестью рюкзаков медленно и осторожно шагали по тропе с целью дойти до очень красивой реки.

Атомная быль

Алтайскую культуру и древний быт мы начали изучать в музее посёлка Чемал. Нас встретили удивительные люди, которые с гордостью и теплотой рассказывали о своих крепких родах, показывали гербы и флаги. С любовью и теплотой, оберегая каждую реликвию и артефакт, хранительница семейного очага показывала нам дом алтайца, разделённый на женскую и мужскую половины.

В мужской половине на столике кочевника лежал увесистый ученик Макса Борна «Атомная физика», который сразу привлёк моё внимание. Зачем в этом уютном, уставленном утварью и древними историческими предметами доме это творение Нобелевского лауреата? Неужели все современные культовые обряды проводятся благодаря современным физическим технологиям? Рядом с мослами и алчишками, старинными шахматными алтайскими фигурами находилась моток стальной проволоки, спутанный своеобразным образом. Заржавевший и кое-где спутанный, он лежал в центре символического стола. Вопросы путались в моей голове? Как это сюда попало? Какие символические обстоятельства привели сей продукт технического прогресса в древнюю хижину кочевого народа?

Пожилая алтайка с воодушевлением нам рассказывала о древней посуде, с помощью которой получали муку, хранили мёд и масло. Привлекли наше внимание бараньи кишки, очищенные и вымытые, которые активно использовались в быту, как лучшие антисептики.

Мой взгляд снова и снова падал на толстенную книгу и непонятную проволочную фигуру. А нам показывали старую люльку и козьи подкладки для малыша, первые, так называемые, памперсы. Удивительные приспособления, которые помогали выживать алтайцам в суровых климатических условиях, были просты, оригинальны и сделаны собственными руками мужчин и женщин.

Кресало с небольшим камнем помогало получать искру для очага, железные кошки – лазить по

горам и добывать кедровые шишки. Необычайно важные лекарственные средства, сделанные из сухого детского отреза пуповины, спасали от различных болезней,

Мамочки эти сушёные остатки носили за поясом, и по их количеству можно было определить количество детей в семье. Удивительные и необычные древние календари и карты были вырезаны на самых важных атрибутах дома: на сундуках, столике и буфете.

И вот экскурсия подошла к концу. Задаю мучавший всё это время меня вопрос о центральных вещах экспедиции: учебнике атомной физики Борна и непонятной проволочной фигуре. Получаем абсолютно банальный ответ. Оказалось, что сделанный в Новосибирском академгородке октаэдр, просто был потерян на горе Белухе. Археологи его нашли и подумали, что он наверняка является древним культовым атрибутом алтайцев. Так объёмная проволочная фигура украсила экспозицию, но в один прекрасный день в доме появились физики, которые быстро распознали в неизвестной археологической находке физическую атомную модель. Долго пытались объяснить гостеприимной хозяйке, что это такое. Но измучившись непониманием хранительницы алтайских традиций, подарили с автографами книгу гениального учёного Макса Борна «Атомная физика» с пожеланием: «Прочитайте и всё поймёте».

Жил-был художник один...

В одной алтайской высокогорной деревне мы наткнулись на удивительное по форме и содержанию объяснение. На сбитых старых досках аккурратным почерком, но с заносчивой небрежностью было написано: «Рисую безобразно, позирую долго, характер скверный, беру дорого...»

Старый покосившийся небольшой деревянный дом, с резными светло-голубыми наличниками и забитыми чёрными досками окнами выделяется на фоне благоустроенных многоэтажных коттеджей небольшого курортного посёлка. Высокая трава, покосившийся забор с огромным количеством дыр не сочетаются с прекрасными деревянными скульптурами во дворе. Каждая фигура, сделанная с любовью, нежностью и добротой, из светло-жёлтого дерева ярко выделяется на небрежных просторах деревенского подворья. Взор прохожих устремляется к произведениям искусства, пытаюсь насладиться тонкими очень проницательными линиями художника.

Старый огромный когда-то спасённый от смерти пёс тыкается полуслепой мордой в руку, лашется и ищет нежности. Скульптор долгое время откармливал и лечил больную измождённую собаку с обрезанными ушами и хвостом, явно выделяющуюся породой. Защиты от неё никакой, а вот страх на пришедших наводит мгновенно. Но это чувство моментально пропадает после нескольких минут общения с псом.

Хозяин двора, искушённый жизнью, мужественный и, видно, очень ранимый человек, философ философских наук, в меру общительный, плохо сочетался с описанием рекламы на плохо

и наспех сбитых гнилых досках. Большой мастер, спрятавшись от городской суеты и авантюризма тщеславного бомонда, в уединении творит, наслаждаясь свежим и прозрачным горным воздухом, нетронутой и непостижимой природой Алтая, бескрайней чистотой и душевностью местных жителей. И деревянные изваяния получаются божественными и гармоничными пейзажам удивительно-естественного горного поселения.

Художник долго и проницательно рассказывал о своих творениях, глаза его блестели от участия и соучастия. Грусть и какая-то необъяснимая тоска по каким-то упущенным возможностям читались на его покрытом крупными морщинами обожжённом солнцем лице. «Каждое утро хочу уехать отсюда в город. Выхожу из дома, вижу эту красоту и откладываю поездку до зимы. А выпадает снег, становится всё в округе ещё восхитительней, зачем же уезжать от этого великолепия?»

Какого цвета ветер...

Вы когда-нибудь задумывались, какого цвета ветер? Вот и для меня этот вопрос от хранителя музея-студии Григория Ивановича Гуркина показался странным...

Ветер, ураган, ветерок, шторм, шквал... Сильный и слабый, прохладный и сухой, освежающий и обжигающий, хлёсткий и сносящий с ног – с какими оттенками можно сравнить эти потоки воздуха?

Сибиряки видят ветер бордовым, кумачовым... Сразу видно, что с рождения они революционеры и испытатели. Для них «ветер перемен».

Европейцы окрашивают его в светло-голубой цвет... Эти люди даже падая, обязательно снова встают, уверенные в будущем и настоящем.

Люди со скрытыми лидерскими качествами видят ветер стальным, металлическим...

Творческие люди оценивают цвет ветра в зависимости от настроения: оранжевый – ранним утром, после чашки ароматного кофе, тёмно-чёрный – в угнетении и смятении после бессонной ночи, бирюзовый – вечером при звуках утончённой скрипки, малиновый в момент расслабления и безмятежности в ночной прохладе уединения на берегу реки.

Какой он разный и неповторимый... Золотисто-жёлтый в песчаной жаркой пустыне, небесно-синий в штормующем океане, светло-зелёный в бескрайней тайге, прозрачно-белый зимой в сорокоградусный мороз, розовый в дождливую промозглую погоду, разноцветный в весёлой экспедиции, серо-голубой в солнечную погоду у водопада, пурпурный на рассвете ранней весной в луговой степи...

На зелёной поляне колышутся от ветерка флаги 25 регионов России и республики Болгарии. Многоцветные ручейки любви и дружбы учеников и учителей в один поток ворвался ветром в наши человеческие души. Ветер любви к природе и жизни бесцветной пленой охватил наше сознание. Можно ли без этого дуновения представить свою жизнь?

г. ЕЙСК,
Краснодарский край

Анн-Виктуар
ШАРРЕН

Вечная Мать против Смерти

Мне давно хотелось рассмотреть, в какой степени роман Еремея Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» является символом исторического пути хантов.

Мы знаем, что с самых давних времён человек задумывался о своём прошлом и никогда не прекращал его описывать и вновь переписывать. Начиная с появления в мире первых больших Эпопей, рассказывание Истории приобрело разные формы до появления исторического романа.

Исторический роман строится обычно на фоне отдельно взятого эпизода Истории, когда индивидуальные судьбы людей тесно связаны с событиями, в которых участвуют реальные или фиктивные персонажи, и в которых отображаются проблемы выбранной автором эпохи.

Что же касается малочисленных народов Сибири, присутствующих в исторических романах на русском языке, я хочу напомнить о первых книгах этого жанра, написанных в 19-м веке под влиянием Вальтера Скотта; в этих книгах мы находим описание военных стычек, произошедших в первые годы завоевания Сибири между коренными народами Камчатки и русскими.

В этом контексте роман Айпина представляет множество характеристик исторического романа.

1. Во-первых, он выбирает важный момент Истории казымских остяков, то есть, их сопротивление насильственной советизации в начале 30-х годов. Эти события он даже выводит в Пролог романа, используя архив того времени, освещающий восстание коренного народа, включая протоколы допросов арестантов.

2. Во-вторых, Айпин умело расставляет декорацию романа: тайга, волки, стойбища хантов, сани, траурные ритуалы и т.д.

3. В-третьих, что же касается персонажей романа, они соответствуют определению венгерского исследователя Дьёрдя Лукача в его книгах «Теория романа» и «Исторический роман», где он использует принцип «историко-социальных» типов. Речь, тогда, не идёт об исторических персонажах, но о простых мужчинах и женщинах, которые создали Историю народа.

Сегодня я не стану напоминать об исторических событиях, о которых можно узнать в работах русских и иностранных исследователей, где понимание истории относится скорее к её социо-политическому аспекту; и также в литературных произведениях, как например «Средний мир» Анны из Маланга Татьяны Молдановой, повествующей о трагедии женщины в тайге после ареста мужчин.

Опираясь на основную характеристику «исторического романа», заключающуюся в смешении реальности и фикции, мы сталкиваемся в таких произведениях с определённой двусмысленностью,

которая обычно усугубляется по мере того, как время и пространство отдаляют эти события. В романе Айпина события не столь отдалены – ни во времени, ни в пространстве; и вышеуказанная характеристика исторического романа, теряя свою смысловую нагрузку, приобретает здесь новое измерение.

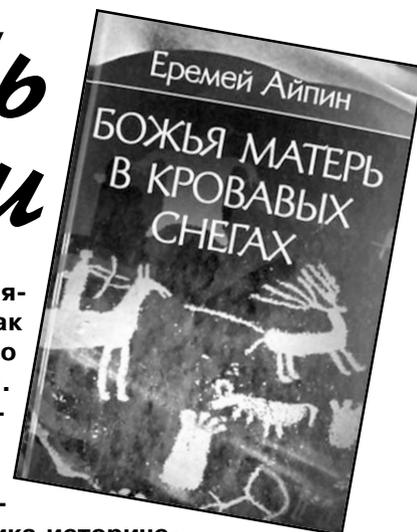
II. ВЗГЛЯНЕМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ.

При чтении романа «Божья Мать в кровавых снегах» в первую очередь возникает впечатление, что несмотря на присутствие весьма предметных исторических эпизодов, основной целью автора не является систематическое воспроизведение фактологического материала. Даже само название книги выражает стремление отдалить читателя от строго «исторической» проблематики и призывает его к поискам других объяснений, принимая во внимание параллели между Божьей Матерью и Матерью детей, хантыйской героиней. Тем более, что эти параллели расширяются новыми параллелями, когда Мать детей испытывает идентичные страдания с Матерью волков.

1. ПОСМОТРИМ, В ЧЁМ ДЕЛО.

Читатель, по мере прочтения романа, разделяет страдания мужчин, женщин и детей, принесённые войной Казыма. На ум приходят картины другой войны – картины художника Франсиско Гойи, Ужасы войны (Los desastres de la guerra), созданные в результате кровавой войны, устроенной Наполеоном в Испании. В этих 82 эстампах мы ясно различаем три группы: первая посвящена войне как таковой, вторая – голоду и третья – различным политико-бытовым аллегориям. Айпин, используя принцип Гойи, описывает войну между Красными и остяками, он описывает голод, ворвавшийся в семью Матери детей и настаивает на том, чтобы правда «была [...] показана другим, даже тем, кто не имеет никакого желания её увидеть [...]».

Айпин создаёт своё произведение, рисуя картины тождественные картинам Гойи. В частности, если у Гойи человек повешен за ноги, у Айпина он будет также повешен за ноги; если у Гойи солдат убит ударом топора, то остяков убивают ударом дубины; изнасилованная у испанца женщина становится у Айпина молодой хантыйкой, которую расстреляли и нагой бросили среди своих. У художника, в первую очередь, просматривается протест против насилия, и его эстампы являются скорее актом артистического свидетельства, чем точным изображением исторического события.

Мне думается, что Айпин, в свою очередь, хотел свидетельствовать об «ужасах войны», придавая глубокую поэтичность Истории.

2. КАК ОН ЭТО ДЕЛАЕТ?

Хантыйский автор в первую очередь старается передать неизмеримость человеческой боли посредством образного использования «Остановок» крестного пути Христа, ибо в романе отчётливо просматриваются ссылки на христианскую религию, где главная героиня, Мать детей, преобразуется в образ Божьей матери.

Страдающая Мать остяков, включая смерть своих детей, идентифицирует себя со Святой Марией, которая проходит «Остановки» Крестного пути Христа. Таким образом, Мать детей становится символом восхождения хантыйского народа на Голгофу, указывая на две неизбежные ценности хантыйских женщин: доброта и твёрдость характера.

Чтобы показать душу своего народа, автор сознательно использует литературные возможности хантыйской мифологии. Страницы романа пропитаны лиризмом и мощью эпоса. Напоминающие старинные песни, в романе ритмично появляются навязчивые повторения – слов, кусков фраз.

Когда, например, умирает дочь Анна, героиня в отчаянии:

«Так закричала, что от её крика треснули льды и снега болота.

Треснуло небо.

Треснуло солнце».

[Или когда нужно подчеркнуть «общую боль» Матери детей и Матери волков:

«И Волчица-мать поползла по дороге, пахнувшей человеком.

Она ползла, когда заигалась утренняя заря.

Она ползла, когда светило солнце.

Она ползла, когда угасала вечерняя заря.

Она ползла, когда на небо поднималась луна.

И наконец догнала человека»].

Персонажи романа носят общие имена, что указывает на универсальную символику определённых групп людей: «Мать детей» и «Отец детей», символы остяков; «Комиссар» отряда, символ Красных; «Белый офицер», символ ушедшей России, персонаж «Иуды» реки Салым, символ измены другого Иуды в Гефсиманском саду. И в этом мире остяки соприкасаются с неведомым врагом.

3. КТО ЭТОТ ВРАГ?

Оленеводы, охотники и рыболовы, живущие много веков в бесконечных краях Сибири, вдали от политической агитации так называемой «цивилизации», внезапно стали свидетелями того, как, в начале тридцатых годов, вдруг перевернулось всё бытие. Большевики, бесчувственные к этому миру, которого они не знали, новоявленные римские центурионы, пришедшие ураганом с запада, вторгались в стойбища остяков, чтобы взорвать этот «заснувший» и «необразованный» мир. Свист пуль и взрывы гранат должны были разбудить этот народ.

Почему смерть, которую они принесли с собой, была такой необычной, не имеющей ничего общего с приносимой знакомой смертью духов тайги? Вне всякой военной необходимости, лицом к народу, вооружённому простыми охотничьими ружьями, эти пришельцы использовали аэропланы, кружащиеся в сибирском небе, сеющие террор среди кочевников и прокламируя пришествие новых и для остяков непроницаемых богов.

КЕМ БЫЛИ ЭТИ НОВЫЕ БОГИ ИСТОРИИ?

Это были боги коллективизации собственности; оседлости, которая траурным колоколом звонила по свободе кочевой жизни; письменности, клеймящей память устной речи; это были боги всемогущего чужого языка, приговаривающего все другие языки к молчанию; идеологии, пожирающей культуру малочисленных народов, которая была «бедной» и «отсталой»; это были боги индустриализации и «чёрного золота», уничтожающего пастбища оленей. Они обещали счастье «незрелому» и «упрямому» народу, смертельному врагу «светлого будущего», врагу олицетворяющему «варварское» прошлое.

И народ хантов спрашивает: «Зачем вы здесь, на наших землях? Почему вы убиваете наших шаманов, наших женщин и детей? Почему вы хотите безвозвратно преобразить наши души?»

Новые сверхлюди, лишённые всех правил войны, всех человеческих принципов, пришли на эту землю и победили. Вот почему вопросы не получают ответов.

***

Демаркационная линия, найденная Айпиным, пересекает этот отрезок истории. Однако не следует заблуждаться: она не обозначена последовательно, ибо автор не сталкивает один народ против другого. Граница проходит скорее между Красными и другими народами, будь то русские или коренные народы Сибири. Эта линия противопоставляет внутренний духовный взгляд на жизнь самоуверенной, материалистической доктрине.

В противоположность любой идеи мести автор пытается установить диалог с русским народом, диалог сублимированный в слиянии двух Матерей этого романа: с одной стороны, икона Божьей матери получает пулю, предназначенную своему двойнику, Матери детей; с другой стороны Божья Мать, воплощаясь в живого человека, бежит в конце концов на помощь Матери остяков.

Таким образом, автор «Божьей Матери в кровавых снегах» реализует исторические события в насыщенной смыслом фреске, с целью утвердить кредо, которое должно опираться на вневременные ценности, а именно: добро против зла, человек против зверя, вечная Мать против смерти. Это литературное произведение бесспорно сохраняет память хантыйского народа для будущих поколений.

В конце концов, не является ли это главной, но не всегда доступной к осмыслению, целью любого исторического романа?

Михаил ВАСЬКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОРНЯМ

Язык и среда

Вряд ли кто-либо возьмётся оспаривать тезу, что представитель большого народа – китаец, русский, или, например, француз, даже переехав на другой континент, перестанет при этом быть китайцем, русским или французом. Конечно, по прошествии энного количества лет он вполне может превратиться в добропорядочного американца или, там, новозеландца, но от этого не потеряет национальную самоидентификацию и свой этнокультурный код.

Ведь за его спиной мощные государства исхода со всеми их институтами поддержки соотечественников за рубежом, развитый язык, на котором говорят и понимают миллионы в самых разных уголках мира, монументальная культура: давно ставшая мировой классикой литература, кинематограф, радио, телевидение, газеты – печатные или, как принято теперь, электронные.

Даже, скажем, курд, представитель народа, у которого никогда не было своего государства, и то никогда не будет ощущать себя, допустим, в Европе вне «своей» среды. Ведь общее число курдов насчитывает несколько миллионов человек, а курдская диаспора вслед за арабской и турецкой в европейских странах давно уже стала столь многочисленной, что уличные вывески на этих языках, равно как и моноэтнические турецкие или китайские кварталы, никого уже не удивляют.

А вот представитель малого народа, особенно – «сельского», даже уехав всего за сотню-другую километров от мест традиционного проживания, едва ли ни сразу же сталкивается с неизбежной ассимиляцией. Это вполне объяснимо – ведь за его спиной нет ничего из перечисленного выше. Тем более, если его народ насчитывает всего несколько тысяч человек. (В городе, куда приехал вепс, ижор или даже карел, он вполне может оказаться единственным представителем своего «роду племени»). И уж тем более, если его язык – бесписьменный...

История семьи

...Ко времени моего детства мои дед и бабушка по материнской линии (тверской карел и вепсянка, соответственно), будучи более полувека оторванными от своей языковой среды, родные языки почти забыли, демонстрируя воспоминания о них лишь во время редких ссор. С нами же они общались исключительно на русском. Из их скудных рассказов я знал, что дед Григорий и бабушка Татьяна в Москву приехали ещё в тридцатых, завербовавшись на Метрострой, а познакомились – в Ленинграде, куда во времена нэпа в поисках лучшей доли из деревень (в наши дни уже давно не существующих) перебрались их семьи. Перебраться, надо сказать, они успели очень вовремя, ибо вскоре сплошная коллективизация наглухо закрыла дорогу в города крестьянам,

фактически прикрепив их земле словно крепостных – колхозникам паспорта были не положены.

Если дед соглашался со своим карельским происхождением (хотя на людях этого никогда не делал), то бабушка «вепсянкой» себя никогда не называла. На мой вопрос о её родном языке лишь пожимала плечами и искренне не понимала: «Какой язык? Не знаю. Просто говорю так, как люди у нас говорили». (Идентификацию этого языка как вепского по ряду характерных слов я проведу гораздо позже, уже в институте на финском факультативе).

Дед и бабушка прожили вместе долгую жизнь. Буквально перед войной бабушка выучилась на курсах вагоновожатых и стала водить трамвай. Дед же, когда началась война, несмотря на метростроевскую бронь, пошёл на фронт добровольцем. Участвовал в обороне Москвы, был ранен. Всегда гордился своими боевыми наградами и тем фактом, что вступил в партию в самые трудные дни октября 1941-го, когда едва не случилась паника в связи с прорывом фашистов к столице... На Метрострой дед уже не вернулся, так и оставшись «под погоном». Сорок с лишним лет отдал он потом службе в пожарной охране...

Из-за войны я мог бы никогда и не родиться. В июне 1941-го бабушка с трёхлетней дочкой Вале-Белочкой (так на всю жизнь прозвали её из-за ослепительной белизны волос), в отпуск поехала навестить своего брата Сергея, который жил тогда в Петрозаводске. Там их и застала война. После немалых раздумий было решено возвращаться в Москву. В пути они несколько раз попадали под бомбёжку, а маленькая Валя навсегда запомнила рыжего немецкого лётчика, который из пулемёта расстреливал пассажиров, бросившихся врассыпную из вагонов... Каким-то чудом, с многочисленными пересадками, через Питер, где тогда тоже жила родня (большинство из них погибнут в Блокаду), бабушке с мамой удалось добраться до дома. Валя-Белочка выросла и стала потом врачом и моей мамой, познакомившись в начале 1960-х гг. с моим будущим отцом Юрием на вступительных экзаменах в медицинский...

Вели корни...

Я хотел было поддержать семейную традицию, но в «олимпийском» 1980-м поступил в вуз совершенно иного профиля – институт иностранных языков имени Мориса Тореза.

Этот несколько неожиданный для родных выбор в пользу филологии предопределил и всю мою дальнейшую служебную карьеру. Начинать военным корреспондентом в армейской многотиражке. Затем была окружная газета, Высшие офицерские курсы Минобороны СССР «Выстрел», где в дополнение к гражданскому диплому приобрёл специальность офицера-пропагандиста. Дослужился до капитана. Потом, на «гражданке» работал в информационных агентствах ТАСС и «Интерфакс», на телевидении. В противоречивые девяностые, когда прекратилось госфи-

нансирование всех телепрограмм, кроме новостных, решил вновь надеть погоны. Служил в подразделениях информационного обеспечения, международного сотрудничества ФСНП России и МВД России. Вышел в отставку в 2014 году в звании полковника внутренней службы, дослужившись до «предгенеральской» должности заместителя начальника министерского Управления. Для «неблатного» и выходца из другой «системы», в общем-то, не так уж и плохо...

Многое было за годы работы и службы... Будучи журналистом, освещал события в странах Балтии и Фенноскандии, на Северо-Западе России. Организовывал там «Интерфаксовскую» корр-сеть. Будучи офицером правоохранительных органов, работал в оперативном комитете и группе личных представителей глав Правительств Совета государств Балтийского моря, принимал участие в «полицейских» проектах Совета Баренцева/Евроарктического региона. По линии двустороннего сотрудничества работал ответственным секретарём групп по оперативному взаимодействию МВД России с МВД Финляндии, Эстонии, Норвегии, Польши... Участвовал в работе межправительственной группы по развитию сопредельных регионов, готовил совещания по приграничному сотрудничеству с перечисленными странами. Принимал участие в разработке и осуществлении ряда операций по оздоровлению криминогенной обстановки в приграничье, за что был награждён несколькими ведомственными наградами, в том числе и сопредельных государств и даже ООН. Защитил диссертацию, став кандидатом юридических наук. Предметом научного интереса стал опыт обеспечения внутренней безопасности в странах Балтии и Фенноскандии.

...Долгие годы никогда особо не вспоминал о своих корнях. (В моей семье, кстати, они переплелись самым причудливым образом: по линии отца предки – выходцы из Речи Посполитой). Во времена детства и юности, совпавшими с «брежневским застоём», когда, согласно партийной идеологии, «успешно сформировалась новая историческая общность – советский народ», выпячивать свою национальную самость считалось дурным тоном. Да и в мегаполисе, где «всех мастей – волостей», каким-то «особым» происхождением никого не удивишь. В зрелости же служба занимала практически всё «время и пространство». В самом деле, работа в центральном аппарате силового ведомства при крайне жёстком графике «с 8 утра и до упора» (который частенько наступал далеко за полночь), с редкими выходными и отпуском в лучшем случае на неделю-две в год, не позволяет сосредоточиться ни на чём другом, кроме сугубо служебных вопросов.

Впрочем, думаю, что именно эти самые «корни» и вели меня всегда по хитросплетениям служебного лабиринта. Чем же ещё можно объяснить, что оказывался почему-то всегда именно там, где жили предки, ездил именно «по дорогам, исхоженным дедами»? Питер и Ленобласть, Карелия и Кольский, Эстония и Финляндия, Польша, Литва, Беларусь...

Сила слова

...В одну из многочисленных командировок на Север как-то и попалась мне книга стихов Николая Абрамова (как выяснилось позже – вообще первая художественная книга на вепском). Помню, я просто взял и начал её читать. По сути, не зная языка. Ибо 20-30 «бабушкиных» слов, конечно, не в счёт, да и финским, через который можно было разобрать, написанное, с институтских времён не пользовался (с коллегами из Суоми большей частью всегда общались на английском, а из Эстонии – на русском). Рационально объяснить это невозможно, но мне показалось, что я понял чуть ли ни всё содержание того сборника! Не знаю, может, именно так – внезапно и вдруг – и просыпается память предков? Именно так, благодаря силе слова, и «приходит» язык?

Потом были «осилены» и другие абрамовские книги стихов, и сборники других вепских поэтов – Андреевой, Башнина, Зайцевой... Читал их уже со словарём. Дивился красоте и мощи древней вепской речи, восхищался выразительностью рифмы, размеру стиха. Горячо радовался, что и у вепского народа есть свои Поэты! Да какие! (Абрамова для себя с самого начала назвал «вепским Есениным». Его же русские стихи показались мне удивительно созвучными рубцовским).

...Выйдя три года назад на пенсию, к корням обратился более основательно. Вступил в московское Карельское землячество. Стал регулярно принимать участие в его мероприятиях. Перечитал в Интернете, наверно, всё, что можно прочесть, и о вепсах, и о карелах, включая научную литературу. Но мне как человеку, с юности пишущего стихи (на русском у меня вышли три сборника), наиболее близка оказалась именно поэзия. Хотя потихоньку стал читать и газетные тексты по-вепски. До сих пор как ребёнок буквально хлопаю в ладоши от радости, когда понимаю написанное в той же вепской газете «Kodima» («Родина»), не прибегая к помощи словаря!

Имея за плечами опыт перевода поэзии на русский с финского, эстонского, польского, начал переводить и с вепского. Незаметно для себя перевёл довольно много стихов. Увлекательное и чрезвычайно творческое занятие! Как же интересно подбирать нужное слово, при этом стараться сохранить особенности рифмы, размер стиха... А затем, совершенно, неожиданно для самого себя попробовал и сам написать строфы по-вепски! Помню, первый вепский стих мне как будто кто-то надиктовал – оставалось просто сесть и записать его. Словом – чудеса!

А в этом году подборка моих стихов на вепском языке вышла в вепскоязычном ежегоднике «Verez tullei» («Свежий ветер»).

Письменность и численность

И вот, в который раз спрашиваю себя: а могло ли всё это случиться, если бы не существовало вепской письменности? Конечно же, нет! На на-

Ник. АБРАМОВ

Н.Г. ЗАЙЦЕВА

ших глазах, на небольшом историческом отрезке в четверть века, случилось великое чудо – её возрождение и становление вепского языка как литературного. Именно благодаря этому факту и стало возможным возвращение к корням многих людей вепского происхождения, в том числе и автора статьи. Ведь, согласитесь, вне языковой среды (а потомков вепсов мне доводилось

встречать и в Питере, и в Таллинне, и в Хельсинки) единственным вариантом приобщения к культуре и «духу» предков является именно письменность. Пусть мы и не говорим на языке, но можем же прочитать и понять написанное, а это очень и очень немало!

С высоты сегодняшнего дня смешно и грустно перечитывать статьи маловеров и противников целесообразности придания вепсскому языку статуса письменного конца 1980-х гг. Тогда на страницах республиканской прессы была развёрнута целая дискуссия на эту тему. Жизнь убедительно доказала правоту зачинателей вепсского Возрождения – Р.П. Лони́на, А.В. Петухова, З.И. Строгальщиковой, Н.Г. Зайцевой, Н.В. Абрамова и многих других вепских энтузиастов и активистов...

Сейчас, когда написаны буквари и учебники, составлены словари, когда появилась национальная художественная литература, когда язык преподаётся не только в школах, но и даже в вузах (!), когда у вепского народа есть своя газета, создан эпос, переведены Евангелия, когда выросла молодая смена продолжателей великого дела, можно с уверенностью сказать: вепский будет сохранён и для будущих поколений, и для вечности!

...В середине-конце 1980-х гг. численность вепсов и, к примеру, другого прибалтийско-финского

народа – сету – была примерно одинакова. «Стартовые условия» – также приблизительно одинаковы. Оба народа – «сельские». Оба языка тогда были бесписьменны. Обучения на них не проводилось.

Сегодня, 25–30 лет спустя, число вепсов (включая людей вепсского происхождения) приблизительно то же. Число бесспорно называющих себя сету – несколько сот человек. При этом на территории России сету осталось всего несколько десятков. Остальные (в силу большей частью экономических причин) за эти годы либо ушли в мир иной, либо переехали в Эстонию, где сету до самого последнего времени считались лишь «православными эстонцами», т.е. фактически частью эстонского народа или, в лучшем случае, его этнографической группой. В быту сетусский используют разве что старики, молодое поколение давно перешло на эстонский, вспоминая о своём происхождении только во время фольклорных праздников. Презентация пробного учебника сетусского языка намечена только на текущий год. Язык преподаётся лишь в одной школе – в Печорах. Факультативно. У сету в своё время не нашлось таких подвижников, как у вепсов...

НАРВА-ЙЫЭСУУ – ПЕЧОРЫ – МОСКВА

←-----→
Михаил ВАСЬКОВ

ЧТО ЗА ЧУДО ТОТ ЯЗЫК!..

ВЕПСКИМ ПРЕДКАМ

Не слышал я прабабки речи –
Её в живых я не застал.
Лишь на могиле её свечи
Всегда на Пасху зажигал...

Мне мать рассказывала как-то:
– На непонятном языке
Прабабка с бабкой, её братом
Шептались тихо, в уголке.

Язык не финский, не карельский,
Хотя на финский и похож,
Но был какой-то, что ли, «сельский»,
В нём русских слов немало тож...

Прабабка – родом с Межозёрья.
Я разгадал, что за язык
Тот был, как в институте вскоре
Профессор встретился, старик,

Что вёл факультатив нам финский.
Услышал я впервые – «вепс».

Чудной и даже сатанинский
Тогда в нём слышался контекст.

Ведь из истории мы знали,
Что лопари, весь – колдуны!
Так просто встретишь их едва ли –
Живут на Севере страны...

...Года прошли. Объездил Север,
В глуши далёкой побывал.
Легенды старые проверил,
Народов много повидал.

Был и в краях, где жили предки,
Зов крови в путь меня позвал,
И путевые я заметки
В стихах на русском записал.

Язык же дивный предков – вепский –
Я с удовольствием узнал.
А интерес свой давний детский
Вдруг рифмой вепсской доказал!

2016

ВЕПСЫ

Народ загадочный и древний
На Русском Севере живёт
Разбросаны его деревни,
Оять¹ где чистая течёт,

Где волны плещутся Онеги,
Где начинается тайга...
Берестяные обереги
Там защищают от врага.

Там почитают духов предков,
Хозяев леса и воды.
Считают, что они нередко
Людей спасают от беды.

Там ели, камни – всё живое!
И нойды² не перевелись.
Там современность и былое
В клубок один переплелись.

Там рыба есть ещё в озёрах,
Её наловишь – и не счесть!
Грибов и ягод столько в борах,
Что будешь их всю зиму есть!

Там репы, брюквы и турнепсы
С картошкой спорят до сих пор...
Народу имя тому – вепсы,
Об их земле наш разговор.

Потомки древней веси, чуди
Не позабыли свой язык.
И так традиции чтут люди,
Что здесь ведун любой старик!

2000-е

¹ Оять – река в Вологодской и Ленинградской областях РФ, впадает в р. Свирь неподалёку от Ладожского озера.

² Нойды – колдуны, ведуны, знахари. По древним поверьям вепсов, саамов, карелов и финнов, нойды обладают сверхъестественными способностями (как позитивными, так и негативными) в управлении силами природы и людьми.

Их к ведехиине¹ услышишь
Коров, лошадок напоить.
Когда же ласточки под крышу
Летят под паутины нить,

У дома прыгают по веткам,
Вепс даже кланяется им:
Ведь это, может, души предков
Спешат вдохнуть родимый дым!

В лесу вепс мусора не бросит,
А снимет шапку, в лес входя,
Грибов мецхиине² попросит
Набрать. И только погода

Свой путь продолжит дальше в чашу.
А перед тем помыться как,
Попросит банника почаще
Давать семье телесных благ...

В избе живёт же пертинижанд³.
При переезде в новый дом
Вепс, кланяясь ему пониже,
Пустить попросит всех с добром.

А перед каждою рыбалкой
Попросит озеро рыбак:
– Дай рыбку, ярви⁴, сколь не жалко!
Посыплет в волны он табак,

Как бы оплату за услугу –
Вепс веру в духов сохранил!
С берёзой, видел, как с подругой
Соседский мальчик говорил...

2000-е

¹ Ведехиине (вепс.) – Водяной.

² Мецхиине (вепс.) – Лесовой дух, лесной.

³ Пертинижанд (вепс.) – «Хозяин избы», домовый.

⁴ Ярви (общ. прибалт.-фин.) – Озеро.

ВЕПСИЯ

1.

Такой страны на карте не найдёте.
Сюда не долететь на самолёте -
Дорог больших проезжих даже нет...
Озёра, лес встречают лишь рассвет.

В ладу с природой девственной и чистой,
Даря гостям нечастым взгляд лучистый,
Красивый, обстоятельный народ
Веками на земле своей живёт.

Что за чудо тот язык!..

У ВЕПСОВ В ДЕРЕВНЕ

Однажды в вепсской я деревне
Случайно как-то побывал.
Влюбился вмиг в народ тот древний,
И много нового узнал:

У вепсов всё вокруг живое –
Деревья, камни и костры.
Когда скотину к водопою
Подводят, просьбы нехитры

05 / 2017

В глазах его озёр и речек просишь,
Наряды – словно краски дала осень.
Хранят в избе нехитрое добро -
Их волосы здесь золото, серебро...

2.

Страна зовётся эта Вепсия...
Какая сочная экспрессия
Звучит загадкой в слове этом!
Какой простор для рифм поэтам!

Интеллигентам же – рефл?ксия,
Почти покинута ведь Вепсия...
(Причины приводить не будем).
Здесь нелегко живётся людям,

И экономика в депрессии
Давно в хозяйствах древней Вепсии...
Но всё ж надежду я питаю,
Что будет возрожденье края!

2010-е

СКАЗКИ ВЕПССКОГО ЛЕСА

Глухие вепские леса...
Вот, где русалки хороводят!
Есть белка, заяц и лиса,
Медведь порою колобродит...
А в тёмной чаще знает толк
Охотник – там таится волк!

Глухие вепские леса...
Грибов – на диво! Ягод много...
Поверит всякий в чудеса:
Вот, кажется, была дорога,
Да в вечер леший ворожит –
Тебя вмиг разом закружит!

Глухие вепские леса...
Не дай Господь здесь заблудиться...
Но летом ночь лишь полчаса –
Рассвет встречают песней птицы.
При ясном солнце путь найдёшь,
Уже с тропинки не свернёшь!

Глухие вепские леса...
Ах, что за краски дарит осень!
Какая всюду тут краса!
Озёр лесных какая просишь!
А как зимою ляжет снег,
Бери-ка лыжи, человек!

Глухие вепские леса...
Здесь до сих пор жива природа...

Кристалльно чистая роса
Дарует память тебе рода.
А коль найдёшь в лесу родник –
То вспомнишь предков вдруг язык!

2016

ВЕПССКИЙ ЯЗЫК

Что за чудо тот язык,
Речь распевная.
В сердце он вдруг так проник,
Сила древняя.

То зальётся, запоёт
Звонкой птицею.
Чародейственно блеснёт
Вдруг зарницею.

Зажурчит ручьём лесным,
Вспыхнет пламенем.
То взовьётся волостным
К небу знаменем¹.

Зашумит порой листвою,
Ухнет филином.
По воде плеснёт плотвой
Обессиленно.

Иль порывом полоснёт
Ветра резкого,
Волшебство нам принесёт
Слова вепского.

2016

¹ Флаг ныне упразднённой «в связи с новым районированием» Вепской национальной волости представляет собой т.н. «скандинавский» синий крест в жёлтом обрамлении на зелёном фоне.

ВЕПССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ (шутка)

Детей пугают всегда букой.
Но кто же «бука» этот сам?
Необъяснимое наукой,
Коль не присмотришься к словам.

Зовётся «буккой» – «призрак» в вепском.
И, верно, в прежние года
Пришло то слово в русский. Вепским
Тут аргументом будет нам,
Что в слове из трёх букв известном
Есть тоже вепский корень – «срам»!

2016

ЛИЦОМ К ЛИЦУ – НЕ ВИДАТЬ ЛИЦА!

Ночью была сильная непогода, дождь дальше вечной мерзлоты, многолетнемёрзлого грунта не прошёл, и на очень мокрой третьей планете от солнца лежали многочисленные глубокие лужи. «После такого ливня на Горном грибов – море! – говорит Володя, перекидывая через плечо лямку летнего комбинезона и предупреждает. – Будем брать шляпки, ножки не берём, возни с ними много, и место они занимают на порядок больше. Я пока заправлюсь, пока машину из гаража выгоню, двадцать минут тебе на сборы хватит, успеешь управиться?»

– Постараюсь, а если не успею, тогда что?

– Как что?! Дома останешься.

– Ничего себе! Всю неделю этой поездки ждала, чай с дымком попить, на огонь посмотреть...

– Мать! Мы не чаи гонять да обкуриваться едем, а грибы на зиму заготавливать. Впрочем, один другому тоже не помеха! И смеётся: «Вот ведь, задача какая, палка-то, как её ни крути-верти, выходит о двух концах! Сама посуди: чай не попьёшь – какая сила? Чай попил – совсем ослаб! Так что, мать, не волнуйся, главное, бери побольше еды, а там на месте уж как-нибудь разберёмся!

Двадцать минут, это ведь ещё одна тысяча двести секунд! Успею!

Двери гаража оставили открытыми настежь, пусть помещение проветрится, из всех углов выгонит долгую зимнюю стужу. Выезжаем на асфальтированную дорогу всего в две полосы, но для села, заложенного солдатами-фронтовиками ещё в далёком победном 1951 году, этого достаточно... пока. Ослепительным огнём полыхают чисто промытые стёкла домов, бесшумно скользят по мокрому асфальту переобутые на горячий летний сезон не шипованные резиновые шины. Спорткомплекс «Мечта», памятник Победы 74 солдатам оленеводам рыбакам Байдарацкой тундры, здесь на площади, выложенной красными керамическими плитками любит встречаться молодёжь, устраивая свидания, они так и говорят: «Встретимся на Красной площади!» Одноэтажное здание сельской Администрации, магазины частных домов, котельная установка на жидком топливе, цех по переработке мяса оленины, выпускаемая ею продукция колбаса «Мадатуй» (милая дорога) пользуется спросом и за пределами области, пантокринный цех, рыбный цех и все эти сооружения выполнены в соответствии с духом времени из стекла, пластика, металла. От па-

лящих лучей солнца, от работающих двигателей в железной кабине уазика становится жарко, даже включённый на полную мощность вентилятор не в силах выдать желаемую прохладу, а ведь утро только начинается, что же делать в полдень, как спастись от зноя?! Выбор есть, но уж очень небольшой! Или целый день (если работать не надо) сидеть по шее в Купальном озере, изредка выходя на сушу, на радость кровожадным комарам. Или обливаясь потом, задыхаясь как рыба, выброшенная на берег, килограммами кушать мороженое, лёжа на полу, под включённым вентилятором и... зарабатывать ангину. Вот ведь как бывает! Володя ловит свою любимую волну, звучит красивая мелодия, между домами, между густой листвой деревьев нет-нет да промелькнёт вырванный из реки голубой кусочек водной глади, заканчивается асфальт, начинается спуск. А перед этим (перед спуском) он высаживает меня из уазика и уж потом начинает движение вниз, под гору. Спуск сложный, берег крутой, опасная задумка! Когда я говорю ему об этом, в ответ он только смеётся: «Мать! Кто не рискует, тот не пьёт шампанское!» А я и рисковать им не хочу, и от шампанского отказываюсь, ни к чему такие вещи делать, но Володя он и есть Володя! Мне страшно за него, я отворачиваюсь, стараюсь ни о чём плохом не думать, отвлекая себя, смотрю в небо. Высокий безоблачный небосклон – океан солнечного света, выгоревший до глубокой белизны голубой ситец. Небо, небо, небо!

В детстве мы, девочки, любили примеривать на себя красивые белые облака, а мальчишки (они были смелыми!) мечтали кататься на них, я же хотела оседлать самую красивую и полететь на ней в Мужики. Там жила моя крёстная мама, а ещё там были большие деревья (сосны), обнять их, прижаться щекой к шершавой коре, которая так вкусно пахнет солнцем и горячей смолой, как это мне нравилось! Даже по жгучей крапиве сучала, дом стоял над самым обрывом, внизу шумела Обь, широкая, сильная река редкий день была спокойной. А потом была сильная гроза, небо закрыли тучи, потемнело, маленькая комната то и дело озарялась яркими вспышками молний, в оконных переплётах мелко дрожали стёкла готовые в любую секунду вылететь из них, сильный ветер раскачивал верхушки высоких сосен. Взрослых не было дома, перепуганных младших сестёр запрягла в большой шифоньер, сама же

стояла у окна и смотрела, как через большое поле бежит отец. Сквозь плотную пелену дождя, размазывая по лицу слёзы, всматривалась в ливень, не выпуская изо – всех сил удерживая в глазах фигуру отца. Мне казалось, если я его фигуру не сохраню в пелене дождя, то больше уже никогда не увижу.

Отец был единственным мужчиной в доме, иногда он шутил, называя себя командиром женского батальона, и в этом была нешуточная правда: девять женщин это серьёзная сила! А ещё я хотела удержать время, чтобы мамочка и отец не старились, но четвёртое измерение никому ещё не удалось остановить, года шли, увеличивалось горькое чувство потери. Днём, в детских играх оно как-то ещё притуплилось, но ночью меня часто будила родимая, переворачивала мокрую от слёз подушку (она знала о чём я плачу), успокаивала: «Слёзы во сне к радости, значит, я долго буду жить!»

А ещё моим ненавистным врагом был будильник «Витязь», хромированный со звоном, с большими цифрами он тоже безжалостно, в створе с трудоднями, отнимал минуты, часы, дни, годы общения с родителями. Противный будильник громко считывал время, повернувшись к нам круглым циферблатом. Особенно ненавистным он становился в последние месяцы года, когда на звероферме (черно-бурые лисицы) начинался одновременно и гон и забойка. Декабрьские дни это крутые сутки Полярная ночь, темно холодно страшно было, когда мы крепко взявшись за руки, выходили на дорогу встречать родителей. Увидев ещё издали высокую фигуру отца (с таким ростом только в баскетбол играть) и быструю летящую походку мамочки сплетённая цепь детских пальчиков мгновенно разрывалась, руки ноги крылья!

– Трусиха, иди сюда! Всё кончено, я уже спустился, забирайся в лодку, принимай вещи! – возвращает меня в реальность весёлый голос мужа.

Канистра с бензином, пятилитровый чайник (на двоих!), продукты, корзины, бак эмалированный под засолку рыбы, килограммовая пачка соли и ещё многое другое перекачывает из багажника автомобиля на борт маломерного судна. Движения точные, выверенные по времени, но задние колёса автомобиля всё же успевают просесть в мокрый песок. Машина буксует, ревет, Володя давит до упора на педаль газа, дым, копоть, железный конь ни с места, узик безнадежно надолго застревает, поездка за Обь на грани срыва. Я молча выбираюсь из лодки, расстроенный Володя делает то же самое, мы понимаем друг друга без слов и знаем дальнейшие свои действия. Просить помощи в это раннее утро не у кого, вдоль всего берега выстроились в стройную шеренгу только одни молчаливые ходоки по воде. Большой катер «Кунгур» талантливого организатора, успешного рыбопромышленника Аглеева Израфиля Гарифовича, медицинский «Гиппократ», «Бриз», чернобокие бударки рыбаков, много лодок, много воды, а солнце – «белое солнце пустыни» – одно на всех. Мелкие камешки и мокрый песок это совсем не вязкая глина, которая жирно

чавкает и затягивает следы, поэтому идти по берегу одно удовольствие, поиски наши увенчались успехом: находим большую потемневшую от воды корягу, видимо, недавно выброшенную штормом из реки и это то, что нам надо. Володя снова садится за руль, до упора нажимает на педаль газа, машина ревет, буксует, коряга всё больше проваливается в мокрую почву, ядовитые выхлопы, чёрный дым и ощущение полной безнадёжности. Вдруг (о радость!) узик подхватывается, рвётся вперёд и на всей дури выскакивает на асфальт, продавленный глубокий след ментально, на глазах, заполняется прибрежной водой. Многострадальную машину оставляем наверху, пересаживаемся в дюралюминиевую лодку.

Большая «Обь М», тяжёлая и неповоротливая на суше, на воде «ласточка», а как работает с волной, красота! Прекрасно дополняет эту красоту великолепный японский подвесной мотор Цузуки в сорок лошадиных сил, мы (муж, сын и я) его купили в складчину на первые свои отпускные (роскошное приобретение после восьми лет нищеты!) и всё же недостающую сумму ещё пришлось одолжить у брата Игоря. Умнейшая техника! Одним поворотом ключа мотору задаётся режим «задний ход» и он плавно отходит от глубокого берега, будь глубина недостаточной – незамедлительная реакция, предупреждающий звуковой сигнал.

Красота! Мелькают берега, берег левый берег правый, повороты следуют один за другим, очень извилистая река Щучье, вода тёплая, как парное молоко, скоро сор. Эмалированный десятилитровый бак, острый нож, столовая ложка из нержавеющей стали, килограммовая пачка крупной соли, дело остаётся за не многим: проверить ставные сети. Проверять их надо до того как поднимется солнце, стоит хоть сколько недолго пропустить это благословенное время и рыба испортится, протухнет, сварится на жару. Сор – кормовая база всевозможного рыбного мира, не заходит сюда разве что Царь подводного государства – осётр!

Огромными тёмными тучами над водой роятся комары и это хорошо, чем больше комаров, тем больше рыбы. Лодка, касаясь вёслами, плывёт по зелёной муксун-траве, название травы само за себя говорит какой сорт рыбы в этом водоёме преобладает. На плаву уже несколько лодок, строго по два человека на каждой, один из проверяющих управляет вёслами, причём не обязательно это должен быть мужчина. Другой (а это обязанность сильного пола), подняв резиновые бродни до бёдер, широко расставив ноги стоит на самом носу лодки и вытягивает из воды на себя мокрый тяжёлый улов.

Работа очень сложная, требующая сноровки, умения удержать, не спутать в воздухе рыболовную снасть, требуется немалая напряжённость в ногах, сосредоточенность и ещё ряд других хороших спортивных качеств. Выхваченный из нитяной ячейки толстый жирный муксун, подброшенный сильной рукой, взлетает вверх, летит и, сверкнув серебром... падает на дно лодки, рыба

широко раскрытыми жабрами жадно ловит воздух. Уловом довольны, хватит на уху, нярхул и ещё на засолку останется! Между тем проверяющих становится всё больше, на гребях, ловко курсируя между лодками, приветствуя друг друга, перекидываясь шутками-прибаутками, за разговорами как-то незаметно быстро выезжаем на открытый водоём, начинается Малая Обь.

Удивительное дело, уже все сроки большой воды прошли, давно бы пора показаться берегам, но нет же, далёкие берега всё ещё остаются далёкими. Не каждый год такое запоздалое многоводье бывает, но если уж бывает, так бывает! Большая вода это не просто H₂O, это и большая память народов живущих по обе её стороны, начинается она (память) далеко, отсюда не видно, где-то здесь в этом огромном море воды есть и моя капелька памяти. Тогда такой же был солнечный день, а перед этим, ночью, прошла сильная гроза с проливным дождём и ураганным ветром. Уже на утро, стоявшая под навесом двухсотлитровая железная бочка была полной до гладко обработанных электрической сваркой краёв, и с каждой упавшей каплей продолжала переполняться. Дощатый настил перед крыльцом уже успел просохнуть, на придорожной траве разноцветными огоньками догорала роса, жарким огнём сияли чисто промытые стёкла домов. Маленький рыбацкий посёлок ещё досматривал сладкие скоротечные сны, даже соседский Петя-пегушок ещё не взлетел на забор и, прочистив горло, не пропел своё приветственное «ку-ка-ре-ку», а мы уже позавтракали и теперь собирались в дорогу. Перебрасывая через плечо лямку лёгкого комбинезона, Володя говорит: «Детей брать не будем, пускай перед школой отсыплются, как учёба начнётся, так опять ни свет ни заря подниматься будут, да и ехать далеко, к тому же мотор ненадёжный. Вчера ты уже спала, а я с ним ещё до полуночи возился, всё никак не мог искру найти».

– Нашёл?

– А як же! Куда она от меня денется!

– Володя! Тогда, может быть, и нам рисковать не стоит, где-то здесь не далеко на речке остановимся?

– Нет, мать, я сказал «поедем за Обь!», значит, поедем, я от своих слов никогда не отказываюсь!

Мотор «Нептун» снова куда-то потерял искру, не заводится, одна за другой летят за корму свечи зажигания. Управление лодкой в моих руках, громко сказано – управление, никакого управления не было с моей стороны. Это лодка управляла мной: она то к правому берегу прибьётся, то потелепается, вроде как раздумывает, и тут же к левому берегу пристаёт, изо всех сил налегаю на вёсла, но удержать её по руслу нет никаких сил, хоть плачь! Видя такое дело, Володя бросает возиться с мотором, идёт на помощь, при этом ругает (не меня!) производителей неудачного товара: «Откуда только у людей руки растут?! О чём они только думают, когда технику собирают, явно не обо мне! Вот посадить их сюда под комары, вмиг бы прозрели, поняли, что к чему приложить. Зараза такая, достала она меня, в самых печёнках сидит, последний раз завожу, а там пристанем к берегу, раскидаю, вот там-то и докопаюсь до истины, разберусь, что к чему».

То ли мотор испугался, что хозяин выполнит нешуточную свою угрозу и разберёт его по запасным частям под тучей комаров на мокром берегу, то ли самому эта канитель тоже уже порядком надоела, только искра выскочила как чёрт из ладана, Володя успел крикнуть: «Пригнись!». Длинный верёвочный шнур с металлическим набалдашником на конце со свистом разрезал воздух над моей головой, вот так и получилось, что на одной искре, даже и не помышляя переключать скорости, проехали все рыбацкие пески, проскочили Малую Обь, выехали на Большую.

У каждого грибника есть свои любимые места, таким для нас был мыс «Победа». Этот богатый ценными сортами рыбы рыболовецкий песок открыли и обустроили по европейскому типу ведения хозяйства солдаты (16 вернувшихся из 74) ВОВ в летнюю путину, в самую первую путину победного 1945 год. Те самые... В окопах врага возникала паника, когда с победным криком «Ура! Вперёд! За мной! За Родину! За Сталина!» в атаку поднимались сибиряки, дети репрессированных родителей! Те самые... Удивительная тишина в этот день стояла на реке, по зеркальной глади его бежали слова рыбаков, работников лова «живого серебра».

– Как идёт рыба?

– Улов улучшается, норму выполним!

Берег два в одном, один пологий, другой отвесный под прямым углом, обросший густым лесом, с постоянной скоростью (ещё бы! на одной искре!) идёт на встречу. Красивые на Горной стороне Оби места, глаза отдыхают глядя на такую красоту, вещи, продукты оставляем внизу, поднимаемся наверх. «Тихая охота» начинается, разделились по интересам, Володя углубился в лес за подберёзовиками, я осталась на поляне брать маслята. Многоуровневый густой лес со всех сторон обступил грибную поляну, грибы как на подбор все блестят коричневыми шляпками, все красивые крепкие так и просятся в ведро, грибов много, а комаров больше, увлеклась поисками и не заметила, как подошёл Володя.

– Поехали домой!

– Как поехали? Мы даже ещё чай не пили! – Я ещё попыталась сопротивляться отъезду, но, взглянув в лицо мужа, на полуслове прикусила язычок.

Как ни быстро торопились проскочить опасный двухкилометровый перевал, никак не успели! Ожидаемый шторм всё же стал внезапным, ниоткуда взявший безумный ветер захватил, закружил лодку, да так, что на самом гребне волны видно было, как моторный винт всеми мокрыми лопастями молотит ветер с дождём снегом. Где берега? Куда плывём? Кругом взбесившая вода, жуткий холод посреди знойного лета, может это страшный сон?

– Мать твою! Река совсем сорвалась с катушки! Не плачь и не бойся! Разве это волна?! Так... брызги! Ты ещё настоящую волну не видела!

Обь стала другой, чужой она стала! Слово где-то на самом дне её образовался гигантский разлом и из этой трещины другая тёмная река с дьявольской силой поднимала и закрывала солнце миллионами капель обской воды. Тяжёлую «Обь» как

куриное пёрышко поднимало на гребень волны, играючи разворачивало и с треском кидало под следующую идущую за ней волну, красивое лицо мужа словно окаменело. И вдруг, как наяву, я увидела стоящую на коленях перед горящей лампадой бабушку Клавдию Васильевну, заглушая сумасшедший ветер, о чём-то шелестели её сухие губы. О чём?! Знать бы хоть полслова, хоть полбуквы, о чём она говорила с её любимым богом! Я так хотела попросить у Него помощи, но не знала, как к Нему правильно обратиться, ведь мы были не его дети, а дети Октября!

Лодку заливало, всё, что могло обледенеть, уже покрылось корочкой льда, ветер срывал одежду, куда-то с диким хохотом уносил последние остатки человеческого тепла. Давно оба без головных уборов, тёмные волосы Володи, мои косы – мокрые, смёрзшие, спутанные пряди. Крутится, стонет, я плачу, снова и снова повторяется злой умысел: разбить, раздавить, унести на самое дно лодку, мотор, людей, грибы. Не было никаких моих сил смотреть страху в глаза, хотелось думать, что эта беда не с нами происходит, что это страшный сон, только надо проснуться.

С трудом оторвала пальцы от обледеневшего поручня, запряталась, сползла на дно лодки, крепко обхватила ноги мужа, видела, как по голенище тонкой зелёной резины сапог катились тяжёлые капли дождя со снегом, своих солёных горячих слёз я там не видела. О чём плакала, обнимая ноги любимого, среди плавающих в воде

грибов?! О береге! О тихом берегу маленькой речки Щучье, где ласковый прибой и жёлтый песок. Пришла беда – отворяй ворота! Заклинило мотор! Мне пришлось сесть за руль управления, мне?! Разве такое возможно?! Разве же я смогу управлять лодкой?! За широкой спиной мужа, мне жилось легко, как за каменной стеной, ничего не надо было делать самой, да я и не умела.

За всю совместную жизнь ни одного гвоздя не забила, всего один единственный раз я попыталась повесить кашпо, доказать мужу, что умею обращаться с молотком, так все пальцы отбила. Пока останавливала хлынувшую кровь, отец моих детей выговаривал: «Мать! Бьёшь по шляпке гвоздя, а не по пальцам! Счёт ведёшь: раз два, а на три делаешь какой тебе нужен допуск – и всё, до элементарного просто! Как же ты, кулёма, будешь жить, когда меня не станет?! Избаловал я тебя совсем!» Но то был гвоздь! А здесь руль!

Володя, с трудом удерживаясь на ногах, пробрался на корму. Я мёртвой хваткой вцепилась в штурвал и из всех на свете слов помнила только слова любимого: «Держи руль по носу лодки!» Кругом только беда, нет солнца, обледеневшая лодка, неработающий «Нептун». Сделав упор на одну ногу, Володя перевесился за корму и ищет пропавшую искру на краю сумасшедшей реки. Стальные волны страшно неотрывно шли и шли навстречу, лицом в лицо, не видя лица! Сколько нас била Обь, сколько раз моё бедное сердце взлетало и замирало на самом гребне сумасшед-

шей волны, а потом с уханьем срывалось вниз под следующую волну, сколько раз я слышала сквозь ветер дождь со снегом крик любимого: «Держи ровнее руль!» ...вечность. Уже потом, дома, я спросила мужа: «Если мотор не работал, зачем надо было держать руль, да ещё строго по носу лодки?»

– Мать! Это засекреченная информация! Даже не вздумай пытаться – всё равно не скажу! Я подписку о не разглашении на 15 лет дал, прости, военная тайна.

– Смеёшься! А мне как было страшно, когда ты сам ушёл, а меня оставил одну.

– Мать! Все мы когда-то куда-то уходим, так что пока я живой, под моим чутким руководством учишься рулить, в жизни пригодится, смотри: так и на кусок хлеба заработаешь.

В жизни пригодится... Пригодилось, да ещё как пригодилось! В стране поменялась власть, и новый (новая метла по-новому метёт) правитель организовал Перестройку, а так как мы жили на самом краешке земли, то до нас она ещё не успела дойти, почему-то думалось, что и не дойдёт.

На запланированный льготный отпуск ехали в Украину, к родственникам мужа. Белоснежный лайнер приземлился в Одессе. Красивый портовый город жил своими проблемами. Старинные особняки, каштаны вдоль сказочно красивых улиц, ресторан, в который мы зашли пообедать, посетители с улыбкой смотрели на нас, таких необычных светлокожих, в тёплых зимних одеждах. Всё было хорошо пока... Проблемы начались позже, когда нас не пустили в Севастополь, надо было, оказывается, получить вызов от родственников, оформить её в милиции, а добраться в город можно было только наземным транспортом (автомашинной). Проехали блокпост, вооружённые автоматчики проверили документы, предупредили, чтоб на дорогах были осторожными (бастовали крымские татары). Севастополь с последнего нашего приезда изменился до неузнаваемости: по пустым улицам свободно летит мусор, остовы сгоревших ларьков... Но самое страшное было не в хаосе на улицах, дворах, всё страшнее становилась реальность, которая с ужасающей правдивостью открывалась нам. Безработица, страх и уныние отныне поселились в этом всё ещё прекрасном городе.

– Знаешь, Люда, – он двумя руками держал мою руку – я чувствую ноги, они перед непогодой особенно сильно ноют (в медицине это называется как фантомные боли). Ты знаешь, небо над Севастополем было чёрным от мессершмитов, с простреленными ногами я всё же довёл свой самолёт до аэродрома, посадил, а уж потом потерял сознание. Дядя Саша, Александр Николаевич Рыбин, боевой лётчик, защитник Севастополя умирал, из всех лекарственных средств ...распечатанная бутылка «Русская водка».

Давно прошли отпускные дни, а выехать домой не было никакой возможности, по всей Украине проходили забастовки, бастовали железнодорожники (на путях стояли пустые составы) почин подхватили профсоюзы лётчиков (самолёты больше не поднимались в небо). Украинский

народ пожимал плоды Перестройки, родственники из Дебальцева задействовали все свои связи, чтобы отправить нас обратно в Россию, нашли какой-то левый состав, который подпольно уходил на Москву. На радостях, на лёгкую дорогу о борт вагона разбили непечатую бутылку «Советское шампанское». Пустые полустанки, мокрый асфальт, длинный свет одиноких фонарей, слезятся стёкла, идёт дождь. В столице тоже беспокойно, но порядок соблюдается, стучат колёса, поезд уходит на восток, северная железная дорога Москва – Харп – Северное сияние – Лабытнанги.

Город семи лиственниц встретил нас холодами, шикарный букет цветов пришлось выбросить, долго ждали паром на другой берег Оби. Салехард. Большая река, большая вода приобрела тяжёлую синь, со дня на день ожидали подвигу, шугу. Тревожными были разговоры на переправе, да и сами люди изменились в худшую сторону. Горько было сознавать, что уезжали – была Родина-мать, вернулись в другую страну.

Семимильными шагами по советской земле шла Перестройка, фабрики, заводы, крупный ли город, одинокий ли чум, человек ли – всё одно: под перестройку СТАНОВИСЬ! Слово-то какое – перестройка! Что перестраивать в СССР? Что перестраивать в первом в мире социалистическом общенародном государстве?! Как можно перестроить 1/6 часть обитаемой суши – 22.4 млн кв.км?! Как можно перестроить свыше 60 тысяч км государственных границ, из которых не менее 2/3 приходится на морские рубежи?! Как перестроить 12 морей, 3 океана: Атлантический, Северный Ледовитый, Тихий?! Как перестроить великую дружбу народов, как перестроить великий День Победы?! Кому, зачем это надо?! А ведь кому-то надо было позарез, прямо как кость в горле у кого-то у этого наш державный многонациональный народ!

Тяжело заканчивался век! Не день и даже не один год перестроечный процесс лихорадил великую державу, что день новости страшнее одна другой, отпочковываются союзные республики, стыдно сказать (но это так!) от СССР осталось три буквы! Закрываются предприятия, на прилавках магазинов пустые полки, живым (мёртвые из списка вычёркиваются) выдаются талоны на продукты, коммунисты срочно прячут партийные билеты (авось, ещё пригодятся!), очереди за спичками, солью, народ готовится к войне, и она начинается. Как сухой порох вспыхивает Восток, появляется Гудермес, военные треугольники, груз 200... Было, было, было.

Даже при большой скорости ехать до Горной стороны Оби два часа, всего два часа... и вся жизнь! Уже на середине реки нас обогнала лодка с одним человеком на борту. Потрясающее зрелище! Гоночная «Обь 4 М» на подводных крыльях, чуть касаясь волны, летела над водой, а многие миллионы капель дождя летели следом за ним к потрясающе красивому мысу «Победа»!

Ямало-Ненецкий автономный округ

Фото автора

Олег ХИМАНЫЧ

ШОЙНА. АКУЛИЙ ПРОМЫСЕЛ

*«Лоцманская проводка при входе в реку Шойна и при плавании по ней обязательна и осуществляется местными жителями».
(Лоция Канинского берега Белого моря)*

Стали на якорь далеко от устья, и лоцмана не запрашивали. Кругом песчаные отмели, между ними извилистый проход, но для нас однозначно – мелкий.

День распластался солнечный, тихий. Легко и ровно работала лебёдка, вельбот стал на спокойную воду и не ёрзал. Мы спрыгнули в него, четверо нас было, но от борта не отошли – старший матрос Бахтин держал концы. Ждали электромеханика. Тот неспешно появился – Сергей Иванович Малыгин, сухощавый мужчина за пятьдесят, с бесстрастным взглядом и угрюмоватым лицом – был он при скверном настроении.

– Иваныч, так идёшь с нами или нет?

– В другой раз... Печку на камбузе запалить надо, – сказал он Бахтину. – А ты узнай про Котцова Фёдора. Живёт ли? Давно не виделись. Запомнил? Котцов Фёдор...

– Так и чего?

– А ничего... – вдруг призадумался Малыгин – Встретишь, привет передай... От Малыгина Серёги...

– И всё? Может, ещё чего в двух словах? Или спросить?

Малыгин снова задумался, но тут же встрепенулся, будто кто его локтем в бок:

– Спроси, помнит ли, как акулью печёнку ел?

– Акулья печёнка? – всохотнул Саша Карельский, самый молодой из нас, всегда весёлый штурманец. – Да ты, Иваныч, и гурман однако...

Малыгин будто не услышал, и Бахтину:

– Знает Фёдор, о чём речь. Должен помнить. Не сомневайся...

– Родственник, что ли?
 – Кореш.
 – У Сергея Иваныча по всему Зимнему берегу кореша, – снова беззлобно подтрунил штурманец, – Иваныч, сознайся, ты ещё и тайной женщиной во всякой деревне обзавёлся?
 Малыгин снова бровью не повёл, но ответил:
 – Да уймись, балабол! Бабы, они по твоей части – клюют на языкатых...

1.

ГС наш зарядили на промеры у Канина, и ничего нам в Шойне не надо было. Бродили мы галсами с неделю, когда на камбузе вдруг обесточилась электропечь, и закончился у нас хлеб. Заодно решили пополнить свой морозильник свежей рыбой – знал старпом, пекарня и магазин в посёлке имеются, и рюжи на тонях местные мужики ставят...

Вельбот смайнали по спадающей воде, и кое-где ближе к берегу уже виднелись плавные горбины грязно-серых отмелей.

Громко протрещал стартующий мотор, обдал нас белёсо-синеватым дымком, тут же сбавил и застучал мягко и ровно. Вельбот шустро вывернул от борта. Мы с артельщиком Савиным – небольшого роста, полноватым, рано седеющим и скучным на слова моряком, уселись ближе к носу. Румпель держал Бахтин Евгений Иванович – напротив, высокий и жилистый матрос, чуть сутуловатый, средних лет, с широким и добродушным лицом. Штурманец Саша Карельский уместился чуть впереди него и не отрывал глаз от воды и берега. Простую навигацию ходил он в Шойну на пароходской плоскодонной «Вавчуге», знал местные осушки и ямы.

День обещал быть тёплым. На небе неподвижные облачка потянулись ввысь, а волны, даже на вид жгуче-студёные, уже с ленцой к берегу бежали.

Посёлок размытыми пятнами построек медленно открывался из-за высокой дюны. На самом верху её – стройная башня каменного маяка, окрашенная в широкие полосы – белую и красную. Маяк здесь главный ориентир и моряку, и пешеходу. Говорят, в ясную погоду видно его с двадцати миль.

Слева вдоль берега, и уже чётче, показались новые строения...

– Замечай входную вешку и держи на неё, – сказал Бахтину штурманец, – и вправо не жмись – много здесь железяк набросано...
 – «Арктикснаб» набросал, что ли? – полюбопытствовал тот.
 – Кому же ещё, как не снабженцам, оснастку и грузы на рейдах топить?

Якорным местом в устье Шойны считается яма, как раз напротив маяка. Глубина там от трёх до семи метров, к ней обычно и подбираются малые суда и плашкоуты. А нам, на вельботе, верно, можно было бы и в реку сунуться, чтоб сразу на поселковый берег, но штурманец заладил:

– Всё же к маяку пройдем, поднимемся, оттуда на Шойну панорама – класс! Ахнете!

Через плечо у Саши Карельского был перекинут тонкий ремешок футляра с новеньким «Зенитом-ТТЛ».

Мы так и катились к берегу по присмирелой воде. Метров двадцать оставалось – Бахтин заглушил мотор, дальше скользили по инерции. На самом мелководье вельбот килем коснулся песка, мягко прошелестел по нему и затормозил. Мы попрыгали через борт, дружно взялись за планширь и протащили вельбот уже посуху, метра на три от воды.

Берег был низким и пустынным: сплошь серый песок, и мелкого камешка не сыскать, а на нём крошечные белые ракушки вперемешку с истончёнными сушью водорослями и обычным морским мусором – почерневшими щепками и кусочками корья, обломками веточек. Как-то грязновато, тускло берег выглядел, и оттого казался ещё более нелюдимым. От уреза воды он плавно уходил, поднимался и вращал в столь же серые песчаные холмы. Ни кустиков на них, ни травы! А на самой большой дюне высился маяк, и чуть поодаль от него прилепился одноэтажный домик. Вообще смотрелась дюна чужеродно здесь, где зелёная летняя тундра должна бы нисходить к морю.

Мы недалеко от вельбота ушли, и почти сразу наткнулись на широкую полосу плавника, выброшенного морем в ненастье. Из песка то и дело торчали сухие и словно обглоданные, брёвна и ветки. Потом их сменили ржавые железяки и мелкий хлам – обрезки листового металла и труб, обрывки стальных цепей, петли буксирных тросов – всё в том же сером песке. Непонятно, где началась та глубокая колея от скатов машин, но привела она к десятку расставленных вкривь и вкось столбиков с провисшей колючей проволокой. За ними – тёмно-бурые от ржавчины цистерны и такие же цилиндры баков и резервуаров, и много их, и не хаотично брошенных, а будто бы расставленных в ряды. Были среди них и заметённые песком наполовину, и обнажённые лишь в самом верху, а у иных просто торчали горловины. Я поначалу принялся их считать: здесь – восемь, там – семь, ещё от них в стороне – четыре, но скоро сбился.

– Топливный склад... С наливных барж и плашкоутов шлангуют, – пояснил Саша Карельский, он уже слегка сбил дыхание ходьбой. – Вояк хозяйство, зенитчиков... Точка у них тут... Солярка, масла, керосин, авиабензин...

– Авиабензин?
 – Для аэродрома...
 – Аэродрома?
 – Гражданский аэродром... По правде, одно название... Лучше сказать – утрамбованный пляж... «Кукурузником» до Архангельска – три часа...
 – А морем?
 – Морским ходом – 270 миль...

Подумать только – всего-то три часа на «кукурузнике», и Арктика! На карте посёлок Шойна от полярного круга недалеко, но всё равно уже за его пунктирной линией. А пейзаж – глазам не веришь! Где же тундра с её бесконечными сопками и несметными озёрами?

Мы брели по зыбучему сухому песку, именно брели. Песок, будто живой, сопротивлялся нам – поглощал сапоги, обтекал их выше щиколоток, держал и, уступая, скатывался. Из нас только голенастый Бахтин шагал уверенно впереди – мы за ним едва поспевали. Тяжеловато было идти, ещё б немного и ноги точно – одеревенели. Но мы дошли без остановки, и дух перевели уже на бетонной площадке маячной башни. Её вкруговую ограждали тумбы и цепи между ними – напоминало провинциальный мемориал...

Мы спиной к морю стояли. Справа и ниже: небольшой дом в один этаж, с фасада – три окна, с торца – два. Наверное, маячники там жили. По левую руку: устье реки – широченное, не понять даже, где и как дно его переходит в правый берег. А если прямо: один песок, лишь несколько тёмных полосок поверх виднелись, похожих на крыши...

– Шойна, что ли? – мрачно спросил артельщик Савин.

Посмотреть на штурманца, так вроде его чем-то сильно расстроили, даже обидели – такое у него было лицо.

– Саня, где твоя классная панорама? – тут уже подначил Бахтин.

– Не знаю... То есть она была... Точно ведь – была... – бормотал штурманец и честно удивлялся. – Ну, надо же, какую гору намело! Всего за год!

Мы и не поняли, откуда вдруг, будто из-под земли, мужичок перед нами образовался, странный такой – в замазученной телогрейке и зимней шапке-ушанке явно не по сезону. Спешил он куда-то, но артельщик Савин успел:

– Слышь, где тут у вас пекарня?

– Вниз пойдёте, так третий дымок справа... – мужичок сказал, как отмахнулся. Мы только и успели переглянуться, а он уже шустро спускался к цистернам на берегу.

– Не зря Шойна тебе привиделась, Саня, – сказал штурманцу Бахтин, – люди здесь тоже, как привидения...

– Хлеб – всему голова, с него и начнём, – постановил артельщик Савин, и мы снова побрели, но уже от маяка вниз. И двадцати шагов не сделали, Шойна открылась нам из-за ближайшей высоченной дюны.

Посёлок на левом берегу реки я бы не назвал большим. Странноватым он казался без деревьев, и непри-

вычно плоским – ни высотной опоры ретранслятора, ни прочих технических мачт, только нестройные частоколы бревенчатых столбов телефонной связи. Домов тридцать всего или около того, и все они, похоже, деревянные, выбеленные ветром и дождями. И в два этажа среди них были, и приземистые бараки, и усечённые со всех сторон, будто сараи, но с крыльцом и окнами. По скатам крыш – они местами тянулись в одном направлении – угадывалось, что в посёлке всё же есть улицы.

Ближние к реке постройки стояли довольно далеко от воды. Их от неё отделяла широкая полоса всё того же серого песка, а на ней сразу различались в явном беспорядке небольшие суда. Пять или шесть, возможно, и больше их было, все без мачт и надстроек. Издалека не определить – старые ли шхуны, баржи или плашкоуты. И не было на берегу ни привычного створного знака, ни геодезической вышки.

Дальняя от реки, южная сторона посёлка отличалась низкими домиками, здесь уже точно не было никаких улиц – беспорядочно разбросанные постройки, и они постепенно редели на подступах к песчаному пустырю, а тот переходил в пологие волны дюн. А уже за ними робко держались холмы с бледной тундровой травкой.

Песок решительно наступал со стороны моря и речного устья. Забирая широким хватом посёлок, он полностью овладел его северными подступами и наверняка уже властвовал на улицах, если даже на дальних околицах Шойны различались его намёты. От них материковая тундра

обречённо отступала вдоль реки куда-то очень далеко.

Пекарню мы действительно нашли по дымку. И минуты не прошло, как в конце длинного и пологого склона увидели несколько печных труб – точно из-под земли они торчали. Отсчитали третью справа, из неё бледно-сизый дымок вился. Подошли ближе – большущая воронка из песка, а в ней почти по самую крышу – изба, к дверям её вход прокопан – наподобие траншеи. Мы снова переглянулись – никогда такого не видели.

– Надо же! – сказал Бахтин. – Дети подземелья...

– Скорее, генералы песчаных карьеров, – возразил Саша Карельский.

Артельщик Савин ничего не сказал, а сразу устремился вниз, толкнул дверь и скрылся в тёмном проёме. Совсем недолго он там пробыл, появился на пороге с дородной женщиной средних лет, в широкой бязевой блузе с крепкими обнажёнными по локоть руками, в туго повязанной белой косынке и при таком же белом фартуке – пекарь или тестомес, скорее всего. Она Савину:

– Если вы к магазину, то держитесь второго справа дымка из трубы...

– Надо же, какие в Шойне ориентиры! – опять удивился Бахтин.

На второй дымок справа недолго мы шли, сразу ступили на деревянный тротуар, какого, верно, и в старой Соломбале не сыскать – аккуратный, по свежим доскам понятно – изладили его не так давно.

Довольно широкая улица, на которой мы оказались, оставляла странное впечатление – ни машин, ни повозок, и жители все как будто попрятались! Никто улицу не переходил и не шёл нам навстречу, никто не сидел на лавочках у подъездов, нигде не отворялись и не хлопали двери ... В этом удивительном беззвучии посёлок, казалось, задремал, только и гремели наши сапоги по дощатому тротуару.

Потом, правда, явились собаки – большие и лохматые – и много же их было! Откуда, из каких подворотен они вдруг сбежались – непонятно, и то ли в своих шубах разомлели, то ли от роду такие добродушные – побрехали для приличия и тут же радостно завили хвостами, лениво засеменили стайками от нас в сторонке. При этом впереди всех особняком держалась чёрная собака – прямо-таки огромная, но соразмерно сложенная, с развитой грудью и мускулистыми лапами, которые не казались короткими. Неведомо, каких кровей намешала в ней природа, но, несомненно, одарила особой статью – она и передвигалась совсем не так, как другие собаки, – рысила коротким шагом, без суеты, даже грациозно. Она и не лаяла, и не рычала, вела себя с подчёркнутым достоинством, а все остальные то и дело поглядывали на неё. Похоже, их стаей верховодила именно она...

А мостовая никуда не сворачивала – только прямо. По обе стороны барачного типа постройки чередовались с домами в два этажа. Если сруб, то из солидных брёвен, если обшивка, то из широкой вагонки, но все дома, как один – серые, некрашенные – снегом, дождём и ветрами с песком

исхлётанные. Ни одного окна, раскрытого настежь, и форточки тоже. И блики не играли на стёклах – все окна тусклые, давно немытые. Разве что в одном признаками обжитого спускалась сверху кружевная занавесь, а с подоконника, загромождённого ярко цветущей геранью, на нас с интересом поглядывала обыкновенная кошка...

Слева – сельсовет с флагом при входе, справа – столовая и магазинчик под вывеской – «Мясо–Рыба». Между ними – памятник погибшим в войну – серый и будто нарочито грубо рубленный. Это центр Шойны. Здесь мы, наконец, увидели сразу несколько человек.

У дверей сельсовета курили трое, рыбаки, скорее всего. Не понять сразу, сколько им лет: так их лица обветрило море, а солнце подпалило загаром. Но пока что тяжёлая работа их не сторбила, не убавила силы в руках и ногах. У двоих – мерклые, ничего не выражающие черты, лишь у одного – необычайно жёсткое восточное лицо с тёмными раскосыми глазами. И у всех выгоревшие до рыжины, взлохмаченные волосы. И неопределённого цвета рубахи с измятыми воротниками. И серые куртки с заляпанными, замасленными до блеска полами. Такие же и широкие нестиранные штаны, заправленные в резиновые бродни с вывороченными наружу голенищами. В этой их поношенной, испачканной одежде, в засохших мазках глины на сапогах, впрочем, во всём их облике легко угадывалась обыденная небрежность. Показалось, слегка хмельными они были. Покуривая, вяло и негромко обсуждали они меж собой что-то, а потом вдруг торопливо зашагали от крыльца, крепко стуча сапогами по мосткам. А навстречу им невзрачная женщина в болоньевом плаще и с детской коляской. Не припомнить, когда в последний раз видел я такую старомодную коляску, и, чтоб катили такую по дощатой мостовой... На песке за памятником, хотя и не было там ничего, напоминающего детскую площадку, играли неряшливо одетые ребяташки. Лет семь-восемь им было, не больше...

А на крыльце «Мясо–Рыбы» стояла и улыбалась красивая опрятная девушка, вроде как ненка. Лицо смуглое, очи раскосые цвета финика, брови широкие вразлёт. Очень стройная – статуэтка – иначе не скажешь! Тут нас всех разом сомнения взяли – до той поры не видели мы ненок таких. Саша Карельский – тот ещё елоза и бабник, не выдержал и для завязки разговора сразу, без прелюдий:

– Девушка, как же вы в такой пустыне живёте?

– Так и живём, – улыбка у неё, как у восточной кинозвезды. – Это вы без удобств не можете, а нам, узбекам в пустыне много ли надо?

– Узбекам?

– Узбекистан – моя родина. Сама из Андижана, а муж здесь в воинской части служит...

Ах, вот оно что! Смех у девушки звонкий, солнечный. И мы с ней засмеялись тоже.

– Нам бы Фёдора Котцова повидать...

– У нас в Шойне, как по всему берегу, Котцовых да Малыгиных не сосчитать. Если вам Фёдора Петровича, так его дом – второй отсюда, но по той стороне, первая же квартира, как войдёте...

05 / 2017

– Может, и Фёдора Петровича, – согласился Бахтин.

– Будет вам Фёдор Петрович, если на рыбалку не унесло, – пообещала восточная кинозвезда.

Тогда же мы и разминулись – я направился на берег Шойны, а ребята в магазин и потом уж Фёдора Котцова проведать.

2.

Их было шесть – кораблей, чудовищно растерзанных стихией и человеком. Хотя, какие там корабли – от иных лишь остатки корпусов. Их снова я увидел, но уже ближе, едва вышел к реке из-за крайнего дома. И стало мне ясно: не шхуны или плашкоуты виделись мне от маяка, а малые траловые боты, из числа первых послевоенных – с деревянными корпусами. Строил такие и петрозаводский «Авангард», и архангельская Соломба-ла, а более всех – немецкие верфи. Северным промысловикам они смастерили таких ботов больше полутора сотен, но вряд ли кто сейчас в Шойне скажет, с чьего стапеля эти, брошенные и забытые, впервые сошли на воду...

Малый траловый бот, а в обиходе чаще – ТРБ – тонн пятьдесят-шестьдесят измещения, метров двадцать в длину или даже того меньше, а в ширину – пять с половиной. Капитанская надстройка и машина – в корме. Дизель – не больше двухсот сил, а бывало, всего восемьдесят. Один винт и одна мачта при грузовой стреле и парусном такелаже – не только под дизелем мотоботы ходили,

паруса – грот, стаксель, кливер – были в помощь. Для связи по радио – станция «Урожай» – не всегда по ней до берега докричишься. И спасательных шлюпок не было! Случись беда – выгребай сам, как сможешь. На палубе умеи развернуться – здесь главными – такелаж и снасти. Один трюм под рыбу был просторным. Зато люди ютились – капитан, механик и радист, каждый в своём закутке на корме, все остальные – в носовой каюте без иллюминаторов, общей каморе с ярусными койками, световым капом на подволоке и железной печуркой наподобие «буржуйки». А спали тут, не снимая одежды. Ещё и камбузишко обустроен на корме, но до него в крепкий шторм не пробраться. Тогда сутками на сухом пайке...

Работа на сейнерах и мотоботах – почти как торга! Почти – потому, что шли на мотоботы добровольно. Хотя и тут, ещё как сказать – при мизерных колхозных зарплатах на берегу, в море, и даже при неудачливой путине, по семьдесят рублей в месяц могли зарабатывать. Семьдесят рублей – в ту пору деньги немалые! Ну, а повезёт с рыбалкой, так до весны ты «миллионер» – первый парень на деревне! И опять оговорка – не только парни в рыбаках хаживали. Когда не хватало мужчин, по разнарядке брали и женщин, и не сладко им было на валких и скользких палубах...

И вот их корабли-трудяги: привалились на борт, недвижно лежат – вросли в песок, иные по самую палубу. Обломки контрфорсов, а кое-где и обнажённые шпангоуты, будто рёбра кита, обглоданного падальщиками. Уродливый зев у бывших трюмов и страшное нутро разорённых машин. Нет смысла лечить уже раны-проломы в бортах и дощатых настилах. Металл, конечно, более живуч, и накрепко срослись с палубой чугунные клюзы и кнехты, стальные станины брашпиля и лебёдок, но смертельной оспой ржавчины глубоко изъедены их турочки, звёздочки и стопора. На миг вдруг тепло пахнуло деревом, ржавым железом и машинным маслом...

С чьих рейдов, из каких рыболовецких колхозов пришли они умирать сюда, на песчаные отмели Шойны? Из Мезени ли, Золотицы, Патракеевки? А может, от летнебережного Пертоминска или карельского Сумпосада?

Странная тишина у реки стояла. Вода уходила всё так же безропотно и бесшумно. Чайки не семенили по обнажённому песку, бакланы не сновали над мелководьем в

поисках поживы и не горланили. Ещё удивительнее – даже от ближних домов Шойны не долетали привычные деревенские звуки: не стрекотал дизель станции или трактора, не визжала бензопила, не перестукивались плотницкие инструменты. Опять же: собаки не лаяли, будто безветрие и тепло окончательно сморило их, звонких детских голосов и тех не слышать...

И я пошёл от скорбного пристанища в сторону моря, на котором когда-то жили смелой, хотя и нелёгкой судьбой умершие в Шойне корабли.

Чтобы попасть к бывшему рыбозаводу, долго обходил завалы металлолома: ржавые остовы каких-то машин, куски искорёженного металла неведомо из чего вырванные, мятые пустые бочки из-под ГСМ. Остановился у большого пустующего здания. У щербатых стен его валялись обломки бетона и куски кирпичной кладки. Может, бывший цех или мастерская, а может, просторное хранилище или сарай. Кровля его, на удивление, ещё держалась, а ворот или дверей не было – просто широкий проём, и в глубине его – чернота. А на свету, от этого проёма и до позеленевших свайных обрубков в речном песке, повсюду лежали брёвна и доски. Похоже, остались они от причала. Затхлостью и тиной тянуло оттуда.

Здесь вспомнился мне Калестин Коробицын – фотокор «Правды Севера». Мы, молодые, начинающие, почитали его как старейшину ремесла, легенду архангельской журналистики! Без счёта истоптал обуви Калестин Степанович в командировках по области. И есть у меня один из его снимков, где на обороте карандашиком: «Шойна. Разделка камбалы». Скорее всего, для репортажа фото было сделано... Причал. К нему пришвартован мотобот, разборчиво его название – «Онега», паруса аккуратно подобраны, грузовая стрела уже принайтовлена, на палубе матросы – они, очевидно, сдавали улов. Камбалы в буквальном смысле завались: она устилает причал, будто крупная листва по осени в парке, камбала и на длинных столах, и в тачках, на которых потом везли её в заводской цех. А на разделке орудует ножами бригада женщин в клеёнчатых фартуках и сапогах, человек восемь – береговая вахта путины...

Много подобных снимков видел я в детстве, в журнале «Огонёк». На тот час сотрудничали с журналом маститые литераторы, которые и добротного газетного слога не чурались. Иллюстрацией же занимались известные мастера, знали они толк и в классической живописи, и в новаторском фото. А народ в пятидесятых, в самом деле, много читал себе в удовольствие, и сафроновский «Огонёк» наскоро не листался. Много познавательного выдавал журнал, но главное – героями его чаще становились обычные люди, какие вокруг встречались – скромные, работающие, не забывшие тягот войны и живущие простыми будничными заботами. А очерки и зарисовки с натуры, портреты без прикрас – они же сродни доверительной беседе, в которой откровенное, доброе слово всегда излучает надежду на будущее...

Сейчас же над развалинами бывшего рыбозавода Шойны витала до конца неясная смута. Её

ли аура или что иное заставило меня обернуться. За спиной у меня, шагах в пяти-шести стояла большущая чёрная собака. Та самая...

Я пригляделся: массивная голова с плоским лбом и тяжёлыми скулами, толстые губы, овальные глазницы, усечённые уши, мощный костяк, широкие грудь и спина, густая шерсть, местами щетинистая, но очень ровная... Признал бы в ней кавказскую овчарку – налицо все признаки этой древней сторожевой породы, но сплошной чёрный окрас – не бывает такого у кавказцев... Да и откуда в тундре взяться собачьей элите, что внушает силу, ум, независимость и царственную степень?! Такие крупные особи обычно снисходительны к меньшим собратьям, но всегда недоверчивы к посторонним. Для Шойны я был чужаком. Может, тем и вызывал подозрение? И как не вспомнить: боясь не ту собаку, что лает, а ту, что молчит! Однако не темнело в глазах собаки ни настороженности, ни злобы. Смирно смотрела она на меня, но и небезучастно! И не похоже, что она празднично любопытничала, но и не выжидала. Может, моё хождение по развалинам казалось ей странным?

С минуту так мы стояли и разглядывали друг друга. Потом собака скрылась: молча и с прежней грациозностью, в несколько прыжков оказалась она у кирпичной стены и тут же исчезла за ней.

Река всё отступала, и по плоти влажного песка я пошёл дальше – по берегу с хаотичными кучками мелкого плавника и тёмно побуревших водорослей.

Конечно, читал я о Шойне. Рыбацкий посёлок вырос в устье реки с тем же именем. До этого, говорят, было здесь одинокое становище ненцев, до того крохотное, что пароходы Товарищества его не посещали. А в тридцатом году сюда из Архангельска неожиданно завезли переселенцев. Кажется, первые пятьдесят из них холмогорянами были. И бурно они принялись посёлок отстраивать – дома в два этажа ставили, причалы на сваях, кирпичный завод и всему головой – рыбный...

В давнюю старину Канинская банка у промысловиков щедрой не считалась. Об этом и Сергей Максимов пишет в своих очерках «Год на Севере». Но то после Крымской кампании, а в начале XX века рыбные запасы здесь обнаружил, якобы случайно, удачливый промышленник Карл Спаде. Как оказалось, в изобилии водились у Канина сёмга, голец, треска, зубатка, пикша, сельдь, камбала, навага. Широко развернуться Карл Юрьевич не успел – Мировая война, потом Гражданская – не до рыбы было. Ну, а в двадцать первом году сюда наведалься уже траловый флот Советов и добыл одной только наваги 31 тысячу пудов. С той поры на путину к Шойне стали сбегаться шхуны, сейнера и мотоботы со всех беломорских колхозов, как-то подсчитали – до семидесяти рыбных тральщиков. С полными трюмами шли они к берегу. А там – три причала, консервные цехи, хранилища рыбы, склады...

Я поднялся на высокий бледно-серый песчаный холм. Венчали его кустики тщедушной осоки

05 / 2017

и травки, похожей на колосья овса. И надо же – на одном из гребней увидел вкрапления ромашек, крупных и ярких, удивительной чистоты, будто с праздничной открытки! Их-то как сюда занесло?!

Морской берег от устья реки тонко тянулся на север – к Канину, слабо синевя, забирал влево и постепенно растворялся в мутных даялах.

Я представлял Шойну иной. Когда склонялся над картой Канинского полуострова, понимал, что она тундровая река, и такие реки по странствиям мне уже были знакомы, однако тогда даже представить не мог столь низких её берегов. Дальние повороты русла, извилины его на востоке больше походили на вытянутую череду озёр. Местами она сливалась с плоским размытым горизонтом, на котором глазу было на чём задержаться. Понятна пустынная тундра, но не так же! Никак не верилось, что твердь Канина к северу отсюда приподымается и образует хотя и плавные, но высокие каменные гряды. Да и не такой медленной Шойна мне виделась. Тут же – словно неживая. Даже поверхностные блики её под ярким солнцем не играли, а полнились холодным равнодушием.

Я и не заметил, как снова оказался у дюны с маяком, но уже со стороны реки. Отлив увёл море, и совсем другой вид мне открывался. Дно морское, сколько хватало взгляда, обнажилось, но не просохло, и песок его, сплошь покрытый мельчайшим ребристым орнаментом, был тёмного, местами бурого цвета. Мелких лужиц на нём блестело без счёта. А в глубоких ямах ещё держалась вода, и от них извилисто и весело бежали широкие ручьи – в ту даль, где серебрилась, перемигивалась крошечными огоньками полоса моря, а на ней недвижимым тёмным пятном обозначился наш ГС.

Всё, как и рассказывала Тамара Анатольевна, учитель географии в школе – неглубок Мезенский залив, а высота сизигийных приливов выше десяти метров – нигде в Арктике таких нет. Мезень, она южнее Шойны, по меркам морского хода – совсем рядом...

Моря не было слышно – ушло море, и слабо стекленело издали светлой полоской. И берег молчал, и дюна с маяком – всё молчало! Ни людей, ни птиц. Куда ни глянешь – один песок! Была бы тихая непогода – серое море и серая суша – пейзаж как на планете, где жизнь умерла.

Я вернулся в посёлок...

3.

Фёдора Котцова застал дома.

– Ребят твоих недавно к бригадиру проводил, за свежей рыбой, – улыбнулся хозяин. – Проходи, грехом не будет ещё раз почаёвничать...

Был он невысок ростом и сухощав, обветренное узкое лицо, глаза светлые и живые, волосы прямые, со стальной проседью. Возможно, совсем недавно занимался он хозяйским делом во дворе или в сарае, да мы его отвлекли. Был он в обычной рабочей одежде – тёмном вязаном свитере и в такого же серого цвета брюках, заправ-

ленных в короткие резиновые сапоги. Уже жестом Котцов снова пригласил меня пройти в комнату, а сам шагнул за порог соседней с ней кухни, оттуда сразу же загремели звуки посуды...

В комнате, куда я вошёл, было темновато, и оттого, что свет с улицы проникал в дом сквозь тусклые стёкла, и потому что стены хозяин оклеил синими обоями. Чисто и прибрано, скромная обстановка. В дальнем углу – старомодный шифоньер, низенькая тумбочка и табурет. У окна – простецкий, покрытый клеёнкой стол, за которым, видно, недавно хозяин гостей потчевал. Расставлены чашки, блюда, сахарница, стеклянная ваза с нехитрыми сладостями, а на блюде – бутерброды с бледно-красноватыми ломтиками рыбы – голец, наверное. Была ещё пара старых стульев, диван с изрядно потёртым дерматином, над ним – фотографии под стеклом в деревянных рамках, потускневшая в цвете карта Тимано-Печорского берега с Чёшской губой – большая, приблизительно метр на полтора.

Но более всего и сразу меня привлекли книжные полки – наверняка не фабричные, а смастерил их какой-нибудь местный умелец, но старательно и аккуратно. Книг на них много, и не в беспорядке они стояли, но были форматом и в толщину очень разными. И почему-то не увидел я среди них художественных, а только справочники, лоции Белого и Баренцева морей, энциклопедии, научно-популярные издания и даже солидные монографии... Две из них знакомые мне ещё по университету – «Исторические предания ненцев» Васильева и «Самоеды» Бахрушина. Или ещё – «Жизнь животных» под редакцией Рассы – шеститомное издание, правда, здесь лишь том четвёртый – «Рыбы»...

Разве не удивительно – такая библиотека и в забытой Богом Шойне?! Энциклопедию доктора биологии Рассы даже не всякий нынешний ихтиолог читал! Но ведь не для красоты же она на полке у хозяина?! И мне вдруг захотелось с ним поговорить: кто он, как оказался в здешних местах, чем занят и как живёт? Если наш стармех Сергей Иванович Малыгин его знает, может, Котцов бывший моряк или тралфлотовец? Тогда давно ли на здешнем берегу? Если давно, отчего задержался, не уехал – моряки ведь охотливы до перемены мест? Держат большие деньги или быт? Да откуда в Шойне большие деньги?! И уж какой здесь быт, чтоб за него цепляться?!

Хозяин вошёл, держал в одной руке белый чайник – из носика его слабо вился парок, в другой ладони – две чистые чашки.

– Фёдор Петрович, гляжу на карту и лоции ваши. Вы не моряк ли случаем?

– Вот уж если и моряк, то прожжённый каботажник, – с озорной весёлостью ответил тот. – Десять лет работал в кооперации на сезонном завозе, по Зимнему берегу – Инцы, Майда, Койда, а если вправо от Канина – Вижас, Ома, Тобседа, бывало и в Каратайку плашкоуты таскали...

– Шкипером, что ли?

– Вроде того... Я после школы окончил в Архангельске мореходные классы, вернулся сюда. Но это мне мало пригодило – в Шойне больше

рыбалил. А это – он кивнул в сторону книжных полок и карты, – просто давний мой интерес, любительский, значит.

Мы сели ближе к окну. Оно выходило в сторону реки. Правда, синей полоске Шойны в этом пейзаже досталось немного места. Весь вид загоразживал двугорбый песчаный бархан. Правой стороной он решительно навалился на стены серых дощатых сараев, и уже метра полтора оставалось до их кровли. Слева песок настырно подбирался к небрежно сколоченным стойкам вешала для сетей и к навесу с поленицей наколотых дров. Пилой и топором здесь, верно, работали совсем недавно, но песок уже замывал кучи щепок и опилок. На перекладину вешала опирался нос поставленной на корму дюралевой лодки, изрядно побитой и обшарпанной. А подле неё смирно сидела уже знакомая мне большая чёрная собака, то ли стерегла, то ли ждала кого-то...

Песок был везде. От сараев тянулся серыми волнами, стремился он и к дому, и к нашему окну подбирался, немного ему оставалось, чтобы оказаться вровень с ним. Между оконных рам тоже лежал песок, но очень тонким и ровным слоем – как пыль, будто его мельчайшим ситом фильтровали.

Хозяин разливал крепкую заварку из чайничка, догадался, о чём я подумал:

– Наш песок, как вода – всегда дырочку найдёт...

– Каждый день откапываетесь?

– Вот уж песок – не снег, – вздохнул хозяин. – Куда против нашего песка с лопатой? Он ведь, как живой – сыпучий... Замаешься откапываться каждый день. Разве что осенью, когда, значит, подморозит...

Встречаются люди, которые сразу же и положительным образом располагают к себе даже

незнакомца. Фёдор Петрович Котцов был из таких. И не то, чтобы он всё время приветливо улыбался, а по лицу его, подвижному и чуткому, легко читалось настроение, и сейчас оно наполнилось добродушием человека спокойного и открытого. Мне показалось, радовался он ещё и долгожданному известию, и случаю поговорить с редким гостем...

– Привет вам от Сергея Ивановича Малыгина, нашего механика, – сказал я, чтобы легче нам было начать беседу. – Он хотел было съехать на берег, но с электропечью у нас беда приключилась...

– Мы с Сергеем оба с Зимнего берега, но деревни разные, – охотно откликнулся хозяин, – я из Золотицы, он из Мегры.

Сергей в Шойну с отцом приехал, на заработки... Мы в здешней школе вместе учились, но он классом младше, потому что годом моложе.

– Ну а вы как сюда, в Шойну, попали?

– Как большинство. Отец нас сюда в сорок шестом забрал. Сытая жизнь здесь намечалась. Или вроде того, – сказал Фёдор Петрович, и глаза его, мне показалось, вдруг повлажнели.

– А какой вам война запомнилась?

– Я с тридцать пятого года, – ответил хозяин. – Начало войны плохо помню, даже как отец на фронт уходил – и то смутно. А уж остальное – обрывками. И так, пока не вырос, но это, значит, конец войны...

Моряков помню, как сруб их казармы привезли. Как его собирали... Баня у них от казармы отдельно стояла. Там же и гауптвахта. Что такое гауптвахта, мне старшие ребята объяснили, когда подросток... Что ещё? Как дрова моряки на берегу собирали – плавника набросает всегда много, как и все, затаскивали его наверх конной волокушей...

– У моряков-то на берегу что за служба?

– Связисты. Обеспечивали телефонную линию Зимнегорский маяк – Инцы. Вдоль берега – столбы, столбы, не сосчитать, а на перекладинах много проводов... Они линию обходили всякий день, в группе по три моряка, все при оружии... Запомнились наблюдательные вышки – на Попихе, Столбихе и на горе Татаринихе, где у Седуновых дом стоял. Вот уж там служили не моряки – солдаты... Моряки на Зимних Горах держали наблюдательный пост. Человек пятнадцать их было. Следили за прохождением кораблей вдоль берега. И не так уж далеко те ходили, если в ясную погоду переговаривались с пароходами флажным семафором, а в ненастье, бывало, из ракетницы в небо стреляли.

Да, вот ещё – стрельбище было обустроено, за ручьём Бобриха. Палили служаки из винтовок по деревянным щитам, а мы, мальчишки, значит, потом пули из них выковыривали, ещё тёпленькие...

В редкость мне люди, чьи откровения о трудном и пережитом звучат без сожаления, разве что ностальгическая печаль в них есть. А Фёдор Петрович, похоже, был из таких.

– Морем нас было трудно снабжать. Иной раз пароход по весне к деревням пробиться не мог – так долго припай держался. Да и работали каботажники в первую очередь с фронтowymi грузами, когда ещё до нас черёд дойдёт? Если по зимнику на саях продуктов в достатке не завезли, вот тогда туго. Главный приварок по весне – после зверобойки из остатков тюленя или нерпу раздобыть. Всё государству сдавали – всё для фронта, всё для победы! Летом, хорошо, если рыбёху какую на озере удочкой подцепишь, или неводом на реке добудешь, или тундровая птица в силоч попадётся. Тем и питались. Осенью подспорье – грибы, ягоды. Но много ли с грибов и ягод калорий?! Вот уж голод мне больше всего запомнился. Я ведь рос, и организм своего требовал. Есть хотелось постоянно, ни о чём другом не думалось.

– Неужели в Шойне сытнее было?

– Нигде по Зимнему берегу в войну сытно не жили, а как на Канинском берегу, в Шойне жили, точно не знаю. Предполагаю только – немногим лучше. Значит, во-первых, на рыбаков бронь распространялась – им полагалось и фронт, и тыл кормить. А раз много мужиков работающих в посёлке оставалось, было кому руку в домашнем хозяйстве приложить. Не шиковали, конечно, но, думаю, на домашний стол из колхозных уловов что-то перепадало...

– Памятник в посёлке видел, на нём имена погибших, немного их, но они есть...

– Добровольцы. Призывного пункта в Шойне не было. До Мезени по берегу пёхом, оттуда небольшими группами на перекладных – где с обозом, где снова пёхом – в Архангельск. Каботажные пароходы вдоль берега ходили, но когда «Поморье» с призывниками на мину напоролся, стали остерегаться – и ходить стали реже, и охранение запрашивали...

– А немец Шойну тревожил, не знаете?

– Бомбоубежище или что-то вроде того в сорок первом году вырыли, а сразу после войны забросили – не нашли применения. Мальчишками играли мы на развалинах в Красную армию... Читал я в книжке про Северный флот – до начала сорок четвёртого немец сюда залетал, а бомбил он Шойну или нет, не написано, и не слышал, чтобы такое кто рассказывал...

Он вздохнул и замолчал, похоже, вспоминал что-то из давней своей поры. И тихо стало в комнате, лишь ровный и частый стук услышал я невесть откуда. Прислушался: как будто вода капает – однотонно и чуть звонко. А может, и не вода это, а маятник часов где-то отмерял шажки времени...

– Чай остыл, – сказал вдруг Фёдор Петрович. – Вот уж пойду подгорячу...

Хозяин вышел на кухню. Я же стал рассматривать фотографии на стене и даже подошёл поближе. Были это семейные снимки. Такие в традиционном оформлении встречал я чаще на Севере, а ещё на Вологодчине: на весь формат большой портрет мужчины и женщины – скорее пращуров династии, а по периметру рамы фотографии маленькие – обычно родственники: дети, внуки, братья, сёстры...

И здесь в центре – солидных лет мужчина в тёмном кителе без погон – моряк или же береговой чин – на груди два ордена: Красной Звезды и Трудового Знамени. Строгое горбоносое лицо, и даже брови к переносице нарочито сдвинуты, а глаза добрые, светлые...

А слева в простом овале – моряк, но весёлый и молодцеватый – старшина II статьи, на ленточке бескозырки – «Северный флот». А справа от портрета умельцем фотоателее пририсованы – якорь, гвардейская лента и эсминец, взлетающий на штормовую волну...

С другой стороны рамы тоже служаки-срочники – трое серьёзных парней в гимнастёрках, пилотки чуть набекрень. На незатейливой, но аккуратной виньетке: «Бронетанковые войска. ГДР. Цвиккау, 1949»...

Другой снимок – три юные подружки, наверное, недавние школьницы. Все в строгих платьицах, белье носочки, туфельки. Чистые, не тронутые косметикой лица. Старательно прибраны волосы, у той, что с краю, ещё и косички в кренделёк собраны. Во взглядах – и застенчивость, и нетерпеливое ожидание будущей любви...

А вот и свадьба... Человек пять-шесть на ступеньках деревянного крыльца. Может, сразу по выходу из сельсовета? Жених – широкоплечий, ладный, глаза задорные. Невеста его при фате – русоволосая, пухленькая девушка с простоватым, весенним лицом. Высокий шафер с широкой атласной лентой через плечо и рядом улыбчивый гармонист игриво растянул меха... В нижнем уголке снимка от руки фиолетовыми чернилами – «Шойна, май 1950»...

Кто они, первые шойнинские переселенцы? Для чего ехали сюда – не на плодородные земли, а в заполярную тундру?! Не заключённые и не ссыльные, никто их не гнал, сами снялись с обжитых мест, по своей воле. О чём они думали? Если ехали семьями или здесь роднились, стало быть, строили планы, на будущее надеялись. И потом, не бараки, а сразу крепкие дома ставили, школу для детей, значит, не временщики, а хотели прочно обосноваться...

4.

Хозяин вернулся с новым блюдом свежесольного гольца и ломтиками хлеба. Я ему:

– Фёдор Петрович, вы ведь наверняка «золотой век» Шойны застали?

– Вот уж смотря, откуда считать этот «золотой век»...

– Сами-то откуда считаете?

– От полсотого года.

– Почему?

– Потому что ещё один рыбозавод устроили, и новые мотоботы скопом пришли.

– Не те ли, что на берегу лежат?

– И те, и много других. Соломбала их один за одним строила, и карелы тоже. Из Германии сейнера пригоняли – верфь «Макс Роде», завод Тельмана.

Сначала, значит, сейнера деревянные, потом стальные, корпуса под тридцать метров в длину.. Большой флот собирался: в путину на приёмосдачу очередь на рейде выстаивала: мотоботы, сейнеры, траулеры, хотя и небольшие..

– Далеко ли за рыбой ходили?

– Нет, здесь, на Канинской банке тралами дно скребли. Если и захочешь, не уйдёшь далеко – разрешалось не больше ста миль от берега, а на МРСах и ботах – всего двадцать. Максимум – пять суток в море.

– Выходит, крутились фактически в одних и тех же квадратах. А всем ли хватало?

– До войны завод в Шойне выдавал – два с половиной миллиона консервных банок в год! – не без гордости ответил Фёдор Петрович, и лицо у него сделалось строгим – Представляешь, да?! Один заводик, а миллионы гнал! А помимо консервов ещё рыба копчёная и солёная. Солёной – тысячи бочек! Если на центнеры пересчитать – невероятная цифра! После войны заводов прибавилось. И для них рыбу из моря черпали. Никто не простаивал! Я тогда всё видел, молодой был, о цифрах не думал, а сейчас даже осознать не могу..

– Сколько же вам в ту пору было?

– Я с тридцать пятого года, – напомнил Фёдор Петрович. – Вот уж считай – восьмилетку заканчивал.. Много чего запомнил, и, конечно, не повзрослому – подростком, значит, был, но крепко запомнил. Да и не зря говорят, к старости далёкое видится лучше, чем вчерашнее. Картины, которые в детстве отпечатались, с годами уж взрослым умом перебираю..

– Вы мне о послевоенной Шойне расскажите. Я городской, и плохо жизнь в посёлке на тот час представляю..

– Людно было. Даже зимой почти всем работа находилась. Сами посёлок строили, и у вояк на окраинах дела нашлись. Маяк, например. Сначала стоял он деревянный, в конце пятидесятых отстроили его в бетоне. Вояк хозяйство – говорили, чтоб из вашего Северодвинска подлодка в Грехиху ходить. Грехиха-то всего двести километров от нас. Дядя Миша Якутин маяк первым принял.. Аэродром позже появился. Народ, значит, в основном морем приезжал-выезжал. Всё лето архангельские каботажники на рейде, чаще других – «Мудьюг» и «Юшар».. Но главное – завод и причалы. Летом они в три смены стучали, дымы их, если ветер с моря, всю Шойну накрывали. Вот уж – рыба, рыба, рыба.. На стене клуба плакат нарисованный, большой – метра четыре на два с половиной: мордатый мужик, шкиперская борода у него, сам в зюйдвестке – сеть выбирает, и за спиной у него не то мотобот, не то сейнер силуэтом, а спереди, немного ниже – лозунг белыми буквами: «Накорми страну, рыбак!». Как не накормить?! Старались, конечно.. Орденоносцы-

трудовики Зимнего берега отсюда, из шойнинских бригад пошли.. Не то, что план делали, а уловы ставили рекордные! На ордена в Москве не скупились. А каждому рыбацкому ордену – вся Шойна радовалась..

– Ну и как же радовалась? Наверняка в том же клубе собирались? Клуб большой?

– Большой, на берегу реки стоял. На праздники, как в любой деревне – народу – не протолкнуться. Но мы, ребятня шустрая – где взрослые, там и мы, глазастые.. На сцене – трибуна, стол под зелёным сукном. Кумачовое знамя, значит, всегда на самом видном, почётном месте. Начальство тоже – серьёзные дядьки, из Мезени, Нарьян-Мара, реже из самого Архангельска.. Сначала – политическая часть. Нам, подросткам, она неинтересная – не понимали ничего. После речей – вручение орденов и медалей. С этим понятно – дело простое, хорошее, и люди все знакомые. Вот уж мы свои ладоши не жалели..

– А после – танцы?

– Как без них, когда половина посёлка – молодёжь?! Танцы обязательно!

– Под оркестр, наверное?

– Оркестр, не очень большой, приезжал с начальством только по случаю торжеств. Гимн играл, ещё «Марш коммунистических бригад» или что-то вроде того, но чаще туш. Танцев под оркестр не помню. Танцы обычно под гармошку, баян или патефон. Если гармонистов не находилось, но такое редко, тогда пластинки. Патефон очень запомнился – трофейный, германский – корпус тёмно-зелёного цвета, на латунной табличке красивыми буквами – «Electrola Nowawes und Berlin».

Я посмотрел в окно. Пустой двор. Песок. Сарай, стойки вешала и дюралевая лодка. Ничего не изменилось. И большая чёрная собака всё ждала кого-то..

– Жаль ненадолго всем той радости хватило.. – неожиданно сказал Фёдор Петрович.

– Ненадолго? – переспросил я.

– Вот уж скоро у нас перемены пошли.. Хотя, что ни путина – сейнеров тьма-тьмушая, и на рыбацкую удачу не жаловались. И, что ещё надо – не война, работай – заработки хорошие, живи и достатку в доме радуйся.. А радость от людей ушла. Будто удача оказалась не настоящей, краденной.. Работать значит работали, но без воодушевления, иные с зубовым скрежетом, что ли.. И праздники в Шойне другими стали. Гуляли мужики с каким-то отчаяньем, даже остервенением, и крепко выпивали.. Драки кровавые случались!

– Когда же вы такие перемены заметили?

– В людях?

– Ну да..

Фёдор Петрович чуть придвинулся ко мне и сказал тише обычного:

– Давно, ещё подростком. Но не задумывался – отчего они так. Мальчишке ли над тем размышлять? Я взрослым умом ответ искал..

– А что сейчас думаете?

– Люди зло в промысле увидели..

– В каком смысле?

– Слова такого «экология» поморы, понятно, не знали – его в наше время придумали. Но кто умом широко раскидывал, уж тогда понимали, чувствовали – быть беде...

– Ну как люди могли такое чувствовать? – усомнился я. – В биологическую науку никто не лез, всё просто: время несъёмное и задача поставлена ясная – накормить страну, сами же рассказывали. А тут, у Канина – рыбы прорва несметная! Какая может быть интуиция?

– Пускай не интуиция, пускай по-другому называется, но что-то вроде того было, – убеждённо возразил Фёдор Петрович вздохнул, опять пригладил ладонью свои прямые волосы и продолжил. – Вот послушай, что я вычитал, нашёл...

Он поднялся из-за стола, шагнул к ближней настенной полке и взял с неё толстую книгу. Прочтёшь название я не успел, лишь обратил внимание – потёртая обложка тёмно-зелёного цвета, серый со слабой желтизной коленкор – видимо не новое издание. Нужную страницу Фёдор Петрович открыл сразу же – на ней закладка оставлена, стал читать:

– Северный рыбопромышленник начала XX века Спаде К.Ю. Прожил на побережье Мурмана и Белого моря полтора года... Хотел создать крупное рыбное предприятие, имел свои суда-траулеры... Ратовал за траловый лов тогда, как поморы промышленяли ярусами. В начале 1912 года прочёл свой доклад «О развитии тралового лова рыбы» в архангельском Обществе изучения Русского Севера. Доклад взбаламутил поморов. В Сумском Посаде, Патракеевке и некоторых других сёлах в связи с этим произошли волнения местного населения. Поморы опасались, что лов тралами отрицательно повлияет на промысловую обстановку – изменит естественное состояние морского дна, а тралы ещё и будут рвать снасти-яруса. Поэтому они потребовали не проводить лова тралами ближе, чем 40 вёрст от берега...

Фёдор Петрович строго посмотрел на меня:

– Как это понять? 1912 год. Поморы тралу противились. Почему? Боялись, что ухудшит промысловую обстановку. И причину называли – повреждение естественного состояния дна, значит, знали – там же рыба кормится! Вот уж и биологических факультетов не заканчивали, и термина «экология» ещё не было, и никакого ПИПРО, чтоб остеречь, а по жизни опыт им подсказывал – нельзя так...

Слышал я о Карле Спаде, и строки, которые прочёл Фёдор Петрович, были мне знакомы. Как знал я и дом Спаде в самом центре Архангельска, напротив кирхи. Примечательный особняк построил Карл Юрьевич перед самой революцией, в 1916-м. Доныне сохранился он, конечно, не в первоизданном виде, но всё же свидетельствовал о солидном состоянии домовладельца. А тот – интересная личность: родом из латышей, моряк, начинал юнгой, а дослужился до капитана I разряда. Оказался на нашем Севере с командой макаровского «Ермака», тогда же и решил сойти на берег.

Иному, чтобы дело поставить, и десяти лет мало, а он, верно, был и грамотным, и деятельным –

основал фирму «Русские морские промыслы К.Ю. Спаде – траловый флот и рыбная торговля». Правление – в Архангельске, фактории и становища – по всему Мурману. В Александровске отстроил базу, приобрёл сначала два траулера, затем ещё – «Север», «Юг», «Запад» и «Восток» – так они назывались. За четыре года добыл тысячи пудов рыбы и поставлял её не только в Архангельск, но и в Ригу, Петербург, даже в Англию. И новый замах широкий у него был: изучал новые промыслы, строил базу в Порчнице, хотел создать флот из пятидесяти траулеров. Считали его удачливым коммерсантом...

Слыл Спаде и горячим сторонником северных промыслов, недоумевал, отчего сами их не осваиваем, отдаём иностранцам и кормимся своей же рыбой, но от норвежцев. Доказывал свою правоту на публичных лекциях и в газетных статьях, требовал от русского правительства: «Наложить на привозимую жителями Архангельской губернии солёную норвежскую рыбу пошлину... Поощрять льготами и ссудами развитие русских промыслов... Усиленно колонизировать Мурман надёжными русскими подданными... Закрыть винные лавки и запретить ввоз спиртных напитков под видом провизии». Ну, как тут откажешь Карлу Юрьевичу в патриотизме?!

Однако вот деталь: ратовал он за добычу рыбы тралом – видел в том огромные экономические выгоды, а когда озвучил эти свои мысли в архангельском Обществе изучения Русского Севера, действительно, воспламенил нешуточный конфликт с поморами. Всё верно мне Фёдор Петрович зачитал... Может, собираясь добывать рыбу у Канина тралами, Карл Юрьевич не знал о возможных пагубных последствиях? Но при его-то опыте промысловика в это плохо верится. Тогда чем объяснить недюжинную настойчивость Спаде? Жаждой наживы? Неизвестно...

Вскоре в спор поморов и Спаде вмешались события Первой Мировой войны, а потом революции и Гражданской – стало не до новаторства. Траулеры «Запад», «Восток», «Север» и «Юг» правительство мобилизовало во флотилию Ледовитого океана. Три из них якобы погибли «по навигационным причинам», по другим сведениям – их увели интервенты. Следы самого Карла Юрьевича затерялись в событиях последующих лет...

Фёдор Петрович сосредоточенно листал страницы, пытался найти нужный ему абзац, но так и не нашёл, закрыл книгу.

– Тогда, после войны рыбаки подорвали биоресурсы, – сумрачно и тихо сказал он, – а для Канинской банки, вот уж не исключено, окончательно...

Я переспросил:

– Окончательно?

Фёдор Петрович вздохнул:

– Видел бы ты, какие флотилии на путину выходили – мотоботы со всех колхозов. А тралы тяжёлые – ими и содрали донный ил. А в нём живой слой. Как без него? Рыбе – бескормица, и та рыба, что в сети не угодила, от Канина значит ушла...

– Не вернётся, думаете?

– Здесь же Арктика! – твёрдо ответил Фёдор Петрович. – В тундре тягач гусеницами колею вырвет, она потом лет двадцать заживает – такая рана. А на придонном слое ещё медленнее... Птица к разорённым гнездовьям не возвращается. И рыба тоже... Но это одно. Какая-никакая, но растительность на мелководьях была – не только рыбе пропитание – она своими корешками ещё и донный песок держала... Нечему держать сейчас. На отливе площади сохнут – их глазом не охватить, а ветра здесь постоянные. Вот уж и гонят морской песок на Шойну тоннами...

Хозяин замолчал, а я посмотрел во двор. Ни тучки на небе – светлое, чистое, на миг вдруг пустым показалось. Узкая лента реки всё так же недвижно синела, словно застыла. Серый бархан, косые стены сараев и стойки вешала... И всё та же чёрная собака.

5.

Ребята, мои товарищи по экипажу, всё не возвращались, и мы с Фёдором Петровичем, наверное, часа полтора или больше как сидели за столом, вели разговор. Мне интересен был этот человек, но заметно было, теперь он чаще делал паузы, чем в начале – будто случайно набежавшие другие мысли мешали ему сосредоточиться. Когда же он умолкал, в комнате вселялась знакомая тишина, и опять в ней то ли вода капала, то ли настенные часы тикали.

– Дядька мой, Андрей Фёдорович на трёх фронтах воевал – вся грудь в медалях, – продолжил хозяин, – после войны он на мезенских мотоботах ходил. Иной раз в праздники выпьет малость лишнего, так во хмелю у него сентименты и разговоры, не всем понятные... Тётя Марья, жена его, нет-нет, да и цыкнет, мол, уймись, философ! Нам, ребятне, смешно – мы смеялись. Он не обижался...

«Человек, Федя, – это мне он, значит, так говорит, – не только на земле, но и в море самый жадный хищник, даже акула ему не ровня...»

Фёдор Петрович снова задумался о чём-то своём. Но долго молчать я ему не дал:

– Акулу, слышал, в Шойне тоже промышляли. Неужели, правда?

– Промышляли, – согласился хозяин, но без прежней радости в голосе.

– Биологи пишут, крупная акула, вроде белой гренландской, никогда сюда не заходила и не заходит. Что же, которую в Шойне промышляли, она с катрана черноморского?

– Не скажи, – покачал головой Фёдор Петрович. – Был случай, один капитан-ударник изловил метров на шесть-семь. На палубу не взял – лебёдка и стрела на мотоботе на тонну рассчитаны – боялся, что треснет. Принайтовил акулу к борту, так к причалу и приволок... Вот уж всей Шойне развлечение – посмотреть.

– И что же, в сети такая попалась?

– Ярусом ловили. Это снасть такая, – пояснил Фёдор Петрович. – Вот ты на речке рыбалил? Знаешь, каков он, продолжник, да? А в море ярус –

принцип тот же. Поморы им ловили треску, пикшу, палтуса, зубатку. Акула их куда мощнее и зубастее, вообще дьяволица... Поэтому и ярус другой: трос пеньковый, метров пятьсот-семьсот... Хотя ударники шойнинские, те, бывало, таскали яруса с километр. К тросу – форшни, через каждые три-четыре метра. Форшни из проволоки, чтоб эта стерва не перекусила. Ко всякому форшню – крючок приличный, точнее – крюк... На концы яруса – по якорю-дреку, от них и буйрепы с поплавками... Давай считать: пятьсот-семьсот на три-четыре – получается, крюков полтораста, а то и все двести на одном ярусе... На каждом боте три-четыре снасти. А ботов десятка два-три... Значит, перегораживали, кто горловину Белого моря, кто восточнее, под самым Каниным. Ловись, акула!

– Если с таким размахом промышляли, полагаю, шойнинским мальчишкам акула тоже была не в диковинку. Или ошибаюсь?

– Создал же Господь – тварь исключительной мерзости! – сказал Фёдор Петрович и будто бы поморщился. – Глаз холодный, страшный – на злобе помутнённый. Пасть у неё, как бы снизу, под носом – вот уж образина отвратительная! Спина тёмно-серая, брюхо – намного светлей. Шкура у неё на вид бугристая, в слизи... А голый ладонь провести – шершавая, колючая. И не всякий нож возьмёт – очень прочная. Куда её? Слышал, в галантерее использовали. Из крокодила дамские сумочки выделывали, у джентльменов портфели ценились. Из акулы тоже что-то вроде того...

– А мясо?

– Мясо как мясо – равнодушно ответил хозяин. – Не треска, конечно, и даже не сайда суховатая... Рыба как рыба. Ели мы её из любопытства... А если так, то не ели. Не знаю, правда ли, дядька мой Андрей Фёдорович говорил, мясо акуле в войну будто бы отправляли заключённым, в Молотовск... Не отравя же! Но, по-моему, трёп – больше пугали такими жутиками...

– Про печень акулю мне много рассказывали...

– Печёнка – да! Это – вещь! – сразу же подхватил хозяин. – Вот уж если в акуле и есть что ценного, так она – печень! Потому и распороть акуле брюхо на палубе воспрещалось – только в порту, под присмотром технолога...

– И велика ли добыча? Какая она из себя, печёнка?

– Значит, если акула крупная, так два куска, каждый килограммов по тридцать-сорок.

– Что же ценного в них?

– Жир. Вытапливали его три сорта. Первый, по виду самый прозрачный – в медицину. Второй, он уж цветом темнее – пищевикам. Не знаю, что и за кулинария такая... А третий шёл незнамо куда – на технические нужды – так нам объясняли... Но больше всего спрос на первый сорт. Говорят, вырабатывали из него противораковый препарат, сильный и очень дорогой – на экспорт шёл...

– Друг ваш, Сергей Иванович Малыгин, говорил, будто бы и вам, мальчишкам, акулей печёнки доставалось...

– Доставалось... – негромко повторил Фёдор Петрович, но прежней живинки в его голосе я не

расслышал, он даже чуть помолчал, прежде чем продолжил:

– Печёнкой нас выхаживали... Мы же войну с подтянутыми животами ходили, и после неё разносолами нас не баловали. Рыбная похлёбка и каша на воде, маргарин безвкусный и тот в радость. Вот уж – недоедали. А в тот год ещё и хворь по Шойне прошла – цинга или что-то вроде того – не только в поджилках, во всём теле слабость, голова кружится... Взрослых мужиков и тех ветром шатало, а уж мы, подростки, вовсе слегли... Нам мамыши рыбные котлеты жарили на акульем жире, им же и кашу заправляли. Ну, а если мучки в кладовой наскребали, то и лепёшки, оладьи пекли – широченные, пышные получались. Не скажу, что объедение, но с них у нас с Сергеем здоровьишко на поправку пошло...

– Акулий жир откуда?

Сами говорили, с ним строго было...

– Строго, – согласился хозяин, – но в портовом буфете водку наливали, и не всем её хватало. Так что за бутылку-другую печень можно было достать. Мужики как-то умудрялись её с причалов пронести. Меняли на водку, под полой, конечно...

6.

– Я родом из того времени, но слишком мал был, чтоб видеть, запоминать, а мне оно интересно, – признался я хозяину. – Жаль мало сейчас о нём говорят и пишут – так ведь и позабудется... А кроме вас, есть ли в Шойне памятливые ветераны, кто бы мог рассказать?

– Ветераны? – переспросил Фёдор Петрович, пригладил ладонью свои прямые волосы и ответил. – Ветераны в Шойне женщины в основном... А из тех, кто войну пережил, – Нечаева Евдокия Максимовна, ей давно за семьдесят, других вот уж и не вспомню, наверное... Неоткуда в Шойне старожилам взяться. До шестидесяти здесь редко кто доживает. Много народу от онкологии перемерло...

– От онкологии?...

– Раньше в тундре такого слова не знали. Если болели, говорили и в диагнозе писали – рак. Да, болели, но страдали от рака не в таком множестве... Определённо – не было такого раньше...

– Если не было раньше, то когда началось?

– Лет через пять, значит, как стали атомные бомбы на Новой Земле рвать. Учёные рассчитывали, облака на север, в Карское море снесёт. А природу разве считаешь?! Иной раз несло и на Канин тоже... Медики, было такое, чуть ли не каждый год приезжали. И самолёт их то из Нарьян-Мара, то из Амдермы летал – дозы радиации считали. Говорили – всё в норме. А вот уж кто проверит?!

– На Новой Земле, наверное, уже четверть века заряды под землёй рвут...

– А толку?! Зато Плесецк каждую неделю свои ступени по тундре разбрасывает! А в ракетном топливе – гептил – та ещё зараза... Мрут, в общем...

– Ещё и от водки наверняка...

– И от водки, – согласился Фёдор Петрович, – от неё болезни и всё остальное значит, когда по дури тонут, замерзают, угорают...

– А чего пьют? Работы нет? Так берег большой – работу можно и в других местах поискать. В конце концов, в городах...

Хозяин посмотрел на меня с удивлением и, показалось, улыбнулся:

– Когда наш мужик мог внятно объяснить, отчего пьёт? Пьёт и всё!

Я снова посмотрел в окно. За немывтыми стёклами, как и прежде, ничего не изменилось: голубовато-белёсое небо, узкая полоска синей реки

виднелась из-за гребней бархана, а во дворе – подпёртые серым песком сараи, покосившиеся стойки вешала. И большая чёрная собака всё так же сидела на песке – кого же она ждала?!

– Кладбище наше к югу от посёлка... – вдруг тяжело сказал Фёдор Петрович и рукой указал направление. – Там, в тундре... Первые могилы переселенцы вырыли... Конечно, в тундре от ветра надолго не спрячешься, но ведь и кладбище от моря далеко. Из чего вдруг дюну намело, вот уж – непостижимо! И чуть ли не по дням она росла. А накрыла кладбище и остановилась. Кресты, оградки, памятники – всё в неё ушло, и глубоко – не откопать... Стали хоронить поверх, прямо в песок... А дюна тогда же стронулась и ушла... Представляешь, да?! Как явилась, так и ушла незнано куда – всего несколько месяцев, и нет её! Гробы, кости, черепа – на Божий свет вывернула...

– Если не случайное совпадение, то мистика какая-то...

– Мистика или чего другое, не знаю... Но Шойна по-ненецки означает – место захоронения, кладбище, – на лице Фёдора Петровича легла тень, и он помолчал немного. – Страшно-вато иногда становится. Не только мне... Хотели даже в епархию писать, чтоб наше кладбище освятили...

– Вот как?! Епархия сюда дорогу знает?

– Церкви в Шойне никогда не бывало. Канин – языческие земли, – ответил Фёдор Петрович и уже с загадочностью продолжил, – недалеко отсюда, километрах в пятнадцати-двадцати, в тундре, будто бы особенный камень лежал, самоедский. Сам я его, сколько живу, не видел. Приятель мой, Ефим Ардеев, он из тиманских ненцев, рассказывал – бывшее святилище, с идолами, божками и всем таким... Вот уж – глухая древность. Век о нём никто не вспомнил бы, но заговорили, когда в Шойне дела наперекосяк пошли, поначалу осторожно, шепотком...

Фёдор Петрович снова придвинулся ко мне и сказал, понизив голос:

– Ненцы уверены, Шойну стало песком засыпать после того, как разворотили этот культовый камень...

– Кому же он помешал? Или в тундре места мало?

– Воякам летунам. Они запасной аэродром строили, на случай войны. А камень этот оказался как раз в створе взлётной полосы. В прокладке ничего менять не стали, аэродром построили. Рассказывали потом, принимала его комиссия генерала авиации Ивана Кожедуба, трижды Героя Союза – значит важным объект был. А что с камнем – может, и сдвинули его, может, динамитом в куски разнесли, – сейчас уж разное говорят... Но войны не случилось, аэродром не пригодился, бросили его, забыли... Только богов тундры и моря напрасно потревожили...

Последние слова Фёдора Петровича зацепили мой слух:

– Богов, вы сказали? Местных небожителей не знаю, и никогда уже, наверное, в них не разберусь. А вам если что известно, расскажите...

Похоже, просьбой своей польстил я хозяину. В ответ он не то улыбнулся, не то добродушно ус-

мехнулся, снова пригладил ладонью волосы, кашлянул и тихо продолжил:

– Пращурам самоедов представлялось, будто бы земля наша лежит на спине чёрной собаки, и эта чёрная собака плывёт в океане... Здесь у них, как у всех древних – помнишь ведь, да? – у кого мир на черепахе, у кого на рыбе, а у нас, европейцев, на семи китах стоит... У ненцев он на чёрной собаке в океане... Много поверий у них с океаном связано – они же не только тундрой жили, точнее – выживали... Жестокий быт – жестокие обряды: уходили на промысел, всегда уповали на богов. Бывало, и человеческую жизнь в уплату обещали... А дальше – вот уж у них всё просто – если удача, то божья помощь, а не везёт или передрыга, значит, за кем-то вина перед богами водится... Как их умиловать? Если в шторм, то бросали в море самое дорогое, что есть у охотников – ружьё. Если кто из добытчиков за борт падал, его не спасали – считали той самой обещанной жертвой...

Фёдор Петрович вдруг умолк, покачал головой и признался:

– Нет, увело меня от главного...

Я сразу заметил – хотя говорил теперь хозяин неторопливей, чем прежде, с паузами, но и речь его стала сбивчивой:

– Все сказки ненецкие, легенды, обряды, традиции, правила на промысле и в быту – всё у ненцев из представлений о вселенской гармонии... – продолжил было Фёдор Петрович, но снова остановился и уточнил, – если проще, для них самое главное в природе – равновесие... Если чуток толкнул её в одну сторону – как на качелях – другая обязательно отыграется... Если грубо пихнул – жди в ответ удара! Вот уж так самоеды природу понимали. Или вроде того... Поэтому у самоедов добыча никогда не превышала необходимых для жизни потребностей. Веками охотились, рыбалили только для пропитания, не ради барышей. И это больше, чем правило – закон выживания! Нарушать его – богов гневить... А мы?!

– Что же, выходит, Шойна обидела ненецких богов?

Фёдор Петрович снова не сразу ответил, и я понял, что и на этот раз он вспоминал что-то:

– Я над этим много думал... И сейчас думаю... У нас, православных, Бог один, у ненцев много, значит – язычники они. Но не так уж важно... Важно, что нет такой веры, которая дурному учила бы... Бабушка моя, Елизавета Фёдоровна, исто верующая, православная, так говаривала: природу обижать – Бога не в чести держать...

За окном властвовал всё тот же бесшумный день, и свет небесный, и краски реки, двугорбого бархана, дощатых сараев, поленицы дров не переменились. Казалось, всё пребывает в дремотной неподвижности. Разве что чёрная собака уже не сидела на песке. И не бесцельно бродила она по двору, и не понуро, а, напротив, замерла, насторожившись. Видать, учуяла что-то, если выжидательно приосанилась, наострила короткие уши...

– Надо же! Не видел её никогда раньше, – сказал Фёдор Петрович – он тоже глядел на улицу.

05 / 2017

– Фёдор Петрович, вы в Бога веруете?
 – Икон в доме не держу. Но о Боге думаю...
 Он вдруг в лице изменился – так стало ему нехорошо, негромко и нервно рассмеялся:
 – Создателю удалась природа, но при сотворении человека у него вышла осечка...
 – Жюль Ренар?
 – Он. Так у него написано...
 Мне захотелось повернуть разговор в иное русло:
 – Чем здесь народ сейчас промышляет?
 – Вот уж круглый год рыбой, по осени дичи полно и ягод...
 – И сёмга подходит?
 – Сёмга у Канина есть, – согласился хозяин, – но из беломорских будет она самая постная. Далеко ли от нас до Мезени?! Всего-то двести вёрст, а там она жирная. Ловим мы и сёмгу, но мало...
 – А гольца?
 – Гольца море мало даёт, значит, голец наш в основном озёрный...
 – Зимой что и как ловите?
 – Навагу, корюшку, камбалу, иногда треска на приливе попадает, правда, некрупная. Ловим через иордань.
 – Иордань?
 – Так у нас прорубь во льду называют. Не майна – как обычно у моряков и водолазов, а иордань...
 – Не замерзаете часом? Заполярье всё-таки...
 – Зимой метели здесь самое страшное, а морозы Баренцево море смягчит.
 – Не настолько же, чтоб печей не топить.
 – Топливо – плавник и уголь. Плавником море снабжает. Бесплатно. Только успевай таскать и пилить. Уголь плашкоутами и баржами всю жизнь везут, выгружают на берегу. Много его там остаётся – частный сектор подбирает. Вот уж не бедствуем...
 – Вас послушать, мировой энергетический кризис Шойне не грозит, – пошутил я, – жить можно...
 Но Фёдор Петрович, похоже, расстроился и моего тона не поддержал:
 – Работы, кроме рыбалки, в Шойне нет, а я уже на всю жизнь нарыбалился. Военные, поговаривают, скоро своё хозяйство свернут, уйдут. Ненцы сюда точно не вернуться. Они и раньше-то Шойну обходили, а сейчас – что им за нужда?! В посёлке работать негде: аэродром наш так, мелочь! Маяк, метеостанция, администрация, два магазина – ясно, обойдутся без меня, пенсионера. Четыре кочегарки – вся остальная наша экономика...
 – Что же теперь, уедете к детям?
 – Наверное. Жена в прошлом году собралась, уехала – у сыновей обживается, привыкает, я пока здесь...
 – Держит что?
 – Боязно мне как-то, – несмело признался Фёдор Петрович, пригладил свои прямые волосы, глаза его снова повлажнели. – Я раз в десять лет из Шойны выезжал, и совсем ненадолго. Не слепой – вижу, как жизнь утекает, и как жить на Большой земле – не знаю...
 В дверь постучали, тут же она отворилась. Мы с хозяином встали из-за стола. В прихожей топта-

лись Бахтин и артельщик Савин с большими полиэтиленовыми кулями. Штурманец Саша Карельский просто сиял:

– Камбалой разбогатились. Ночной улов. Нашим камбузникам работа, зато всем остальным свежак в радость...

Я простился с хозяином не без сожаления, будто осталось между нами недосказанным ещё что-то очень важное. Похоже, это же чувство тяготило и его. Мы вышли на улицу, прошли немного по мостовой, не смог я не оглянуться на дом Фёдора Петровича. Однако большой чёрной собаки в его дворе не увидел...

Хлеб нам испекли, всё честь по чести, как и договаривались – два мешка буханок. На часах уже вечер был, но, странно, день как будто и не собирался угасать – такая светлынь! Море возвращалось к берегу, к нему мы прошли низом – обогнули маячную дюну с севера. Мешки и кули с рыбой уложили посерединке вельбота, столкнули его на воду...

***

Мотор стучал легко, без напряжения, волну нос вельбота выгибал длинную и гладкую, а за кормой у нас оставался след, почти без пены. Мы ходко двигались, но казалось, Шойна не отдалялась – едем, едем, а как обернёшься, всё та же картина: серые песчаные холмы с приметным маяком, а к северу – низкий берег, потемневшие косы речного устья, и далеко-далеко, уже за посёлком – скудные полоски и пятнышки бледной зелени. И казалось, из этих размытых, смутных далей властно исходит некая тревога, которая уже долго не отпустит!

Я вспомнил Фёдора Петровича, его узкое и чуткое лицо, светлые и живые глаза, когда рассказывал он о своём детстве и «золотом времени» Шойны, и как вдруг тень легла, когда заговорил он о разгневанной дюне, поглотившей поселковое кладбище, и о загадочном самоедском камне... Но, подумав о древнем святилище, ныне потаённом в тундре, вспомнил ещё и ненецкое поверье о чёрной собаке, на которой якобы весь наш мир держится, и тут же – чёрную собаку, что особняком держалась в стае, встретила мне у развалин рыбозавода и так долго, невесть кого ждала у заносимого песком дома...

«Природу обижать – Бога не в чести держать».

А может, и правда, этот серый песок – бедствие, сущее проклятье Шойны вовсе не мёртвая субстанция, а живая, и, может, не лишена она разума, но только волей её владеет некто всесильный свыше...

Воздух, хотя солнце ощутимо пригревало, не колебался, был тих и прозрачен, и казалось, море едва дышит, и берег уже не дремой, а крепким сном объят.

Шойна и вдруг такое безветрие! Надолго ли?!

Канинский берег Белого моря

г. СЕВЕРОДВИНСК,
Архангельская обл.

Если бы у меня спросили, как я отношусь к Кириллу Серебрянникову, я бы ответила – «жалею». Но, уверена, знаменитому режиссёру моей жалости не надо. Он как-то сказал, что жалеют обычно жертву, а он себя жертвой не считает. Да и я не считаю. А жалею его как человека, попавшего в беду.

Галина АКБУЛАТОВА

КИРИЛЛ СЕРЕБРЕННИКОВ – ИВАНОВ XXI ВЕКА?

1

«Ты появился в Москве загадочным ростовским принцем в чёрной шапочке, серебряных перстнях и с разбойничьей серьгой в ухе, призванным оживить сонное царство столичного театра. Такая у тебя была миссия...» – писал недавно главный редактор «Сноба» Сергей Николаевич о Кирилле Серебрянникове.

Чёрная шапочка – это что-то... Чёрная шапочка – мета избранности... Чёрная шапочка кричит: я – мастер!

Однако театровед Елена Ямпольская, принимавшая участие в передаче Швыдкого, посвящённой Серебрянникову (канал «Культура», 9.09.17), булгаковской шапочки не заметила, а впервые увидела молодого режиссёра «крепёжом и матерщинником», настоящим мачо из Ростова-папы.

Одной из первых постановок Серебрянникова в столице стал спектакль «Пластилин» по пьесе новодрамовеца Василия Сигарева – об ужасах жизни подростка в российской глубинке. И это был первый большой успех:

«На него стала приезжать буржуазная публика на джипах. Какие-то vip персоны /.../ И если театр научится с этой публикой разговаривать, будет здорово. А не научится, уйдёт в разряд маргинального искусства, проиграет кино...» (Серебрянников К. Раз в месяц публика хочет быть раздражена.

Вскоре последовали «Терроризм», «Откровенные полароидные снимки», «Сладкоголосая птица юности»... и, наконец, постановка в святая святых – МХТ им. Чехова – пьесы Горького «Мещане».

«В этой пьесе, – делился Кирилл, – *«заложена внутренняя бомба. Это рассказ о безумном, непреодолимом конфликте между поколениями. Он вечен: родители никогда не поймут детей, а те – старшее поколение...»*

Я смотрела на все эти приметы советского быта в спектакле и не понимала, почему для показа конфликта отцов и детей Серебрянников не взял пьесы более близкого к нам Виктора Розова («В добрый час», «В поисках радости», «Гнедо глухаря», «Кабанчик»), где та же вечная тема и где

были бы более уместны шляпы-пирожки и драповые, пропахшие нафталином пальто.

Однако позже прочитала, что драматургов и режиссёров розовского поколения (Володина, Арбузова, Гончарова, Эфроса, Фоменко...) Серебрянников считает людьми другой эпохи – идеалистами и романтиками, не знающими реальной жизни. К тому же, на его взгляд, устарели их театральные приёмы. Эти творцы работали со словом, а Серебрянников слово считал вторичным: *«Театр прежде всего смотрится глазами... Яркие картины – видения... Короткие сценки, мало реплик... И действие, действие, действие... Этакая культура глюка».*

Так в театре Серебрянникова, где «главный предмет рефлексии современного искусства – само искусство...» (Олег Зинцов).

А в жизни... В жизни как раз много разговаривают: обсуждают, спорят, делятся, ссорятся, мирятся... И нередко в слове рождается истина, хотя бы для говорящих.

Но, возможно, слово только для старшего поколения. Но нет, и для тридцати-сорокалетних – тоже (сужу по моей дочери, её подругам и их мужьях). А вот для рождённых в 2010... Недавно у меня в гостях побывал семилетний мальчик вместе со своей мамой. Он скакал и прыгал по квартире, сметая всё на своём пути, в поисках новых впечатлений. Он не мог ни на чём сосредоточиться и не слышал слов матери... Ему нужна была быстрая смена картинок, и действие, действие, действие...

Мальчик не аутист, обыкновенный, современный мальчик, только лет до пяти он был нем. С ним долго занимались логопеды, и мальчик, наконец, заговорил. Таких не-говорящих детей в мире картинок становится всё больше. Одна из возможных причин – отсутствие с младенчества в их жизни слова (родители вечно заняты, институт бабушек утрачен).

Со спектаклями Серебрянникова (желающие могут увидеть их на ютубе) похожая история. Много ярких картинок-видений, много действия (чисто внешнего, физического) – и всякий раз ощущение: «Всё кончено, кончено, кончено... Всё пусто, пусто, пусто...»

Но выхожу на улицу... – и успокаиваюсь. На улице обычная жизнь, без надрывного ора, секс-силы и знамений конца света: киоск с приветливой киоскёршей, выглядывающей из окошка, мамы с колясками, смеющиеся девочки-погодки, старушки в шляпках, велосипедисты...

Однако, как известно, творца обычно интересует не улица. Его интересует то, что между улицами, двориками, домиками, спальнями... Внутреннее. Он хочет познать человека и обнажить его нутро – без позолоты.

Это, безусловно, право творца. Но лишь в том случае, если... Если прежде, чем познать других, творец познаёт себя. Найдёт в себе те же свет и тьму, раба и господина, кровь и почву... что и в героях, которых он выводит на сцену. То есть сможет сказать по-флюберовски: «Санька – это я».

Увы, для творца это самое трудное – сказать правду о себе. Вспомним Набокова, который мог подать даже своих документальных персонажей (Чернышевский) в самом неприглядном виде. В то же время о себе – только выверенное, только то, что ложится в легенду.

Поэтому у творца, в отличие от Саньки, всегда «очень благополучная и весьма обеспеченная семья», соответственно – счастливое детство. Поэтому творец смотрит на Саньку свысока и показывает его таким, каким он увидел его глазами обеспеченного – отморозком.

Именно так – «Отморозки» – называет Кирилл Серебренников свой спектакль по роману Захара Прилепина «Санька», что мгновенно меняет смыслы. Был генерал песчаных карьеров, а стало, который, говоря словами одного из персонажей спектакля, «сам по себе ничего сделать не может, вот и бесится».

Но, возможно, название – лишь пиар-ход режиссёра: на отморозков публика пойдёт охотнее, чем на какого-то Саньку или Ваньку.

Скорее всего, так и есть. О чём говорит позиция, заявленная Серебренниковым: «Художник стоит над схваткой, он ни там, ни там, не с этими и не с теми, он и тем сочувствует, и этим...»

Однако «Отморозки» в прошлом. Свою главную тему – исследование русского жизнеустройства – Серебренников продолжает на классике: «Мёртвые души» (2014), «Обыкновенная история» (2015), «Кому на Руси жить хорошо» (2015) И уже приближается к Чехову. Но не устраивает, что «на русской сцене обнажённое тело табуировано. Ну и получается какая-то исламская культура... Такие постановки Чехова, какие мы видим, – тоже часть исламской культуры», а «Чехова надо ставить про современных людей».

Что ж, более современного персонажа чем Кирилл Серебренников для одной из самых загадочных чеховских пьес «Иванов» сегодня трудно найти.

Возможно, кто-то из почитателей К.Серебренникова оскорбится за «персонаж». Однако не моя вина, что объекты пристального внимания ТВ, блогеров, прессы становятся для нас персонажами, по-современному *нюсмейкерами*. И это подтверждает К.Серебренников в интервью на латвийском общественном канале ТВ: «*Это же не я... Это моё электронное изображение... Это такая игра... Мы знаем, что нас смотрят миллионы телезрителей, поэтому мы ведём себя как-то по-другому...*» К тому же К.Серебренников и сам называл некоторых известных лиц персонажами. Например, Доронину: «*Это такой яркий, удивительный персонаж, на который невозможно обижаться...*»

2

Начну с того, что у Иванова и Серебренникова немало общего. Во-первых, оба – университетски образованные люди с одними и теми же ценностями: «порядочность, честь, нельзя быть во-ром, равнодушным, нельзя врать и бояться...» (К.Серебренников).

Молодость обоих пришлась на либеральный период (у Иванова – на правление Александра II, у Серебренникова – на так называемую «медведевскую оттепель»). Оба хотели переустройства русской жизни на европейской основе (культура быта, свободомыслие, отмена цензуры...). Оба после окончания алма матер (один в Москве, другой в Ростове), отправились воплощать свои прогрессивные идеи в иные пространства: Иванов в провинцию, Серебренников – в Москву. И тому, и другому улыбнулась фортуна. Но после соответствующих событий (убийства Александра II в 19-м и западных санкций в 21-м) госполитика

стала менее либеральной и нашим героям пришлось свернуть свои проекты. От этого у них возникло чувство тотального одиночества. Спрятаться от него негде и не с кем: семья для обоих – иллюзия; в будущее они не верят (потому и детей нет); общество к ним враждебно да ещё распускает слухи, порочащие их честь и достоинство. В итоге чеховский Иванов стреляется, а Серебренников попадает под арест.

Ну а теперь о различиях.

Иванов, несмотря на свою прошлую подвижную деятельность, не герой. Он обычный человек, «как все». И он и хочет быть, как все. Другое дело, что он по природе не как все – тоньше чувствует, глубже понимает... От этого многие печали. И от этого мой особый интерес и желание узнать побольше о корнях Иванова.

Но он почему-то не говорит о своём роде – родителях, предках... Их словно нет. Нам лишь известно, что они из дворян, а сам Иванов до определённого возраста жил в родном уезде, где окончил гимназию, затем университет – и возвращение в тот же уезд. В общем среднестатистическая биография среднестатистического русского юноши из среднеобеспеченной семьи. И всё это очень похоже на Ивановых моего поколения, у которых род был оборван на дедушках и бабушках, а родители своим детям избегали говорить о прошлом (по крайней мере, так было с моими родителями, осиротевшими малолетними детьми во время *продразвёрстки и продналога*).

Серебренников – герой. Его и воспитывали как героя: «Мне в детстве родители запрещали плакать, прямо били по мордам, и потому я привык – никогда не жаловаться...» Он отлично знает историю своего рода: у него известные в Ростове родители (отец – хирург, мать – преподаватель), знаменитый дед Александр Литвин, учившийся режиссуре у Довженко и Эйзенштейна и впоследствии ставший одним из основателей киностудии «Молдовафильм».

«Правильное» воспитание позволило Кириллу окончить школу с золотой медалью и с красным дипломом университета. Но главное – быстро приспособиться к условиям нового времени: *«Был переводчиком с английского на Мальте, водил русские группы по острову. Приехав в Москву, пошёл в рекламное агентство, потом в цирке ставил представление... Мне нужно было зацепиться за столицу...»*

И он не просто «зацепился». Он стал мега-звездой столичного культурного фасада (Сергей Николаевич) «Ты любишь слово «звезда». Ты часто его произносишь по поводу и без... «Звезда для тебя – это что-то очень личное, что горит синим пламенем, освещая наши бедные, скучные будни».

В связи с этим мне показался интересным взгляд приятельницы Серебренникова, питерской художницы Ольги Тобрелутс. На одной из выставок она показала ряд звёзд современности, представив их с помощью фотошопа в образе героев ушедших времён. Например, знаменитую модель Наталью Водянову можно было увидеть в

образе Венеры Милосской – с обрубленными руками. А звёзд футбола она одела в костюмы римских легионеров. Тем самым художница дала понять, что свобода звёзд не более чем миф. Она ограничена теми же рамками купли-продажи, что и у древних легионеров.

Но Серебренников считает несвободными именно Ивановых («страна неотменённого рабства», поскольку они не оказывают сопротивления угнетающей их власти:

«Они сильно ругают власть, но при этом относятся к ней как к атмосферным явлениям: вот идёт дождь или пошёл снег – с этим же ничего нельзя сделать, так – значит, так...» (Там же).

3

А между тем Серебренникову повезло, и он воочию увидел чеховского Иванова: *«В Мышкине мы познакомились с Владимиром Александровичем Гречухиным... Он написал книжку про Тютчева, которого он любит и досконально знает. Он был в числе тех, кто добился возвращения Мышкину статуса города... Создал несколько музеев... И когда он рассказывает, как им приходилось бороться, что им приходилось пройти, – думаешь: раз есть такие уникальные люди, то не всё потеряно. А потом смотришь, как живут эти люди, как они в одиночку бьются с обстоятельствами, понимаешь, что вариантов нет...»*

Но если вариантов нет, то и нет спектакля про Иванова... Иванова-подвижника XXI века. И понятно – почему.

Во-первых, публика Серебренникова, привыкшая к провокативному искусству своего любимца, вряд ли пойдёт на такой спектакль. Во-вторых, Серебренникову с его «компьютерным умом», умело использующему «готовые лекала и давно найденные приёмы» (Сергей Николаевич), но не владеющему умениями школы русского психологического театра с её проникновением в глубину роли, вряд ли под силу создать образ Иванова.

Да дело даже и не в умениях. Дело в понимании. К примеру, Пётр Фоменко, у которого, по мнению Серебренникова, отсутствовал трезвый взгляд на реальность, понимал, потому что сам был такой: *«В природе русского человека – работать на грани инфаркта...»* Серебренникову же катастрофически не внятна ни психология Ивановых, ни причина ослабленности их жизненной энергии, которую назвал ещё чеховский Иванов: «Много работал – и надорвался».

Действительно, в определённом смысле русские – надорванный народ. (Более двадцати миллионов! – потеря населения только во вторую мировую. И ещё раскулаченные, сосланные, посаженные, расстрелянные прежде – в 20-е и 30-е. А сколько косточек русских легло в фундамент великих советских строек вроде Беломорканала. Да об этом уже столько написано, что и напоминать неловко.)

05 / 2017

Остатки родовой энергии Ивановых уходят на «Тютчева» и музеи. И этот приоритет *художественного мышления над техническим* (утилитарным) известный учёный и культуролог Ю.М. Лотман, охарактеризовал как *«историческое своеобразие русской культуры»* (И.В. Кондаков. Юрий Михайлович Лотман / Под. ред. В.К. Кантора. – М.: РОССПЭН, 2009)

Так что на бунт сил не остаётся. Да и не бунтари Ивановы по природе. Они слишком хорошо помнят девяностые, когда в их квартиры ломились выпущенные на волю урки. А они, безоружные, смотрели на кухонный нож и знали, что убить не смогут. Отсюда отношение к власти: пусть хоть такая, чем никакой.

4

Энергия – новый код постсоветский эпохи и её искусства (литературы, музыки, театра...). Правда, о её характере и происхождении сегодня мало кто задумывается: мол, нефть и нефть, а деньги, как известно, не пахнут. Но в природе, утверждает специалист по системному анализу Сергей Чернышёв (гр. 1952), «никакой «энергии» самой по себе нет». Она возникает в процессе отношений. Например, существует мнение, что *«театр всегда жил, когда правильно дружил»*.

Ивановы правильно дружить не умеют, отсюда безденежье. Чеховский Иванов к моменту его появления на сцене практически банкрот. Потому как «всё, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушных затей наживался всякий, кто только хотел...» То есть участия госпатера нет и в помине. Хотя в основе ивановских проектов (строительство школ) – общественная польза.

К.Серебрянников дружить умеет. В его деятельности госпатер налицо. Он выступает в роли Мефисто, соблазняя звезду местом «агента перемен», «Околонолем», «платформой» и ролью мессии («чинить мир», «делать его лучше»).

С какой целью соблазн? Да с той же самой: починить изрядно прохудившийся мир между Востоком и Западом с помощью trade mark «Серебрянников». Эта марка должна была продемонстрировать цивилизованному миру демократичность российской власти и её приверженность западным ценностям. Простая в общем-то формула: искусство помогает политикам; политики помогают искусству.

Естественно, режиссёр сделал вид... И пошло-поехало... Он снимает кино, ставит спектакли, создаёт новое театральное пространство («Гоголь-Центр», «Седьмая студия»)... Ему всё удаётся, и он счастлив: *«Я сейчас зарабатываю такое количество денег, которое позволяет мне жить достойно. Есть вкусную пищу, покупать хорошую одежду, путешествовать, помогать родителям...»*. Отсюда приоритеты: «Мой идеал – это жизнь. Счастливая жизнь... Никому не должно быть больно, никаких страданий, все должны быть влюблены и рады, хорошо обуты, одеты и вкусно накормлены...» То есть почти по Чехову: «В человеке всё должно быть прекрасно...»

Однако известная русская пословица гласит: трудами праведными не наживёшь палат каменных, в смысле – нормального жилья и прочих условий *достойного* существования. И в этом К.Серебрянников мог убедиться, побывав в городах и селениях Ярославской области, в том же городе Мышкине, где Гречухины-Ивановы без конца работают, но их собственное материальное положение от этого несколько не улучшается.

И потом... Для того, чтобы не было «никаких страданий», человека нужно кастрировать, т.е. лишить души. На это Ивановы не согласны, что они выражают языком и мыслью корневого русского писателя Андрея Платонова: «Вы видите только наши заблуждения, а не можете понять, что не блуждаем мы, а ищем...»

Надо ли говорить, что герои Платонова ищут не вкусной пищи для тела, а смысла всей своей короткой жизни, пусть даже «туловище» их за время поиска истомится, иссохнет и даже умрёт. На это Серебрянников замечает: «Отдохнём за гробом...» Очень русская идея!»

И наконец финал. «Мессией», чинящей мир, Серебрянников так и не стал, несмотря на серьёзные каптивания. Зато возникло обвинение в финансовом «мошенничестве». Возможно, справедливое, а возможно, нет. И, честно говоря, эта сторона меня занимает меньше всего («химичить» по тем или иным причинам в нашем обществе приходится большинству населения возраста активности и «замазать» при желании можно каждого второго).

Меня больше занимает некая мистика происходящего. И связана она с тем, что уже в начале московской карьеры Кирилл Серебрянников публично отрекается от своего рода-племени, т.е. от принадлежности к сообществу интеллигентов: *«То, что уходит интеллигенция, – это выражение мирового процесса, а не только специфически российского. Она превратится в узкую прослойку интеллектуалов. Но на них ориентироваться не надо. Надо ориентироваться на здоровых, живых, социально адаптированных, удачливых, современных людей возраста свершений...»*

Но кто же знал тогда, что письма в защиту режиссёра будут подписывать не мажоры и випы, на которых делал ставку К.Серебрянников, а те самые интеллигенты – интеллигент Александр Сокуров, интеллигент Сергей Юрский, интеллигент Сергей Урсуляк, интеллигент Евгений Миронов... – которых в начале двухтысячных К.С. приговорил к уходу со сцены.

А вот «старорежимный» Иванов, поскольку был до мозга кости русским интеллигентом, никогда не отказывался от своего рода-племени и всегда страдал от невозможности общаться с людьми одного с ним круга.

В связи с «делом» Серебрянникова хочу также заметить, что в сравнении с Ивановым, страдающим от того, что *«нас», т.е. «честных, порядочных людей, мало»*, у Серебрянникова мощная поддержка (см. прессу, страницы режиссёра в контакте и на фейсбуке). И это люди, как и сам режиссёр, суперэнергичные, социально актив-

ные, настроенные идти до конца и добиваться своей цели. Иванов в сравнении с ними слабак и, кажется, не понимает, что без поддержки своими в России делать нечего. И ни у Серебренникова и ни у кого другого не получится быть «ни там, ни там, не с этими и не с теми...» (А.К. Толстой: «Двух станов не боец, но только гость случайный...»). Конечно, есть исключения, например, Григорий Перельман 1966 г.р. Но для этого как минимум нужно быть гениальным математиком.

5

Чем дальше, тем заметнее, что Иванов больше говорит про душу («душа болит», «не понимаю, что с моей душой»), а Серебренников – про тело (Сергей Николаевич) «По большому счёту тебя всегда интересовали только две темы: секс и политика...». Но возможно, это приём, и режиссёр мог бы сказать то же, что сказал его коллега из Воронежа Михаил Бычков, объяснявший появление на афише обнажённой труппы: «Мы оголились перед всеми – это символ обнажённости души...»

Душа... И с ней связанное – *духовность*, т.е., по Ожегову, «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными». Отчего-то это слово сильно раздражает К.Серебренникова:

«Когда говорят про духовность, я хочу взять за пистолет... Потому что это шифровка пустоты... убежище для бедных. Это попытка скрыть несостоятельность неудачников...».

Здесь особенно чувствуется, что Серебренников по образованию не гуманитарий, иначе он бы знал, что защита-убежище должна быть у каждого – как у богатых, так и у бедных, и не всё же бункеры, может быть и духовная защита. К тому же в мире до сих пор существует «традиционно русское культурное мышление» и *традиционный русский менталитет*. И это был вынужден признать даже такой авангардист и ниспровергатель истин как Дмитрий Пригов: «для русского мышления характерно ожидание акта высокого искусства» (лекцию Пригова я слышала в начале девяностых в Германии, в Потсдамском университете).

Это ожидание «высокого» учитывали русские классики. Чехов, когда писал «В овраге», знал, что дети прототипа – купца Хрымина – с восьми лет пьют водку и развратничают, «заразили сифилисом всю округу»... Но он не говорит об этом в повести. Потому что ему был известен главный закон искусства – «некрасивость убьёт». И этот закон исповедали все русские классики. Например, в набоковской «Лолите» издатель предлагает автору исповеди Гумберту сделать его соаврителем не девочки, а мальчика. Тот с отвращением отказался. Т.е. Набоков отказался. И именно потому, что знал – «некрасивость убьёт» не только его роман как произведение искусства, но и самого автора.

Что касается «удачников» и «неудачников»... В отличие от «физика» Кирилла Серебренникова «лирик» Антон Чехов считал: «Делить людей на удачников и на неудачников – значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки

зрения... Удачник Вы или нет? А я? А Наполеон?.. Где тут критерий? Надо быть богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибаться...» (Из письма А.С. Суворину. 3 ноября 1888 г.)

И не забудем, что в русской традиции – «милость к падшим призывать», как к неудачникам, так и к оступившимся.

6

Разница между героями заключается и в том, что чеховскому Иванову не свойственна ирония. Он серьёзно, пожалуй, слишком серьёзно относится ко всему, и лишь к себе – пренебрежительно. К.Серебренников предпочитает иронию и юмор. Но над арестом своим иронизировать не стал, наверное, потому, что это всерьёз угрожает его карьере да и лично ему самому.

Тот Иванов мучается от неразрешимости своих проблем и в сложившихся обстоятельствах не видит для себя выхода. Одна из главных причин тому – безверие. Хотя в «подкорке» бог ещё существует, но не как настоящее, а как наследственное прошлое. Оно-то и напоминает Иванову о душе-совести и нравственных законах.

К.Серебренников верит в Будду и считает, что человек сам себе судьба, сам себе господин и выход он должен искать в самом себе.

Однако в его спектаклях выхода всё-таки нет. То есть нет героев, способных противостоять этому отвратительному миру людей-монстров и отчаянию отчаявшихся. А как иначе, если творец (режиссёр) не верит в человека, не берёт на себя его грехи и не идёт ради него на крест.

Да, креста нет. Но есть Будда. А Будда (не вообще Будда, а Будда К.Серебренникова) призывает не к любви, а к уважению (на евразыке – толерантность): «...не значит, что я всех люблю, но я всех уважаю...» (Там же).

Но это на поверхности. Суть же в том, что чеховский Иванов обвинял во всём себя («День и ночь болит моя совесть, я чувствую, что глубоко виноват...»), а Серебренников обвиняет других: «Власть, я знаю, что ты лживая, корыстная, но по закону ты должна помогать театру, искусству...» (Кирилл Серебренников. Про меня).

«По закону... должна...» Прямо детский сад. Будто Кирилл Семёнович не знает, что власть живёт по понятиям: кому хочет – помогает, а остальных на хлеб и воду. Взять, к примеру, петрозаводские гостеатры, о которых шла речь в той же передаче о Серебренникове от 9.09.17: в течение последних пяти лет они не получили ни копейки на постановочные расходы, а недофинансирование культуры в целом о катастрофическое. И потом... не бывает так, что они «лживые и корыстные», а мы «агенты перемен» – белые и пушистые. Как говорил неоднократно и сам Кирилл Серебренников, «всё сложнее... всё гораздо сложнее». И эта сложность более всего выражается в разрыве между *новой русской драмой* начала XX в. («Иванов») и *новой российской драмой* XXI в. («Серебренников»). Сегодня между ними – бездна. Хочется надеяться, не навсегда.

В основу повести легли события и факты обобществления оленьих стад кочевников в 30–50 годах прошлого столетия. В книгах и монографиях, посвящённых этому периоду, до недавнего времени отображались они лишь одной краской – белой. Но жизнь не могла быть только белой или чёрной. В ней было немало и других оттенков и цветов.

ВИЛЮНЕЙСКИЙ РЕПОРТАЖ

1. ТЫНАТВАЛЬ И ЕЁ ДЕТИ

Тынатваль примостила вверх дном возле полога деревянный поднос и расставила на нём чашки и блюдец. Разлила кипяток из закопчённого, объёмистого медного чайника и села поудобнее. Холодная часть яранги и полог наполнились тонким запахом.

В жильё было пятеро, чаевали четверо, самый младший, круглоголовый, взъерошенный, доедал остаток нарезанного мяса. Мальчик жевал старательно, медленно, с сытой усталостью и вдруг начал тихо петь. У чукчей считается плохим признаком ещё что-то делать во время еды. Мать мальчика Тынатваль с укором посмотрела на поющего сына и сказала:

– Не пой, не безоленный ты.

Мальчик с удивлением взглянул на мать, в глазах лёгкое беспокойство, что рассердил мать. Доел мясо с виновато опущенным взглядом, тихо пробурчал:

– Пойду играть.

– И-и. Да.

Ремкилин нашёл за пологом свой новенький аркан, который сделал ему старший брат Анкау, выбежал на улицу, где его уже поджидали соседские дети.

Взрослые не торопились: чаевали медленно, основательно. Молчала Тынатваль, молчали и её дети – старший сын Анкау и младшие дочери Гивынеут и Ротваль. Мать же думала о самом младшем из семьи, о Рем-

килине, которому недавно исполнилось семь лет.

– До чего же лицом похож на отца, – не то себе, не то сидящим рядом сыну и двум дочерям мягко, нежно произнесла Тынатваль и чуть улыбнулась, приоткрыла рот.

Дети, будто по команде, с улыбкой посмотрели на мать, но ничего не сказали, только во взглядах тепло и любовь.

Мать чуть прикрыла глаза, точно задремала, но на изморщиненном лице её такая светлость, такая благодать, точно она видит себя молодой. Она и впрямь вспомнила молодость, мужа, и под сердцем нежно и тревожно защемило. Он ушёл из жизни три года назад. Отец её детей был радостью и опорой семьи. Она осталась одна с четырьмя детьми, и лишь она одна знает, каких усилий стоило воспитать, вырастить их. Трое уже встали на ноги. Дочерей можно выдать замуж – им исполнилось по пятнадцать. Они вполне самостоятельные, умеют хорошо готовить еду, главное – не хуже её, матери, сошьют любую одежду. Сыну двадцать три. И со старшим сыном ей повезло – работающий. Среднего сына Ринтувье женили давно, ещё при отце. У него своя семья, он уж как бы и не её, Тынатваль, сын – живёт отдельно.

Все помыслы её были о младшем – что ждёт его? У Тынатваль было слабое здоровье, и она боялась за мальчика, а не за

себя. Дети без матери – тяжелее этого и не придумать.

Ещё одно обстоятельство тревожило Тынатваль: далеко, в большом стойбище открыли школу, и туда со всей округи собирают детей. Старший сын Анкау говорит, что это хорошо, что Ремкилин грамотным будет. Но ей, матери, всё равно беспокойно. Что там будет с мальчиком? Кто обошьёт и накормит его?

– Хотел с ним книгу полистать – убежал, – беззлобно, чуть растягивая слова, сказал Анкау, – Ничего, в большом городе научат порядку.

Сёстры весело переглянулись. Для них далёкая жизнь в далёком стойбище была незнакома и притягательна.

Тынатваль вздохнула, печально опустила глаза к чашке, отхлебнула чаю, сказала:

– Жалко, маленький, совсем несмышлёныш...

– Мама, там все, как он... За ним будут смотреть взрослые, русские, научат писать и в книгах разбираться, – сказал Анкау.

«Пусть не торопится с женьбой, – подумала о старшем сыне мать, – Мне с ним легче – рассудительный».

Чаепитие закончилось, сёстры убрали посуду. Тынатваль взялась за шитьё. Из телячьих шкур женщина дошивала кухлянку для Анкау. Тёмными, в трещинах пальцами Тынатваль погладила шерсть кухлянки, вывернула наизнанку, начала искать шов. Она осталась доволь-

на: след от жил-ниток был ровным, тонким.

В открытый вход рэтэма – покрытия яранги – видна тундра, рыжие сопки, как на ладони, уже блёкая, с жёлтыми пятнами кустов низина. Сероватый воздух, пасмурный день – ранняя осень.

Анкау, ловко орудуя теслом, выстругивал копыл для нарты. Белые мелкие, почти прозрачные, щепки летели во все стороны.

В ярангу вбежал младший братишка Ремкилин. Он уселся рядом с Анкау и стал рассматривать выструганный копыл.

– Это мне?

– И тебе и мне, – улыбаясь, отозвался Анкау. – Вместе будем ездить.

– Когда? – не терпелось знать мальчику.

– А когда ездят на нартах? – с насмешкой поинтересовался старший брат.

Мальчик нахмурился: будто он не знает, когда на нартах ездят, ответил несколько угрюмо:

– Зимой! Это все знают.

– Может, тебя на новой нарте в большое стойбище повезём. Не забывай о «Челгыкалекал» – Красной книге, букваре, это важно...

Сам же с грустью подумал, что только раза три брался за карандаш после того, как Лялио, работник Красной яранги, во время недавнего приезда дал ему задание – прочертить прямые палочки в тетради, пока все листы не заполнятся. Листов в тетради много, да и некогда этими палочками заниматься. «Зачем они мне? – думал Анкау. – На деревянной палочке можно сделать столько насечек, сколько у меня личных оленей. Так делали и отец, и дед. Никого никогда не подводили эти насечки».

Ремкилин юркнул в полог и принёс «Челгыкалекал», тот самый, что привёз Лялио издалека. Любопытно было глядеть мальчику на белую бумагу со множеством каких-то знаков. Ах, какие же красивые картинки! Какие красивые, ну как живые на картинках люди, олени, птицы!

– Мама, а ты тоже со мной поедешь?

Мать печально пожимает плечами, не отрываясь от шитья. Что она может сказать сынишке? У Тынатваль запершило в горле: вдруг вспомнилось, как голосили многие матери, отправляя своих детей в школу, в большое стойбище. Лялио на собрании жителей говорил, чтобы женщины не беспокоились, что там, в школе-интернате, за ними будут присматривать, будут кормить и одевать, что государство о них будет заботиться. «Кто такой государство? – думала Тынатваль. – Богатый хозяин стад? Сильный, щедрый человек? Если берёт на содержание чужих детей, то они ему для чего-то нужны? Может, для чёрных дел? Лялио обещал, исключительно для того, чтобы сделать всех счастливыми, свободными. От кого?».

Пришла ночь. Анкау с другим пастухом с вечера ушёл караулить стадо. Другие домочадцы улеглись в пологе.

Тынатваль не спалось. Поднялась от костра в холодной части яранги, вышла на улицу. Было очень тихо, подморозило. Над сопками, вершины которых подёрнуты налётом первого снега, сине-тёмный небосвод. Вдруг там, далеко на севере, в небе что-то вздрогнуло, и оно замерцало изумрудно-зеленоватым слабым сиянием...

Женщина стояла с непокрытой головой и не могла оторвать взгляд от слабо светящегося неба. И вспомнилось, как она с Иулькутом тогда, в молодые годы, любила смотреть на небо, играющее красками, на звёзды – будто отражения далёких костров, огонь которых до сих пор поддерживают предки, её Иулькут. Она давно знает, что люди не умирают, а уходят к верхним людям. И живут там своей привычной жизнью. И звёзды – это не что иное, как их костры... О, как это всё далеко и как это всё рядом! Ей исполнилось шестнадцать лет, когда её выдали замуж. Иулькут нашёл её в соседнем стойбище, где он работал целых два года за неё у её родителей. Когда пришло время молодым уезжать, тесть подарил зятю двух ездовых оленей – отец невесты остался доволен Иулькутом. Как быстро

пролетело время, как быстро! Хлопотала по хозяйству, шила, варила, рожала детей – и вот состарилась... Уже под пятьдесят – и слабость, и усталость в теле... Может, прожитые годы её съедают, а может, какая-то болезнь?

Тынатваль смахнула тыльной стороной ладони увлажнившиеся веки глаз, бросила прощальный взгляд на угасающее свечение в небе, на звёзды, мерцающие в его бездонной глубине. «Ему там хорошо, моему Иулькуту, отцу моих детей», – подумала она и вернулась в ярангу. Приподняла край полога: дети крепко спали. В бликах гаснущего костра она видела их лица, слышала глубокие вздохи. Они – её, она любила их, она жила для них, они – настоящие.

***

Прошла зима, за нею лето. Затем наступила осень. Тынатваль проводила сына в школу. В первый и последний раз...

2. СУХОЖИЛЫЙ

Весной Анкау привёз на оленьей упряжке Ремкилина в тундру. Всё лето мальчик провёл у старших сестёр – Гивынеут и Ротваль. Как и раньше, играл с соседскими мальчишками, удил рыбу, бегал, до самой осени забыв о книжках, о школе. Известие о смерти матери он воспринял молча, ни о чём серьёзно не задумываясь. Иногда только на какой-то миг мальчик становился задумчивым, не по возрасту серьёзным, и с его лица исчезала радостная улыбка, и в это время он еле сдерживал слёзы.

Отца он не помнил, только чуточку запомнилось его лицо. Как лёгкий сон, как мгновение: одухотворённое, вытянутое, с тонкими чертами. А ещё оно казалось каким-то таинственным. Запомнил то, что отец полулежал в пологе, смотрел прямо в его, сына, глаза и что-то говорил... Но разве мог он понять то, что говорил умудрённый жизнью оленный человек такому маленькому и совсем несмышлёному, едва-едва начинающему ходить на ещё неокрепших ножках? Конечно, нет.

05 / 2017

Да, Ремкилину запомнилось только его лицо. Но мама часто говорила ему, что он очень похож на отца.

Похож на отца. Это так. Ну, а душу, характер свой – передал ли он сыну? И каким он был вообще – отец? От брата узнал и запомнил одно – Иулькут укладывался спать очень рано и поднимался чуть свет.

Как-то однажды, придя под вечер вдвоём из плодового стада, где рождались телята, Анкау сказал ему:

– Ты есть сухожилый.

– Что это значит? – спросил Ремкилин брата.

– Так прозвали нашего отца в шутку, а ты очень похож на него.

Прозвище, которым, как было принято, окрестили и их отца – Иулькута. А потом оно к нему, к Ремкилину, перешло. Ну и ладно. Хотя это интересно: ведь за словом, произнесённым много раз в адрес одного человека, кроется что-то существенное. Отец... Почему же прозвали его сухожилым, жилистым? И Ремкилин стал просить Анкау, чтобы тот подробнее рассказал об их отце – Иулькуте.

Надо сказать, что Анкау – отменный рассказчик, с замечательной памятью и даром слова.

***

...Большой, просторный пол, освещённый красноватым тусклым светом жирника. Тепло. И даже немного душно. Здесь они вдвоём – Анкау увлечён Ремкилиной в прошлое.

– Две вещи должен беречь чаучу – олений человек: своих оленей и своё имя, – начал Анкау. – Именно таким был отец.

Имя, как ты знаешь, дали ему Иулькут, что значит «крепко вставший на ноги». В то время нас в семье было шестеро: отец, мать, сёстры и мы с братом Ринтувье. Ты ещё не родился. Наша яранга, как и другие, стояла на берегу озера Ёмра. В стойбище на весенний праздник оленеводов – Кильвей – съехались на день-два гости из ближних стойбищ и только трое издалека с Вилюнея – многооленный чукча по имени

Маравье со своими сыновьями Тевлятом и Нутевги.

Все веселились. Никто не таил обиды – старые обиды за обладание оленями давно забылись, никто их не помнил. А ведь когда-то были даже набегги. И всё же и наши жители, и вилюнейцы, особенно молодые, порой «не скупилась» на подобные вещи, но только причиной дальних сборов были женщины, а не олени. Оленей у нас было много. И девушки, настоящие красавицы, всегда находились. Но как-то наш брат Ринтувье прослышал о том, что в одном дальнем стойбище, возле сопки Вилюней, живёт необыкновенной красоты девушка по имени Иленны. Это была дочь Маравье. Парень решил увидеть её и ...похитить. Надо сказать, что Маравье приказал своей дочери далеко не уходить от яранги. И девушка страдала от всяких запретов, чахла, можно сказать. «Разве это справедливо по отношению ко мне? Почему другим сверстницам всё можно – уходить в тундру и собирать ягоды, травы, а мне нельзя?» – думала Иленны и становилась замкнутой, неразговорчивой даже в кругу девушек, иногда заходивших к ней в ярангу отца.

– Итак, начался весенний праздник оленных людей, – продолжал рассказывать Анкау. – Гости знакомились, присматривались друг к другу. Одни откровенно восхищались девушками, молодыми женщинами, а другие вели себя как занятые люди.

Вот гости подошли к нашей яранге, некоторые вошли, остальные двинулись дальше. Я стоял в стороне с отцом. Он в это время говорил мне, как лучше сохранить телят – к вечеру, после традиционных торжеств, мне предстояло идти на дежурство в стадо. Запомнились слова отца, которыми следую и сегодня: «Ночи ещё холодные. Если телята будут отлёживаться в одном месте, ещё со снегом, могут обморозить свои копытца. Следи за ними. Но не гони стадо, только направляй...».

И в этот момент наш разговор прервал громовый бас:

– Утч! Ну, что же вы не идёте на то место, где будем бороться?

Только тогда мы заметили, что у места, ровного и довольно большого, толпился народ в ожидании самого зрелищного поединка – чукотской национальной борьбы. Поспешили и мы туда.

– Всякий праздник – всегда веселье, состязание в ловкости, силе, мужестве, – не без гордости заключил Анкау и перевёл взгляд на Ремкилина.

– Что было дальше, брат? – не терпелось мальчику.

...Самый массивный здоровенный гость-вилюнеец, один из прибывших, стоял в кругу. Он ждал. Никто пока не решался схватиться с ним. Я видел отца в каком-то неудержимом состоянии. Неужели? Но ведь он такой щуплый по сравнению с тем, кто стоял и ждал в кругу. И тут я решил, как мне казалось, выручить отца – тихо, но твёрдо сказал ему:

– Буду бороться первым.

Иулькут тепло улыбнулся, довольный: какой отец может отказать в подобной просьбе сына?! И кто из молодых, сильных откажется принять вызов?!

– Нет, сын мой, бороться с гостем буду я, – твёрдо произнёс отец и, сняв кухлянку, шагнул к силачу.

Какое-то время они стояли друг против друга, молча – один массивный в плечах, точно с бычьей шеей, а другой казался по сравнению с ним ивовым прутиком.

И вот богатырь двинулся на отца.

– Утч! – снова издал он боевой клич, и руки его устремились к Иулькуту. Все смотрели на борцов, азарт их с каждым разом нарастал – борцы уже схватились, пытались осилить один другого. Я видел, в какой-то миг наш отец вдруг оказался за спиной гостя, до этого схватившего отца за брюки, чтобы свалить его на землю. В тот момент Маравье поднатужился – лицо так и горело – и бросил отца не вниз, на землю, как полагается по правилам, а почему-то вверх...

Маравье-то (так звали гостя) бросил, а Иулькут приземлился

на обе ноги. Маравье не ожидал подобного исхода, и он вновь бросился на Иулькута, разгорячился ещё больше, готовый теперь уже свалить нашего отца на землю. Маравье снова напряжился и, сделав глубокий выдох, метнулся на Иулькута. Ухватил того за штаны. Пригнул к земле и сам чуть пригнулся. И вдруг мгновенно бросил нашего отца через себя... за спину. Да с такой силой, что тот пролетел высоко над землёй. Зрители ахнули, кое-кто даже крикнул: «Ратан, ратан! Хватит, хватит! Это не борьба!».

А Маравье, бросив через себя в верх Иулькута, как ни в чём не бывало, повернулся назад, предвкушая удовольствие быстрой и безоговорочной победы. Однако рано было радоваться ему – он увидел, что Иулькут стоит на ногах, потом пружинистой лёгкой походкой сделал несколько шагов в сторону Маравье и оказался не лицом к лицу, а сбоку от него. Дружный смех сородичей вывел из оцепенения Маравье, и он вновь (уже который раз) ринулся в схватку. Но Иулькут теперь уже не допустил Маравье к себе даже на вытянутую руку, но делал различные прыжки вокруг него.

И так долго, почти до самого вечера, продолжалась эта борьба двух соплеменников...

– Вот что значит сухожилый, – закончил рассказ Анкау.

– А зачем нужно было приезжать этим троим вилюнейцам издалека? – после долгого молчания спросил Ремкилин, под впечатлением услышанного. – Ведь, как ты говоришь, была весна, важеньки телились, за оленями надо смотреть.

– О, ты рассуждаешь, как настоящий оленный человек, – покачивая головой, восторженно произнёс старший брат.

– Расскажи, расскажи, зачем им нужно приезжать издалека? Я хочу знать всё о наших соседях, – с мольбой уставился на Анкау Ремкилин.

– Какой ты нетерпеливый, – улыбнулся старший брат, и глаза его засветились ласкою, лёг поудобнее и продолжил рассказ:

– Иулькут, наш отец, имел оленей. Много. Это от деда. По-

том у Иулькута стало их ещё больше, потому что наш отец умел беречь оленей, и меня приучил любить оленей. С пяти лет отец брал меня в стадо. А когда научился сам ездить на оленях, всегда сопровождал я отца в дальних поездках.

В ту зиму отцу вдруг захотелось посмотреть, что за селение Ватыркан возле моря, съездить туда и заодно поменять товары кочевников на товар приморских чукчей. Так вот, там у приморских чукчей я познакомился с Лялио. С ним мы одногодки и быстро, поэтому, сблизились. Закончив дела в Ватыркани, мы с отцом возвращались домой.

...Олени всё дальше и дальше бежали в тундру, туда, где у закопанного льдами озера Ёмра стояли наши яранги, где ждали нас пастухи. День был ясный: хотя чуть играла лёгкая позёмка, словно оленья жила, распущенная на конце. Отец ехал следом за мной. Я слышал его голос – он пел. Отец был доволен тем, что обмен товарами был удачный, что скоро он будет дома, в окружении семьи, друзей, возле своего стада. И, конечно же, обрадуется встрече с младшим сыном Ринтувье, который год назад женился на красавице Иленны, дочери Маравье. Ринтувье любил оленей, был добр к людям, и Иулькут гордился этим.

У поворота возле сопки, откуда уже видны были наши яранги, нам повстречались сыновья Маравье. Мы с отцом придержали своих оленей, чтобы поприветствовать едущих навстречу. Но Тевлят и Нутевги (а это были именно они – сыновья Маравье) не остановились, а проехали мимо нас, ни слова даже не сказав. Отец с удивлением проводил их взглядом, поняв, что неспроста побывали сыновья Маравье у них в стойбище.

Иленны нам всё рассказала.

***

Счастливо жил со своей женой Ринтувье, весело. Когда он возвращался в свою ярангу из стада, всегда его ждала красавица жена, добрая, немногословная, во всём основательная, безупречно одетая в меховой женский комбинезон. Она подавала мужу одежду, обувь, лю-

бовно высушенную у яркого костра, потом ставила перед ним поднос с оленьим мясом.

В их молодой жизни всё, казалось, было как надо. Только одного опасалась Иленны, что отец Маравье не простит Ремкилина, похитившего её, и будет мстить, хотя однажды тесть – Иулькут – говорил при Ремкилине, что он сам поедет к вилюнейцам и постарается как-нибудь смягчить вину сына, и пусть она, Иленны, не тревожится.

Действительно, вот уже год ничего плохого не случилось в жизни молодой четы. Но всё же иногда Иленны становилось грустно и страшновато, когда она оставалась одна дома. «Нет, не избежать Ринтувье беды, если он не будет беречь себя от злых духов её отца!» – думала она и предостерегала мужа. Ринтувье всякий раз только беспечно смеялся над страхами молодой жены и, успокаивая её, говорил, что, мол, не страшны ему ни духи её отца, ни какие другие кэле, пока с ним его счастье, его радость – любимая жена. И она ему верила...

В тот день Ринтувье, как всегда, рано собрался в стадо, которое паслось в нескольких километрах от стойбища. Надел он камлейку, тёплые торбаза и вышел из яранги. Оленья упряжка, одна из самых быстрых, ожидала его. Только жгучий северный ветер прошелестел сухой позёмкой по тундре, да за дальней сопкой взвыл одинокий волк, когда умчался в стадо Ринтувье...

Иленне, которая вышла проводить мужа, стало страшно одной с маленьким ребёнком. Вошла она в полог, плотно за собой закрыв его, разожгла жирник – так теплее и ей, и спящему малышу. Только взялась за выделанную шкуру, из которой собиралась сшить новенький комбинезон сыну, как в холодной части яранги послышались глухие шаги, и кто-то принялся выбивать снег из одежды и обуви. Тихонько высунулась Иленны из полога и обмерла: то вошли её родные братья, сыновья Маравье – Тевлят и Нутевги.

– Мы не ошиблись, это яранга Ринтувье? – не глядя в сторону

05 / 2017

полога хозяйки, вымолвил старший из них – Нутевги.

– Да, это наша яранга, – робко ответила Иленны, потом, перебив страх, продолжала. – Осторожно, не разбудите сына, вашего племянника. Он ещё совсем маленький. Хотите посмотреть на него? – И, выбравшись наружу, приподняла край полога.

– А где сам хозяин? – вместо ответа проговорил теперь Тевлят и, заглянув в полог, произнёс. – И ещё хотим видеть сестёр Ринтувье – Гивынеут и Ротваль.

– Ринтувье только что поехал в стадо дежурить, а Гивынеут и Ротваль в соседней яранге, – спокойно ответила Иленны и, повернувшись к вошедшим, уже смело посмотрела на них.

– Жаль, – неопределённо произнёс всё тот же Тевлят, потом с тихой угрозой, глядя мимо Иленны, процедил. – Ну, вот что. На весенний праздник – Кильвей – приедем свататься. Пусть Гивынеут и Ротваль готовятся. Так и скажешь своему мужу. Ты знаешь, у нас оленей тоже много, а вот мы с Нутевги до сих пор не женаты, – сказав так, он направился к выходу, за ним – Нутевги.

... – Именно в тот зимний день, когда мы приближались к нашему стойбищу, Тевлят и Нутевги повстречались с нами, – заключил Анкау, потом, закрыв лицо ладонью руки, будто припоминая что-то, продолжал. – Пришла весна, а вместе с ней – праздник Кильвей, о котором я тебе уже рассказывал. Это когда наш отец состязался с Маравье с Вилюнея, где жили и его сыновья Тевлят и Нутевги. Они, как обещали, тоже приехали оттуда. Молодые вилюнейцы были сильные, как дышащие здоровьем двухгодовалые бычки, держались довольно бойко и свободно среди других гостей и жителей нашего стойбища. Их одежда ничуть не отличалась от праздничного наряда нашего: такая же яркая, по-весеннему лёгкая, с причудливыми орнаментами у подола. Были плотно подпоясаны они и носили, как и все мужчины, с собой ножи на наружной стороне одежды у правого бедра, а также амулеты:

деревянные божки, вилкообразные веточки, прикрепленные к поясу.

Такими я их запомнил, когда они подошли к Иулькуту после его борьбы с Маравье. Младший из братьев – Тевлят – сказал:

– Ты хорошо играл, Иулькут, однако наш отец сильнее тебя, а ты ловчее его. Никто из вас не победил и не проиграл, но так не бывает. Пусть теперь состязаются молодые: двое от вас и столько же от нас – я и мой брат Нутевги с твоими сыновьями – Анкау и Ринтувье. И ещё хотим, Иулькут, взять в жёны твоих дочерей – Гивынеут и Ротваль.

– Пусть будет так, – сказал Иулькут, – но только завтра, Анкау надо в стадо, а сейчас идите ко мне в гости.

И он повёл гостей по длинному ряду яранг с торчащими у верхней части яранги шестами, как рога старого оленя, начинающие щедро ветвиться уже у самого их основания.

Праздник продолжался...

– Да ты спишь что ли? – повернувшись к Ремкилину, удивился Анкау.

– Только что уснул, – услышал он голос Гивынеут.

Рассказывая младшему брату давнюю историю, Анкау не заметил, когда сёстры Гивынеут и Ротваль вошли в полог. Он так увлёкся воспоминанием, что ему показалось: то, что говорил сейчас, будто происходило не тогда, когда ещё не родился Ремкилин, а вчера. Будто вчера утром он видел борьбу Ринтувье с одним из сыновей Маравье. Анкау повернулся на другой бок, закрыл глаза и постарался уснуть. Не смог...

3. РИНТУВЬЕ И ТЕВЛЯТ

Ринтувье стоял и смотрел на сопки, вершины которых багровели в лучах восходящего весеннего солнца. «Хорошо! – подумал он, – снова, как и год назад, щебечут пуночки, собираясь стайками вокруг яранг. Эти крохотные живые комочки доставляют столько же радости, что и первые родившиеся телята, которые с приходом солнца и тепла наполняют душу молодостью, необъяснимой силой и страстью к вечной жизни...»

Ринтувье стоял и смотрел вдаль. Казалось, он ни о чём не думал, только на лице будто играла лёгкая музыка – струны солнечного луча невидимым прикосновением согревали его. Он закрыл глаза и блаженно улыбнулся, а когда открыл их, то увидел рядом старшего брата Анкау.

– Ты пришёл с дежурства?! – радостно произнёс Ринтувье, приветствуя его.

– Да, – ответил Анкау. – Хороший день настал, первый день ещё десяти телят.

И тут они увидели подходившего к ним отца. Не останавливаясь возле них, Иулькут направился к двери и движением руки пригласил обоих войти в жильё. Внутри, у потухшего, но ещё с горячими угольками коистра, сидела молодая женщина с грудным ребёнком. Её толстые чёрные косы ниспадали до земли. Одна коса виднелась из-за спины и, спрятавшись там наполовину, оттуда своим длинным концом тянулась к другой, лежащей на левой груди женщины, к соску которой сладко прильнул засыпающий малыш. Кормящая мать, бережно положив на колени младенца, раскосыми глазами смотрела на него внимательно и чуть улыбалась. Это была Иленны, жена Ринтувье, который сегодня, как условились, вместе с Анкау выйдет бороться с её братьями – Тевлятом и Нутевги.

А до этих состязаний Иленны может спокойно подумать, кормя малыша. «Что же будет, если выиграют мои братья? Пусть Тевлят и Нутевги окажутся сильнее... Но они так далеки от меня, чтобы радоваться неудаче мужа и его брата Анкау. И к тому же... К тому, же долгое время не увидит золовок, которых она очень любит – вчера Тевлят сказал, что после борьбы забирают Гивынеут и Ротваль. Значит, уверены в успехе...». Иленны вздохнула и закрыла глаза – решила отдохнуть. Но тут услышала спокойный голос:

– Положи в полог ребёнка, пусть спит малыш и во сне видит нашу борьбу.

Вошедшие мужчины сели возле полога. Но так как хозяйка тут же поставила перед ними

поднос с олениной, то разговор пока не начинался.

Первым к мясу притронулся Иулькут, затем остальные. Во время еды он расспрашивал Анкау о стаде, новорождённых теллятах. Было видно, что сухожилий остался доволен происходящим в плодовой части стада. Он взглянул поочерёдно на Анкау и Ринтувье, чуть растягивая слова, спросил:

– Кто из вас будет первым бороться?

– Я! – моментально произнёс Ринтувье.

– Ну, это вы уж сами решайте, – сказал Иулькут.

– А мы уже подумали, – снова без промедления сказал Ринтувье.

– Вот как! – вмешался наконец Анкау, весьма удивлённый тем, что говорит младший брат. – Теперь знаю, я должен выйти первым. Тебе – нет!

Они переглянулись. Ринтувье спокойно пояснил:

– Я хорошо отдохнул, а ты только с дежурства.

Довод его был убедительным.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – подчинился Анкау.

***

Тевлят и Нутевги тоже были уже на ногах. Да и всё стойбище бодрствовало. Люди сначала поодиночке, потом группами выходили из яранг. Они собирались на той же вчерашней поляне: все знали, что там будут снова состязания – от одного лица передавались новости к другому с той же молниеносностью, что и при внезапном взмахе руки забрасываемый аркан догоняет бегущего оленя...

Из яранги вышли Анкау и Ринтувье. Оба рослые. Но первый шире в плечах, второй – стройнее и лицо его казалось спокойным даже сейчас, перед борьбой, когда должно бы ощущать нервную дрожь нетерпения в предчувствии чего-то необычного. Ринтувье шёл молча, ничем не удручённый, рядом, временами оглядываясь по сторонам и напевая какую-то мелодию, – его брат Анкау.

Позади них степенно шёл их отец – среднего роста, Иулькут, по прозвищу «сухожилий». То-

же спокойный, уверенный, как и эти двое его сыновей. Когда они приблизились к собравшимся возле площадки, все повернули головы в их сторону. Тевлят и Нутевги тоже были среди собравшихся.

– Наконец-то! – послышался чей-то голос.

Ринтувье молча разделся, по пояс, остался в одних меховых штанах. Его загорелое молодое тело дышало свежестью, на нём чётко выделялись, играли упругие мускулы. Иулькут и Анкау сели прямо на снег, поджав под себя ноги. В этот момент из братьев-гостей первым вышел на середину круга Тевлят, младший сын Маравье. Это был низкорослый крепыш, тело его было светло-коричневого цвета, весь собранный, лицо спокойно и сосредоточено. Он потёр ладони рук об штаны, слегка попрыгал на месте и был готов к решительной схватке.

Недавние «противники» Иулькут и Маравье, перекинувшись несколькими фразами, разом крикнули:

– Э-ээ! – Начинайте!

Это была обычная, но задорная борьба, она походила на бой бычков-одногодков. Вот они двинулись друг к другу. Схватившись, сцепились. Что-то недоброе, или это показалось Анкау, мелькнуло в глазах Тевлята. Может быть, он вспомнил то время, когда по вине Ринтувье был жестоко обруган отцом Маравье, упустив сестру Иленны. В таких случаях нечестный человек начинает терять самообладание, ничто его не останавливает, чтобы оправдать себя, особенно когда есть возможность отплатить за обиду, на самом деле, нанесённую не отцом, а Ринтувье, с которым теперь борется не столько чтобы показать силу, а можно сказать, за честь свою.

– Утч! – неожиданно громко произнёс Тевлят, непонятно, зачем повторив вчерашний боевой клич своего отца Маравье, и ринулся на Ринтувье, который не ожидал такого поворота схватки, хотя это должна быть только честная борьба. Ринтувье принял клич за шутку, а спустя мгновение его шея оказалась в цепких руках Тевлята...

Какое-то мгновение Ринтувье видел перед собой лицо Тевлята, затем перед взором поплыли круги... Массивные локти рук Тевлята давили горло Ринтувье. Он захрипел, его руки беспомощно искали что-то в воздухе. Усилением нечеловеческой воли он наконец коснулся мощных рук-клещей Тевлята. Лицо Ринтувье вспыхнуло, словно от обжигающих лучей. В этот момент в его глазах будто вновь блеснуло, засветило утреннее солнце, дальние сопки, и его душа переполнилась той великой радостью жизни, когда обретаешь в себе уверенность, чувствуешь себя сильным, способным совершить многое во имя справедливости!.. Он с невероятным усилием раздвинул локти Тевлята, затем тут же с утренней силой обрушил удар обеими руками поверх рук-клещей, так что те беспомощно повисли вдоль штанов Тевлята...

Ринтувье смотрел с секунду на Тевлята, он понял: бороться дальше нет смысла и молча направился к Иулькуту и Анкау.

Последние мгновения борьбы были настолько неожиданными и короткими, что люди ещё долго не могли понять, – что же произошло? И только, когда все посмотрели на поникшего Тевлята, стало ясно: могло произойти непоправимое...

Видимо, это поняли и гости, ибо, когда Тевлят подошёл к своим землякам-вилонейцам, вперёд вышел Нутевги и громко заявил:

– Я отказываюсь от борьбы с Анкау! Я хочу, не роняя честь, спокойно вернуться к себе в стойбище – не те сейчас времена, чтобы игры превращались в кровавые схватки.

Так сказал Нутевги и, повернувшись, шагнул на своё место.

Иулькут внимательно выслушал речь молодого вилонейца. Справедливое всегда находило прямой путь к его сердцу – он обладал трезвым умом и был человеком в высшей степени порядочным. Почувствовав, что взоры всех устремлены в его сторону, он понял, что люди ждут от него слова и, поднявшись с места, коротко произнёс:

– Земляки! Нутевги правильно не сказал – детей, жён, сестёр и

05 / 2017

братьев, самих себя надо беречь. Оленей надо беречь. А для этого надо дружить, быть честными всегда.

Сказав так, он направился спокойной и уверенной походкой к своей яранге, у входа которой его ждала жена Тынатваль.

4. НА ЛЕТНЕЙ СТОЯНКЕ

Яргыйнын. Так жители называют широкую ровную местность в верховьях реки Ватыркаваам. На этом месте летом простояли яранги оленеводов стада Анкау. Наступил сентябрь. Солнце золотило осенний покров яргыйнинской тундры. С утра установилась очень тихая погода.

Едва забрезжил рассвет, Иленны и сёстры-близнецы Гивынеут и Ротваль собрались за ягодами. Шикша и брусника поспели, но поблизости их уже не осталось – там побывали приехавшие на лето из Ватыркана мальчишки и девчонки, которые успели до отправки в школу «опустошить» эти ягодные места. Дети уже находятся в том большом стойбище, где учатся, на плотках по реке их отправили недавно, в конце августа. Туда тоже отправился Ремкилин, первый раз далеко от мамы, старших братьев и сестёр.

...В то летнее утро, проснувшись, Ремкилин не увидел рядом с собой старшего брата, который долго и интересно рассказывал о весеннем празднике оленных людей, об отце. Анкау так и не смог тогда заснуть, хотя ему надо было хоть немножко поспать перед дорогой, но, боясь проспать, поднялся очень рано и стал укладывать самые необходимые вещи в продолговатый дорожный мешок. После этого он разбудил сестёр Гивынеут и Ротваль, вынес из яранги свой груз и стал дожидаться младшего брата Ринтувье, Коравье, Иункеу и ещё троих пастухов.

К восходу солнца оленеводов проводили женщины и старики. В этот день мужчины на целое лето до самой осени покинули стойбище. Они погнали стадо на новые пастбища, на-

правляясь к югу, к морю, где меньше жары и гнуса.

...Девушки решили уйти подальше, в холмики, туда, куда ещё никто не ходил собирать ягоды этой осенью. Гивынеут и Ротваль – обе хохотуны, и они беспрестанно смеялись на ходу, да так громко, что, казалось, далеко по всей окрестности разносились их звонкие девичьи голоса. Ростом обе маленькие и лицом совершенно одинаковые, не скажешь, что они красавицы, но что-то в их правильных, даже слишком тонких, чертах лица указывало на душевную теплоту и глубину чувств. И это делало сестёр-близняшек привлекательными и даже, можно сказать, почти красивыми. Только у Ротваль кожа на лице была не слишком смуглая, но и не сильно светлая. Сёстры-близнецы любили Иленны и очень привязались к ней. А когда Анкау и Ринтувье на всё лето уходили в стадо, девушки втроём жили в одной яранге, вторая пустовала или вообще её не ставили.

В ту памятную весну, когда братья Тевлят и Нутевги хотели жениться на Гивынеут и Ротваль, девушкам было по пятнадцать лет. С той поры прошло почти восемь лет. Много событий минуло за это время. Была война, далёкая от Яргыйнына, но и её почувствовали тундровики. И чтобы поскорее покончить с этим «ненавистным челоуекоубийством», как выразились сами чукчи, люди трудились с большой энергией. Многие из них сдали государству своих личных оленей в так называемый фонд обороны, чтобы приблизить победу над врагом, осмелившимся напасть на земли тех, кто живёт рядом и далеко от Яргыйнына...

Давно кончилась война, но всё ещё Маравье со своими сыновьями кочует в глубине Вилюнейской тундры, пытается уговорами, угрозами отлучить сородичей от общественного хозяйства...

Многое изменилось с той весны и в жизни кочевников в этих двух ярангах: не стало Иулькуга, полгода назад ушла к нему Тынатваль, а ещё раньше заболел неизвестной болезнью и тоже

ушёл к «верхним людям» сынишка Ринтувье и Иленны. Много снегу выпало и оттаяло с той поры, только по-прежнему обе яранги вместе кочуют зимой по заснеженной тундре, а летом стоят на берегу озера Ёмра или в Яргийнине, на берегу реки Ватыркаваам.

...Девушки сначала насытились спелой ягодой, затем начали наполнять свою ношу – ведра и кружки. Неугомонные сёстры-близнецы Гивынеут и Ротваль наперебой то и дело спрашивали у невестки:

– Сколько у тебя набралось ягоды? Какую наполняешь кружку?

Иленны, будто не слыша вопросы подруг, улыбаясь, продолжала молча собирать ягоду в кружку, а когда та наполнялась, то опрокидывать её в ведро. Временами она выпрямлялась, чтобы поправить спущенный правый рукав кэркэра – женского мехового комбинезона. Этот злополучный рукав елозил на боку и сковывал обычную уверенность и быстроту рук девушки. К тому же, комбинезон был для неё мал – утром Иленны в спешке натянула тёщин старый комбинезон, почему-то оказавшийся под рукой. Но постепенно и это неудобство девушки перестала чувствовать, не замечала его.

Вскоре все трое, закончив сбор ягод, сели передохнуть. У всех пальцы рук стали малиновыми, и губы измазались той же ягодной «помадой».

– Ещё бы по ведру, – промолвила Ротваль.

– А знаете, давайте завтра снова придём сюда, тут много шикши и брусники, – предложила Иленны. – Будут спрашивать, где мы собирали столько ягоды сегодня, – молчок. Договорились?

– Конечно, – отозвались сёстры.

– Ну тогда пошли домой, – поднимаясь, сказала Иленны, и они не спеша, неся полные спелой ягоды ведра, направились в сторону стойбища – весёлые, довольные.

По-прежнему было тихо. С голубого безоблачного неба лучистым взглядом смотрело на девушек осеннее солнце, обнажая

ярким светом невысокую сопку с зарослями кедрового стланика, виднеющуюся чуть правее стойбища, и все семь выстроившихся на высоком ровном берегу шеренгой к реке яранг, а далеко за ними – небольшую горную речку, в пойме которой ленточкой, островками, хорошо проглядывались ивы, несколько выше человеческого роста. Словно вся тундра, эта долина большой реки Ватыркаваам и маленькой, горной, сопка и дальние горы поместились в огромной яранге, где стены – небо, а пол – вся окрестность до самого горизонта. И нигде не шелохнёт ни одна травинка – ни ветерка. Благодать!

Две крайние яранги не дымили. В одну из них вошли Иленны, Гивынеут и Ротваль.

Просторное жильё стояло на сухом и ровном месте, словно приросшее навечно к этому клочку родной земли. На рэтэмах – меховых покрывках яранги – не видно ни одной дырочки, а, посмотрев наверх, у самого конца треноги, в небольшом круглом дымоходе дырочке виден застывший кусочек неба. Оттуда и из раскрытой настежь двери свет проникал вовнутрь; солнечные лучи, войдя в ярангу, освещали часть её деревянного каркаса и края больших мешковин из оленьих шкур, лежащих штабелями по обеим сторонам открытого полога.

Поставив у стены ведро, Иленны первым делом переоделась. Развязала шнурки высоких летних замшевых торбас, сняла обувь и перебралась в открытый полог. Там, стоя на оленьей шкуре, служащей матрасом, ловко выползла из тёмного комбинезона и, на мгновение обнажив своё молодое упругое тело, также проворно натянула свой, широкий, просторный. Тем временем Гивынеут разожгла костёр, а Ротваль, взяв пустое ведро, стоящее у костра, пошла из реки зачерпнуть воды.

– Что будем есть? – обуваясь, спросила Иленны у Гивынеут, потом задумчиво прибавила. – Мясо кончилось, но у нас осталось несколько полусырых юкол. Может быть, их сварим, а

хорошо просушенную не будем трогать, а?

– Да, что-нибудь вроде этого, – соглашаясь, отозвалась золовка и, подкладывая дрова в костёр, нараспев произнесла. – Ох, про-го-ло-да-лась я!

Вошла Ротваль.

– Кенилю-старик, кажется, к нам идёт, – сказала она, ставя возле очага ведро с водой.

– Вот и хорошо. Угостим чайком и его же рыбой, – заторопилась Гивынеут. – Этой, полусырой.

– Как тебе не стыдно, – еле сдерживая смех, нарочито недовольным тоном произнесла Иленны. – Как можно – они же с червями?

– Не беспокойся, сварим: червячки сварятся и всплывут, – доставая две юколы, суетилась Гивынеут. – Зачерпнём их варёных и нашим щенкам отдадим. Их много будет, пухленьких, с водичкой – сыты будут наши собачонки.

– Ну и сказала, – махнула рукой Иленны. – Это тебе не личинки подкожного овода: щёлк – и готово!

– Хватит вам болтать! – прикрикнула на них Ротваль. – В следующий раз будете знать, как правильно, без червячков, вялить рыбу. Кенилю, наверное, услышав ваше жужжание, повернул обратно и ушёл подальше от вас, – добавила она и тихонько вышла.

Но старик сидел снаружи яранги, пристроившись чуть сбоку от входа, курил трубку и, невольно слыша разговор молодых хозяек, улыбался. На его ещё крепкой фигуре хорошо, не очень плотно, лежала летняя лёгкая кухлянка, подчёркивая всё ещё широкие плечи бывалого носильщика нелёгкого груза, который всегда в летнюю пору таскают оленные люди идя за стадом, а брюки, сшитые из ровдути, также хорошо подчёркивали его крепкие ноги тундрового ходока. Загорелое, до шоколадного цвета, лицо было испещрено мелкими морщинами, но, можно сказать, ничуть не старившими весь его облик. Кенилю было около семидесяти лет.

– Почему не заходишь, дед? – услышал он возле уха торопли-

вый шёпот, потом – звонкий смех.

– Что?! – вздрогнул дед и уронил трубку, а, увидев рядом Ротваль, схитрил. – Тут вот размечтался я...

– А-а, – понимающе кивнула головой девушка. – Зайдём чай пить, после чайку думается ещё лучше.

– Коли я вам нужен, конечно, попью чаю, – поднимая трубку с земли, проговорил Кенилю.

– Ети?! – Ты пришёл?! – поздоровались с ним Иленны и Гивынеут, решившие, однако угостить доброго и одинокого соседа рыбными консервами, ещё весной привезёнными Анкау и Ремкилиным из стойбища приморских оседлых чукчей – из Ватыркана.

– Да, я пришёл, – тихо ответил Кенилю и направился к пологу. – Ну и денёк – ни ветерка, тихо сегодня, – присаживаясь у полога, медленно проговорил он. – Помню, в молодости в такие деньки не мог усидеть я дома. Бывало, соберёмся на улице поиграть в мяч, парней и девушек не счесть! – зажмурился он и завертел головой. – До самых сумерек играли, гонялись друг за другом, хватая за подол верхней одежды, чтобы остановить кого-нибудь из них... А что теперь – куда разбежались все?

– Дед, а ты бывал у приморских чукчей? – неожиданно спросила Гивынеут.

– Да, и не раз, – Кенилю помолчал, потом. – Дома деревянные у нынешних наших земляков, их поставили на одном месте и там всё время стоят. Люди никуда не кочуют, словно приросли к земле. Там, в этом деревянном стойбище, я оставался от силы дней пять-шесть, потом буквально убежал оттуда сюда.

– А я вот собираюсь ехать туда, – обронила Гивынеут.

– Да ну? А что ты там будешь делать? – ошеломлённая услышанным, спросила сестру Ротваль.

– Говорят, там тоже нужны рабочие руки. Надо и за братишкой присмотреть. Мне интересно знать, чем он там, в школе, занимается. Весной поеду.

– Оно верно: надо везде побывать, – подчеркнул Кенилю.

05 / 2017

– А ты будешь потом приезжать к нам? – спросила Иленны. – Скучать ведь будем.

– Не знаю, видимо, в первое время нет, – ответила Гивынеут. – Надо попробовать жить на одном месте.

Иленны и Ротваль приуныли: а что делать – не поедешь же вот так неожиданно, как задумала Гивынеут, у Иленны муж здесь, а Ротваль пока ни о чём не думает, ей и так хорошо рядом с братом Анкау.

– Да, что вы головы повесили. Потом и вы решите, где вам лучше работать и жить: или кочевать с мужьями, быть хозяйками при стаде, или переедете к береговым. И там будет работа для вас, – заключила Гивынеут.

– Поживём – увидим, – всё ещё несмело согласилась Ротваль.

– Ну, конечно же, всё ведь к лучшему идёт, как говорят Анкау и Лялио, – как можно веселее поддержала её Иленны. – И давайте есть, а то дедушку пригласили на чай, а сами разговорились, – и она поставила перед Кенилю миску с рыбными консервами.

Когда начали пить чай, Иленны, не глядя в сторону Кенилю, спросила как бы ненароком:

– В каком месте сейчас находится наше стадо?

– Должно быть, в районе Талюарена, – сказал Кенилю, потом посмотрел в глаза Иленны: – Уже близко. Скоро оленей пригонят сюда.

– Надо готовиться к празднику, – как можно спокойнее произнесла Иленны, но почувствовала, что лицо её зардело. Она думала о муже Ринтувье, даже представила, как гонит он сейчас стадо – усталый, вспотевший, идёт вразвалку... Иленны мельком улыбнулась, потом украдкой посмотрела на сидящих рядом: ей почему-то показалось, что все они смотрят на неё и догадываются, о чём думает сейчас она.

– А чего готовиться-то, у нас к убою оленей всё готово, всё в порядке, другое дело – вы засиделись в девках, – повернувшись к сёстрам-близнецам Гивынеут и Ротваль, произнёс Кенилю и заторопился. – Мне надо ещё успеть до темноты вер-

нуться с берега. Сетка, расстеленная на земле, наверное, просохла, её надо принести. Денёк-то какой сегодня!

Дед вышел. Ротваль, что-то вспомнив, тут же выбежала за ним.

– погоди, дедушка, – окликнула она Кенилю и, подбежав к нему, спросила: – На обратном пути заглянешь?

– А что ещё надо? Вроде бы я правильно сказал насчёт твоего и сестры замужества, а?

– Не об этом, – улыбаясь произнесла девушка. – Мы сегодня ходили за ягодами. Заходи, отведай шикшу – спелая, очень вкусная!

– Хорошо, дочка, загляну обязательно.

– Да и ещё вот что: лучше, если у нас поужинаешь. Дрова на колоты: Анкау и Ринтувье перед летовкой постарались, чтобы у нас всё было, – сказала напоследок Ротваль.

Старик зашагал к берегу, бодро, привычной лёгкой походкой, словно ему было не семьдесят лет, а намного меньше. Там, на берегу реки, он провёл почти все летние дни, пока рыба шла. К нему приходили мальчишки. Целый день детвора бегала по берегу, ребятишки пускали по водной глади плоские камешки: чей больше прочертит «пунктиров» по поверхности воды, но чаще всего на песочке затевали борьбу. А он, Кенилю, сидел и покуривал, смотрел на них да слушал их мальчишеские разговоры, споры о том о сём...

Тепло было летом, правда, комары донимали, и тогда рыбачки разводили костёр, варили свежую уху из гольца или хариуса... На днях своих помощников Кенилю усадил на крепкие, надёжные плоты. До этого он помог мужчинам, прибывшим за детьми, отыскать для плота хорошие, не гнилые тополя.

5. ЗАБОЙ ТОНКОШЁРСТНЫХ ОЛЕНЕЙ

В полдень за речкой показались четыре путника. Они шли размеренной неспешной походкой, следуя друг за другом.

Двое из них держали в руках длинные копыя.

– Это они – наши оленеводы! – всматриваясь в путников, возбуждённо проговорил Кенилю. – Двое остались в стаде, где-то поблизости.

Девушки, присевшие возле яранги, тоже с интересом наблюдали за приближающимися.

– Впереди идёт Анкау, – между тем комментировал дед. – За ним следуют... Коровье, Ринтувье...

Услышав имя мужа, Иленны тут же вскочила и вбежала в ярангу, за ней в соседнюю – Гивынеут и Ротваль.

– Дождались, – радостно проговорила последняя, разжигая очаг и подвешивая кастрюлю с водой над костром.

Тем временем пастухи, разминувшись, двинулись каждый к своей яранге.

Широкое, в меру скуластое, потемневшее от загара лицо Анкау при подходе к двери яранги расплылось в счастливой улыбке... Он прислонил своё копьё к наружной крышке жилья, тут же у порога снял груз.

– С возвращением с летовки?! – поздоровался с ним Кенилю.

– Эй, Да, – ответил Анкау.

Гивынеут вынесла дымящую головешку и взмахнула ею над головой Анкау, как бы очищая пришедшего от нежелательных духов и возможных болезней – так заведено у оленных чукчей по возвращении домой после долгой разлуки. Так проводят обряд очищения. Только после этого Анкау вошёл в жильё. Он окинул взглядом внутреннюю часть яранги, потом посмотрел на сестёр-близнецов и, пройдя к пологу, сел, начал неторопливо развязывать шнурки обуви; тут же подошла к нему Ротваль, стянула с его ног промокшие, отяжелевшие летние дорожные торбаса и вынесла их на солнце.

– Всё нормально? – начал Кенилю, севший рядом с Анкау.

– Да, все здоровы, – обуваясь в сухую летнюю обувь, степенно ответил Анкау, потом, помедлив, продолжил. – Только до сих пор не пойму: куда делись около двадцати голов, отколовшиеся в конце лета. Искали везде, да так и не нашли. Как мог их я упустить?! Как мог! Не пойму.

– В какое-нибудь стадо ушли, наверное.

– Возможно. Хотя мало вероятно: маршруты других стад на этот раз были далеко от нашего.

– Да-а, – после долгого молчания проговорил Кенилю. – не мало двадцать оленей потерять... Твой отец Иулькут за это тебя не погладил бы по головке...

Анкау сидел и смотрел на поднос с нарезанной юколой. Казалось, он не думал о пропавших оленях, был спокоен. Но это не так, на самом деле он умел владеть собой, когда это нужно – пастух не чайка, чтобы по случаю отсутствия рыбы суетиться и горланить на всю округу...

– Нету квашенных кетовых или нерковых головок? – наконец произнёс Анкау.

Сёстры виновато посмотрели на него и опустили глаза. Что они могли ответить брату, если за лето так ни разу и не поставили сетку, хотя она у них была, притом добротная, совершенно новая, связанная прошлой зимой самим Анкау?! Правда, у девушек было полно других домашних хлопот. Например, выделка шкур для одежды и покрывала яранги, которая отнимала у них много времени. Хорошо, что дед Кенилю всё время потчевал незадачливых хозяек свежей рыбой, вот даже немного и юколы припасли...

– Как нету?! Есть! – выручил девушек старик и, обращаясь к Ротваль, попросил. – Сходи в мою ярангу. Кислые рыбы головки утром вытащил из ямы – кастрюля с едой стоит внутри яранги, у входа.

Ротваль, прихватив большую миску, выбежала из яранги.

– А вы – как тут, все живы, здоровы? – в свою очередь Анкау спросил у Кенилю.

– Старушку Тагрыт проводили в дальний путь недавно, в месяц новых звёзд на небе, в августе, – очень осторожно сообщил тот.

Анкау вздохнул, помолчал, потом:

– Как рыба?

– Не много, не мало, – обычным тоном ответил дед и чуть оживившись. – Мальчишки с Ремкилиным мне помогали ловить рыбу.

– Молодцы, – засветился в улыбке Анкау, вспомнив младшего братишку. «Да, конечно, Гивынеут надо перебраться к нему, пусть она возле него побудет: он ещё маленький, требует внимания, ласки», – подумал он.

Вошла Ротваль с миской, полной головками, прокисшими в земляной яме за лето.

За чаем Анкау спросил у Кенилю:

– Может быть, в нашу ярангу перейдёшь жить? – он посмотрел на него, потом, как бы поясняя, продолжил. – Не научился я толком делать нарты...

Старик молча продолжал пить чай из блюдца и, как показалось Анкау, слишком долго тянул с ответом. Но вот наконец он обернулся к говорящему и, лукаво улыбаясь, произнёс:

– При условии, что ты свяжешь зимой мне новую сетку, нынешняя прогнила, рвётся при каждом заталкивании и вытаскивании на берег.

– О! – облегчённо выдохнул Анкау. – Да всё, что есть в нашей яранге, – твоё!

– Зачем всё? Мне – только сетку, – продолжая улыбаться, казалось, настаивал Кенилю. – Иначе...

– Хорошо, хорошо, – прервал его Анкау: вдруг, возьми, и старик передумает, не перейдёт к нам жить, не захочет оставить свою ярангу, где провёл свою долгую жизнь. А это, пожалуй, самое главное для Кенилю – иметь своё собственное жильё, отдельное, но именно – своё! Но Анкау понимал и другое, что старику одному жить в большой яранге просто скучно. Вот почему он начал разговор с того, что ему хотелось бы многому поучиться у Кенилю. Теперь, когда тот заговорил о сетке, давая этим понять, что он согласен, Анкау обрадовался и заключил: – С первой же кочёвкой твою ярангу пока сложим, она ещё послужит, и не один год!

***

Тысячное стадо медленно обтаивалось в нескольких десятках шагах от первых трёх крайних яранг, и быки тут же свободно начали расхаживаться туда-сюда, гордо и с вызовом

поворачивая то влево, то направо свои головы с ветвистыми рогами. Мощно и трубно звучали их голоса. Почти все быки сбросили свой шерстяной покров на новых рогах и теперь не страшились при случае сойтись один на один, разгоняя в стороны остальных оленей. То и дело самцы с ходу наскакивали на спины важенок, таких же упитанных и тонкошёрстных... Шёл гон животных, чтобы весной следующего года появились новое потомство.

Илenny развела перед ярангой небольшой костёр. То же самое сделали и соседи. Анкау взял свой аркан и присоединился к группе товарищей, которые, размеренно шагая внутри стада, осматривали осенних оленей. Старик Кенилю, не видевший всё лето животных, был по-мальчишески возбуждён и вслух давал оценки приметным оленям, восторгаясь красавцами-быками и выросшими, окрепшими за лето телятами.

Мужчины начали ловить оленей на убой. Тем временем женщины принесли в жертву огню кашу, заранее приготовленную из съедобных листьев, сами попробовали её, оставили мужчинам эту ритуальную еду в деревянных мисках или подносах.

Сначала хозяева каждой яранги закололи по одному или больше телёнку с белыми пятнами на шкуре. Анкау, перед тем как заколоть телёнка, с копьём в руке встал в сторону солнца. Пробормотав что-то под нос, он отложил копьё в сторону, взял тонкий ножик и по направлению движения светила подошёл к левому боку оленя, которого заарканенного держал за острые рожки старик Кенилю. Заколов телёнка, Анкау взял в пригоршню кровь из свежей раны и бросил в направление солнца, после чего обмазал лоб сестёр и Кенилю кровью из той же раны, также наружную покрывала яранги в нескольких местах.

Гивынеут взяла кружку с водой и облила ею тушу в трёх местах – голову, рану и круп. Чукчанка как бы «напоила» оленя, после этого принялась проворно снимать шкуру с туши телёнка, стараясь не делать ни одного

05 / 2017

пореза: из неё будет сшита лёгкая и тёплая верхняя одежда – женский комбинезон или мужская кухлянка.

Тем временем Анкау, Кенилю и Коровье уже неслись к забойной площадке с пойманным быком. Анкау и Коровье двумя арканами крест-накрест за рога крепко удерживали оленя на расстоянии пяти-шести шагов от себя и не давали ему дёргаться из стороны в сторону. Им помогали два пастуха. Кэнилю же с копьём в руках ловил момент, когда можно будет заколоть быка. После двух попыток чукче удалось точно пронзить оленя длинным копьём – тёмная горячая кровь полилась из раны, и тяжёлая туша свалилась на землю в предсмертных судорогах... За рога и передние ноги мужчины подтащили тяжёлую тушу к тому месту, где Гивынеут только что освежевала телёнка. На помощь к ней подбежала Ротваль.

Вдвоём девушки ловко сняли шкуру, которая после соответствующей обработки пойдёт на изготовление верёвок и ремней, очистили кишки, затем отделили мясо от костей и развесили его на вешала, остаток сложили на ивовые прутья. Гивынеут отделила ногу убитого оленя от сухожилий, разбила кость и обмазала сырым мозгом своих деревянных, почерневших от времени, божков-охранителей, которыми пользовались до этого многие поколения оленных людей. Не была она дать «еду» и огню. Ротваль занесла оленьи ноги в жильё, их с пучками ивовых прутьев подвязала к треногам яранги. Рога же вместе с лобной костью головы женщины оставили на том месте, где они выпотрошили содержимое желудка...

Варилось свежее мясо в больших медных котлах. Люди стойбища много шутили. В приподнятом настроении находился каждый житель. Радовался празднику тонкошёрстного оленя и Анкау. «Мяса надолго хватит домашним. Можно мужчинам завтра же перегонять стадо в места, где свежа запоздалая осенняя зелень и там спокойно провести гон оленей, подгото-

вить их к долгой зимовке», – подумал он, заходя в свою ярангу.

6. ПОСЛЕ ПУРГИ

Семь дней и ночей бесновалась в тундре пурга. Ветер тряс яранги, метался от стены к стене... Однако жильё кочевников как стояло до шквального ветра, так и осталось нетронутым – выстояли все яранги в течение всех этих неистовых суток, ни одна из них не была развалена пургой. Затем ветер снял осаду и чуть ослабевший улетел разбойничать на скованное льдом Берингово море. Но людям тундры до него уже не было никакого внимания – пусть ослабнет там, где не падутся олени...

Анкау придержал разгорячившихся оленей от быстрой езды. Он думал, что езда такая успокоит его, но нет – наоборот, с каждым шагом оленей сердце его стучало ещё поспешнее и сильнее. Спустя минут десять нарта въехала под сопку. Уже стемнело, и Анкау стал ехать медленнее. Несмотря на лунную ночь, возле возвышенности было почти темно. Вскоре дорога свернула налево, и олени оказались на краю небольшого снежного обрыва. Едущий остановил упряжку. Олени встали, уткнувшись на миг в рыхлый снег, чтобы лучше отдышаться и успокоиться. Анкау же встал с нарты, придерживая за вожжи правого оленя.

Месяц освещал таинственным, тусклым светом дикую, суровую местность. Здесь и там виднелись из-под снега небольшие кустики. Среди них Анкау заметил топорщившуюся небольшую ветку кедрового стланика, вмёрзшую в снег. При виде этой одинокой «пленницы» Анкау невольно вздрогнул, подумав: «И он, возможно, вот так же где-нибудь... Нет!» – оттолкнул он эту пугающую мысль и повернул оленей в обход обрыва.

За день он объехал близлежащие холмы и овраги, доехал до Яргыйнина, где летом стояли их яранги, но нигде не заметил нартового следа.

Олени устали, и Анкау теперь не подгонял их, ехал медленно

и обдумывал, что делать завтра, если сегодня не отыскался его брат Ринтувье...

В тот день, до разыгравшейся пурги, пастухи прогнали своих ездовых оленей – через месяц должны состояться гонки в быстроте езды на нарте. Чуть позже товарищей на тренировочную поездку выехал Ринтувье, а к вечеру он один не вернулся в стойбище, когда уже разыгралась пурга, затяжная, длившаяся неделю. Позже, когда установилась погода, ждали Ринтувье ещё два дня: он мог захватить в ближайшие стада товарищества и там переждать пургу. Но прошли и эти два дня, Ринтувье не вернулся в свой стан, и тогда начались поиски его. Сперва побывали у соседей – и там Ринтувье не было. И вот уже третий день Анкау и его товарищи гоняют своих ездовых оленей туда-сюда, а след Ринтувье так и не найден.

«Где же он может быть? Где? – думал Анкау. – Затеряться не мог: он хоть и молод, но опытный тундровик. Но и пора быть ему дома...» – Анкау почти не управлял упряжкой – олени сами шли по нартовой дорожке, ведущей к стойбищу. Не доезжая до него, он распряг оленей и пустил их в сторону стада, которое виднелось влево от дороги, почти у самой вершины сопки, и таща пустую нарту, пешком дошёл до стойбища.

Дома одна сестра Гивынеут до сих пор не ложилась спать, хотя была уже глубокая ночь. Она находилась в пологе, красноватый свет жирника отражался на её правом плече и руке, вынутой из рукава комбинезона, а также освещал профиль лица. Казалось, всё внимание молодой чукчанки было сосредоточено на заготовке, лежащей перед ней, но как только вошёл брат и начал выбивать снег из одежды, она тут же собрала кусочки меха, засунула их в мешочек и потянулась к краю полога, приподняла его. Увидев брата, облегчённо вздохнула...

Она сидела, призадумавшись, рядом с братом: он пил бульон, медленно, большими глотками. В эти дни сёстры Гивынеут и Ротваль стали молчаливее. Они

хорошо понимали состояние и переживание близкого им человека и молча разделяли его заботы и думы. Они знали, что он, как никто другой, больше всех обеспокоен происшествием – ему как главному пастуху в стаде товарищество по совместному выпасу оленей вверило судьбу каждого из его членов, живущих и работающих рядом с ним.

– Все прибыли? – закончив пить, спросил он.

– Да, ещё к вечеру – ничего.

– Кенилю давно лёг?

– Недавно. Тоже поздно пришёл.

Дед, поселившийся в яранге Анкау, днём ходил в стадо в надежде на то, что, присмотревшись внимательнее к оленям, быть может, увидит ездовых Ринтувье: они-то, эти умные животные, наверняка пришли бы сами в своё стадо.

– Спать, – потушив папиросу (он в эти дни стал курить), промолвил Анкау.

***

Утром в яранге Анкау сидели пастухи и дед Кенилю. Гивынеут и Ротваль ушли к невестке Илenny. Её яранга стояла рядом.

– Что будем делать? – обратился к товарищам Анкау.

Никто не ответил, все молчали. И это тягостное молчание угнетало ещё больше.

– В каком месте сейчас может находиться Маравье? – спустя минуту снова заговорил Анкау.

– Конкретно никто из нас не знает, где он кочует, – ответил за всех Коравье. – Тундра большая...

– Но не думаешь ли ты, что Ринтувье, заблудившись, мог оказаться у Маравье? – посмотрел на Анкау Кенилю.

– Думать не думаю, но... – Анкау замялся, потом твёрдо сказал, – Ринтувье надо продолжать искать!

И снова гнетущее молчание. В эти минуты, наверное, каждый из присутствующих ещё раз осознал, что как ни силен человек, но шутить с природой, быть безрассудным...

– А я думаю, – первым нарушил молчание Кенилю, – Маравье стоит где-то под Вилюнеем.

Все в изумлении посмотрели в сторону говорившего, каждый из которых, возможно, подумав: «Откуда может знать наш мудрец, где кочует Маравье?».

– В последний день пурги Беспалый побывал в нашем стаде, – между тем продолжал размышлять дед, – а до нас этот матёрый волк «потрудились» у Котынвата. Ведь так сказал Коравье, побывавший позавчера у соседей?

– Ну и что? – с нетерпением проговорил Анкау.

– Вот и выходит: Беспалый привёл свою стаю с Вилюней и двинулся по другим стадам, – рассуждал Кенилю. – Значит, в районе Вилюней, за стадом Котынвата, может быть только Маравье, – заключил он.

– Правильно ведь! – вырвалось у молодого Иункеу, внимательно выслушавшего деда.

– Может быть, сделаем так, – подумав, заговорил Анкау, – мы с дедом поедем искать стойбище Маравье? Сегодня же! За старшего здесь остаётся Коравье, – он повернулся к нему. – Обязательно осмотрите ещё раз местность вокруг, где пурговали. А сейчас с Иункеу выловите моих и Кунлелю ездовых оленей в стаде, – распорядился он.

– На каких поедешь? – выходя из яранги спросил Коравье.

– Мне поймите светло-серого оленя – правым ведущим, а ведомым – белоногого, Кенилю приведите любую пару, все его ездовые олени хорошо обучены, послушны и смиренны.

– Хорошо. Идём, Иункеу, – произнёс Коравье и вышел.

7. У ВИЛЮНЕЙЦЕВ

Первую ночь в пути Анкау и едущий с ним Кенилю провели у небольшого озера. Говорят, когда-то, лет 200–300 назад, возле этого водоёма остановились пришлые люди. Отсюда и название – Танн'ыгытгын, что означает «Озеро Пришельцев».

Дав оленям поpastись, а сами немного вздремнув, Анкау и Кенилю оставили свой убогий ночлег ещё до рассвета. Некоторое время дорога шла холмами и оврагами, после чего нарты въехали в более равнинную местность, откуда и показалась

раздвоенная вершина сопки Вилюней, которая походила на огромные стоячие уши какого-нибудь животного, чему и соответствует его название – «Ушья сопка».

Теперь Анкау и Кенилю всё чаще подгоняли своих оленей при виде этой вершины, которая, словно прислушиваясь к малейшему шороху, доносившемуся до неё, и предчувствуя приближающихся людей, время от времени скрывалась за другими возвышенностями или, наоборот, невозмутимо пропуская мимо своих «ушей» любые звуки – большие и малые – вновь надолго появлялась из-за укрытия перед взором едущих на оленьих упряжках.

Как ни торопились Анкау и Кенилю, только к вечеру достигли они подножья Вилюней. Здесь и устроились путники на второй ночлег. Отыскав мягкий и неглубокий снег, они распрягли оленей, заменили уздечки на длинные верёвки и, чтобы олени могли свободно пастись, привязали их по отдельности к ольхе. После разожгли небольшой костёр, поставили таган, сварили нарезанное перед дальней дорогой мясо. Поужинав, легли на ночь каждый прямо на свою нарту.

Ещё солнце не встало, когда олени упряжки Анкау и Кенилю двинулись вокруг Вилюней. Проехав совсем немного, неожиданно для самих себя, Анкау и Кенилю сперва заметили к северу от Вилюней едва заметный белый дымок, который и указал едущим дорогу, потом, присмотревшись внимательно, – на отдельном холмике, редко заросшим кустарником, увидели несколько яранг.

По мере приближения к ним волнение Анкау усиливалось. Отправляясь на поиски стойбища Маравье, он, трезво рассудив, пришёл к выводу, что как ни хорошо знакомы Ринтувье эти сопки и холмы, а заблудиться в пургу путнику-одиночке очень легко. И всё же Анкау до сих пор испытывал сомнения, что Ринтувье может очутиться у Маравье, а если он там оказался, то давно бы вернулся на стоянку своей бригады. Но проверить

05 / 2017

стойбище Маравье, чтобы окончательно убедиться в том, что и там Ринтувье нет, Анкау счёл нужным и единственно верным решением.

Подъехав на довольно близкое расстояние, Анкау и Кенилю насчитали три яранги.

– Почему только три? – недоумевая, произнёс Кенилю. – У Маравье, помню, было больше яранг.

– Возможно, остальные кочуют где-то по другому маршруту, – произнёс Анкау.

Залаяли собаки, кто-то вышел из крайней яранги и, постояв немного, опять вошёл в жильё. Освободив от нартов оленей и привязав их к стоящим грузовым нартам, приезжие направились в ближнюю ярангу.

«Странно, – подходя к ней, подумал Анкау, – никто не вышел встречать. Или мужчины все в стаде?». У порога Анкау и Кенилю остановились, прислушались и молча вошли. В доме будто не было хозяев, потому что с вошедшими никто не поздоровался, хотя приезжие ещё снаружи ясно слышали детский лепет и вроде бы пение.

– Еттык?! – Вы пришли?! – наконец послышался женский голос с оттенком удивления и вопроса.

На приветствие Анкау и Кенилю ответили, когда же закончили выбивать снег из своей одежды и обуви и глаза привыкли к полутемноте, они различили у очага возившуюся с медной кастрюлей молодую женщину и маленькую девочку, с непричесанной лохматой головкой. Ребёнок неуклюже вертелся возле чукчанки, иногда наваливаясь на её спину. Должно быть, это мать и дочь. В глубине яранги, внутри открытого полога, сидела, согнувшись, старушка и взором мутным смотрела перед собой. Возможно, ей было безразлично, кто пришёл, или просто она одурманена съеденным мухомором... Девчонка также не обращала никакого внимания на вошедших, а женщина, увидев незнакомых мужчин, долго смотрела на них с явным испугом.

– Где яранга Маравье? – закончив выбивать снег с обуви, спросил у неё Анкау.

Женщина вместо ответа обратилась к старухе:

– Мама, какие-то люди пришли, впервые вижу их.

– Что ты говоришь? – старушка посмотрела в сторону дочери и тут же, наверное, заметив посторонних, прошамкала: – Кто-то стоит?.. Кажется, двое или четверо?..

– Покажи нам ярангу Маравье, – Анкау подошёл к девочке и наклонился к ней.

– А-а, слышу голос Сухожилого, – услышав говорящего, произнесла бабка. – Откуда ты пришёл, Иулькут? – совсем спятила старушка.

– Маравье здесь нету, – отважилась молодая женщина.

– А его сыновья?

– Крайняя слева от нас яранга Тевлята.

***

Тевлят, казалось, не удивился приезду Анкау и Кенилю – держался спокойно, не суетился, видимо, давно был уверен в том, что этот Анкау, пока не побывает везде, будет искать своего младшего брата Ринтувье.

Тевлят встретил гостей, как полагается кочевнику, подобающим образом: поздоровавшись с ними, усадил их внутри яранги. Однако был угрюм и молчалив. На расспросы Анкау ответил коротко и холодно, что Ринтувье не заезжал к ним.

– Его вообще здесь нет! – под конец почти крикнул Тевлят и добавил: – Он твой брат, вот и ищи, но не здесь, а там, где его потерял.

Молчание было ответом приезжих на последние слова Тевлята. Анкау, стиснув зубы, достал из сумочки пачку папирос... «Вот ты какой, – подумал он, глядя на Тевлята. – Пропал человек, а ты... Да и тогда, когда с Ринтувье боролся, уже тогда показал себя... Прошло столько лет, а злобы в тебе не поубавилось...». – Анкау отвернулся от него.

Да, ещё тогда, на весеннем празднике оленных чукчей, на кильвее, между ним и Тевлятом установилась своя, особая связь. У Анкау с самого начала их мимолётной встречи у поворота, возле сопки, когда они возвращались отцом от приморских

жителей, а потом на самом кильвее, появилось в отношении его, Тевлята, какое-то непонятное чувство, недоверие, что ли. Но тогда Анкау был моложе, чем сейчас, и не мог, конечно же, понять всего того, что происходило вокруг...

– А в другом стаде? – в упор посмотрел на хозяина Кенилю.

– И там вы не найдёте Ринтувье, – отводя глаза в сторону, ответил Тевлят. Его лицо казалось серьёзным, строгим и трудно понять: либо это честное прямодушие, либо упрямая решимость ничем не помогать приезжим, даже когда речь идёт о пропавшем человеке и его поиске.

– Что ж, дед, значит, Ринтувье здесь действительно не появлялся, – тихо произнёс Анкау. – Переночуем, а утром поедем домой. Но не в этой яранге, а в другой, – и гости засобирались выйти.

А Тевлят, видимо, вспомнив, что именно сегодня Ринтувье придёт из стада, может быть, даже уже явился, а гости остаются до утра, и они могут узнать правду не сегодня так завтра, вдруг, как ни в чём не бывало, однако, делая вид, что припоминает что-то очень важное, остановил их:

– Постойте, постойте... Не сразу я сообразил, о чём вы спрашиваете. Верно, он приезжал... Потом захотел остаться у нас... сам захотел.

– Жив?! – вырвалось у Анкау. – Где сейчас он? Где можно найти его?

– Яранга рядом, – тихо произнёс Тевлят.

***

Ринтувье сидел и пил чай. Кроме него, в яранге находились две женщины и мужчина. Ринтувье, должно быть, только что пришёл из стада: снятая кухлянка, торбаса всё ещё лежали возле его ног, а сам он был уже одет в домашнюю сухую одежду. Это был молодой чукча, лет двадцати семи, не больше: детское выражение лица, глаза, по-детски озорные, и сам, как он сидел, совсем не по-взрослому, – всё говорило о том, что он, Ринтувье, многое в жизни ещё не успел испытать, пережить,

хотя в товариществе все знали, что тундру он изучил хорошо так же, как и своих оленей. Да и не удивительно, ведь Ринтувье с детства ходит только по тундре.

– Еттык?! – Вы пришли?! – немного как бы удивившись, тихим голосом поздоровался он с Анкау и Кенилю.

Ему ответили.

– Хорошо, очень хорошо, что ты жив, братишка, – подходя к сидящему, весело заговорил Анкау. – А мы уже подумали...

Ринтувье чуть улыбнулся и больше ничего.

– Ринтувье, утром поедем домой, – произнёс Анкау и добавил. – Ехать далеко, но теперь-то втроём будет легче и веселее.

В ответ Ринтувье ни слова, даже не повернулся к старшему брату.

– Что же ты молчишь? – не унимался тот.

– Остаюсь здесь, – с трудом выдавил Ринтувье, не глядя на Анкау и Кенилю.

– Ясно, но и не совсем ясно, – после долгого молчания сказал Анкау, потом спросил: – Как ты очутился здесь или заблудился?

– Осенью, когда откололись олени, мы их все искали, помните? – начал Ринтувье. – Я их нашёл. Погнал в наше стадо. По пути встретился Тевлят. Он был один. Меня спросил: – «Из стада Анкау?» – «Да. Туда гоню». – «А-а. Но ваши уже не там». – И он прошёл мимо. Пока я думал, в какую сторону гнать оленей, Тевлят не спеша уходил. Я крикнул вдогонку: «Постой! В каком месте ты видел наше стадо?» – «Покажу, куда гнать оленей, – возвращаясь ко мне, произнёс Тевлят, потом добавил. – Своих я успею найти, тоже растеряли...». Так мы привели найденных оленей в одно из их стад. «Придешь или приедешь за своими оленями в месяц короткого дня, в декабре. Мы будем стоять возле Вилюнея», – так сказал Тевлят мне на прощанье.

Анкау вспомнил, что тогда Ринтувье вернулся в стадо позже всех, хотя условились искать отколовшихся оленей не более двух суток. Ринтувье пришёл позже всех и тоже без олешек. Ничего о найденных оленях и встрече с Тевлятом он тогда никому не рассказал.

– Проклятие! – после рассказа за Ринтувье только и смог сказать Анкау. – Увести чужих оленей!.. Где он? Где Тевлят? Пойдём к нему! – всё больше негодовал он.

– Тевлят ушёл в стадо, – в этот самый момент сказал вошедший мужчина, который, разумеется, ясно слышал ещё снаружи яранги громкий голос Анкау. – Вы сюда вошли, а он потащил свою нарту в сторону стада.

– Когда вернётся? – немного успокоившись спросил Анкау.

– Поедет искать новые пастбища, – ответил всё тот же мужчина, – значит, не скоро ждите его.

– Да что же это такое?! – прошептал Анкау.

– Выходит, олени товарищества здесь? – спросил Кенилю у Ринтувье.

– Они целы, – тихо ответил тот, потом, немного оживившись: – У меня здесь три личных оленя.

– Что значит твои три оленя по сравнению с тысячью голов Маравье?! – опять повысил голос Анкау. – Ничто! Но этих оленей, которых вы пригнали сюда, ты сам обратно погонишь. Иначе силой возьму. Это не твои, не мои, а совместные, товарищества! Едем домой, немедленно едем! Оставаться здесь, даже на ночь – только себя унижать, – обратился он к Кенилю и, выходя из яранги, чтобы направиться к привязанным оленям, напоследок ещё раз посмотрел на Ринтувье.

Тот сидел низко опустив голову.

***

Дорога к дому всегда желанна и на пути к нему чаще всего думаешь о тех, кто там ждёт тебя, о том, что, приехав на своё житейское место, вновь окунёшься в свои привычные, повседневные дела.

Но сегодня мысли Анкау не только о доме. Он думал о Ринтувье, своём младшем брате, о себе и сравнивал свою жизнь с жизнью Ринтувье, с жизнью Маравье и его сыновей. Он, Анкау, мог бы тоже, как и Маравье и его сыновья, отдельно вести хозяйство, и в этом никто бы его не упрекнул. Он – оленный

человек! Этим всё сказано. Но разве сумел бы он, Анкау, один сохранить всех оленей?! Нет, конечно. И разве ему стало хуже жить, когда оленные чукчи объединились в товарищество по совместному выпасу оленей? Нет. Наоборот, вместе работать стало легче, интереснее. Но что заставило родного брата покинуть свою ярангу, молодую жену, товарищество? Кто мог подумать, что он уйдёт к Маравье, ведь Ринтувье даже не родственник ему. Может быть, он думает, что, находясь у Маравье, у него станет больше оленей? А разве не сбережёт он их у нас?..

8. ТАК РЕШИЛ МАРАВЬЕ

Словно осторожная россомаха, притаившаяся подальше от людских глаз, приютилась в небольшом распадке яранга Маравье. Одинокая, будто заброшенная и никому не нужная, она зарылась в глубокий снег, лишь в её верхнем дымоходе виднелись острые концы закоптившихся жердей. Хозяин запретил выбивать снег с наружной поверхности крыши яранги даже в погожий день. Жильцы дома и изредка приезжающие сыновья и пастухи не удивлялись причудам Маравье и привыкли видеть эту ярангу в необычном месте и в необычной декорации.

Несмотря на ранее утро, у Маравье все проснулись. В тёплом пологе при тусклом свете жирника полулежали: сам хозяин, его сыновья Нутевги и Тевлят и три пастуха. Слышен был приглушённый шёпот. Один лишь Маравье молчал. Край полога был приподнят, и он смотрел на свою жену и на старуху-мать, суетившихся в холодной части яранги. На вид Маравье можно было дать около пятидесяти лет: круглое, с редкими глубокими морщинами лицо в эти минуты было неподвижно, а жилистое тело оленного чукчи говорило о его прекрасной физической форме. Чуть-чуть приподнявшись он медленно повернул голову и задумчиво уставился в горевший костёр, словно всматриваясь в невидимый свет.

данную даль. Новость, привезённая сыном Тевлятом, не на шутку встревожила Маравье: раньше как-то всё сходило с рук и не артачились эти пастухи из товарищества... Услышав тревожные вести, Маравье тут же отправил сына в стадо за своими помощниками и собраться у него.

И вот они все в сборе и теперь ждут указаний от хозяина, который со вчерашнего вечера не проронил ни слова. «Однако, надо что-то решать», – подумав так, бритая голова Маравье сделала резкое движение, словно встряхивая с неё тягостные мысли. Он окинул собравшихся долгим испытывающим взглядом, и все, как по команде, притихли, приготовившись слушать, что скажет Маравье. Но он всё ещё молчал. Можно было только догадываться по выражению его лица со сжатыми плотно губами, что он, Маравье, не согласится с чужими советами никогда, и это хорошо знали его сыновья и помощники.

Между тем в полог проскользнула жена Маравье, поставила возле мужчин огромный поднос с оленьими языками, мозгом, жирным мясом и тут же удалилась в холодную часть яранги. Мужчины начали есть. Насытившись, приступили к чаю. Но и когда два полных чайника выпили, разговор всё ещё не начинался, хотя настал момент, когда уже можно переходить к делу. Казалось, Маравье всё ещё не решался произнести хоть одно слово. Еда и чай ублажили его, он потягивался и довольный сытным завтраком медленно тёр руками небольшой, ещё не округлившийся в его годы живот. С каким-то умилением смотрел он на Тевлята, на его лицо, как бы изучая характер сына. «Заносчивость и упрямство, – подчеркнул он в уме свои наблюдения и этим выводом остался доволен: положиться на него можно. Этот не подведёт! А Нутевги? – тут он перевёл свой взгляд на старшего сына. – О, этот слишком молчалив, скрытный какой-то... Впрочем, к лучшему – не проболтается. Ну, а эти трое?... Пугливы и смиренны, как хорошо обученные ездовые олени...».

– Что ж, отец, – не выдержал Тевлят, прервав его размышления, – так и будем молчать?

– Хе-хе-хе! – неожиданно тихо засмеялся Маравье. – Сказать-то можно много... А вот что делать нам дальше – вопрос? – вздохнул он, и, повышая голос, продолжал. – Сначала нацсовет, потом культбаза, и наконец Красная яранга, эти товарищества и ещё какой-то комсомол... Все они сообща, вместе стараются накинуть на меня, на наши шеи аркан. Слово целая стая голодных волков за нами постоянно следит! – говорящий также неожиданно остановился, оскалив ровные крепкие зубы здорового мужчины.

Казалось, его речь не произвела на собравшихся никакого впечатления, если бы не выражение их лиц – при первых же словах хозяина у всех находящихся в пологе вспыхнули они, а потом так же быстро побледнели, исказились – так передалась им необычно длинная и взволнованная речь Маравье.

– Всем вам известно, – между тем снова начал изливать свою душу оленьий человек, – что и без Советов мы ели и продолжаем есть мясо. А что делать нам дальше, так скажу. Первое – разбить стада на мелкие части и группами двигаться вглубь тундры, в сторону соседей, в сторону Корякского горного хребта. Для этого вы оставите в каждой группе по одной лёгкой летней яранге, остальное жильё разберите, сложите и перенесите в укрытое место, чтобы никто из товарищества не воспользовался ими.

– Так, пойдём в горы – ясно это, – подал голос один из пастухов. – Вместо одного стада станут два или больше. А людей откуда возьмём, чтобы гнать эти мелкие стада?

– А вот слушайте, – дальше рассуждал Маравье, – сейчас вы поедете, перенесёте разобранные яранги в укрытие. После этого постарайтесь побывать в стадах товарищества, там поговорите с некоторыми пастухами, одарите их – не жалко двух-трёх оленей. А между делом им шепните, мол, Маравье делит стада на части, а пасти их некому. Теперь ясно?

– Кажется, да, – ответил за всех один из пастухов.

– Поезжайте, – произнёс Маравье, потом, обращаясь к Тевляту, младшему сыну, произнёс: – Погоди, не уходи.

Тот, уже готовый выйти из яранги с другими пастухами, спокойно повернулся к отцу в ожидании его слов.

– А как Ринтувье сам, что он думает делать после приезда его старшего брата Анкау? – спросил Маравье.

– Собирается гнать оленей товарищества к Анкау, – небрежно ответил Тевлят.

– Нет, нет, ни в коем случае нельзя никуда ему отлучаться даже на один день! – быстро проговорил Маравье. – И тебе не советую показываться у них. Как только закончатся гонки, двинемся дальше, как наметили, – под конец произнёс Маравье.

Хозяин, проводив сыновей и пастухов, остался один в большой яранге, укрывшейся в распадке. Присутствие в жильё двух женщин-старух на него уже давно не производило никакого впечатления: они для него – что есть что нет. В последние месяцы Маравье всё больше замыкался в себе, но особенно остро почувствовал своё одиночество сейчас – нет у него, кроме сыновей, на земле человека, с которым можно было поделиться своими думами. «А ведь когда-то нас было много, – думал он. – Сколько единоверцев я потерял... Ну, а эти – Иулькит, Кенилю, вся их родня – сразу, без всякого уговора, не пожалели своих оленей отдать в так называемое товарищество по совместному выпасу... Теперь и их дети «грызут» моё горло. У-ух, несчастные – Лялио, Анкау... не перечислить их всех, кто против меня...».

...Ещё в тот год, когда создавали в тундре товарищество и когда за ним, Маравье, пришли люди Красной яранги, он предчувствовал большие перемены в жизни кочевников. И уже тогда Маравье, хотя и скрылся в тундре, был надломлен в своей уверенности остаться нетронутым. Но тогда он ещё был уверен, что перемены в жизни оленных людей временные, что

скоро одумаются кочевники и оленей своих оставят у себя. Маравье хорошо понимал: из-за этого товарищества рушится весь смысл его прежней жизни... И в нём постепенно и неуклонно просыпалась слепая ярость, а потом и жгучая ненависть ко всему новому.

Маравье поднял голову, за чем-то провёл правой рукой по лицу, потом откуда-то достал кусочек разбитого зеркала, протёр его ребром ладони и начал смотреть в зеркало на себя и в этот момент вдруг... из гладкого стекла посмотрело на него – а может, показалось? – измученное, бледное лицо Лялио. Этого было достаточно, чтобы ожило и проснулось в Маравье всё прошлое, та встреча первая с Красной ярангой, с Лялио. «Вот создадим товарищество, – втолковывал тогда ему Лялио, – вместе будем пасти оленей...» – «Да, но на всех и не хватит оленей, – с простоватой откровенностью возражал ему Маравье. – Людей много безоленных, да ещё больше станет, коли объединимся...». Лялио ещё что-то говорил ему, а он только всякий раз в ответ согласно кивал головой – умолк и почти не видел лица говорящего, словно задёрнутого снежной мглой...

Долго думал Маравье, устал.

– У, проклятые! – вслух выругался он, отбрасывая в сторону кусочек зеркала и сжимая пальцы в кулак. Глубоко вздохнул и с шумом выдохнул, опустил голову...

9. ГОСТИ

Всякий раз, когда слышался лай собак, нарушая тишину в яранге, Анкау вздрагивал, напрягал слух, потом торопливо вскакивал и шёл к выходу, где останавливался и долго стоял, глядя на дорогу – в глазах его было что-то просящее, ожидаемое... А увидев, что это Кенилю тащится с дровами или кто-то ещё из соседей, ходивший за бугор по надобности, с лёгкостью шагает теперь к своему жилью, Анкау, тихо ворча, возвращался на прежнее место, брал в руки букварь, довольно истрёпанный, – подарок от Ремкилина, и принимался медленно пе-

речитывать одни и те же места по нескольку раз, как советовал ему Лялио. За этим занятием Анкау переставал думать о том, что не сегодня, так завтра должны приехать из побережья работники Красной яранги. И только когда опять слышал лай собак, он прерывал чтение, пока только по буквам, вставал и опять шёл к выходу...

Анкау был в стаде, когда ночью к стойбищу подъехали две олени упряжки, а к утру – три собачьи. От Коровье, сменившего его, он с радостью узнал, что приехали гости из Ватыркана. Но сильнее всего обрадовался он Лялио, давнему другу, работнику Красной яранги. Приехали также Пилили, двоюродный брат Анкау, и незнакомый русский.

Гости пили чай, когда с дежурства пришёл Анкау. Лялио и Пилили полулежали внутри полога, русский сидел также там и всё время пытался сесть поудобнее, двигал ногами – видимо, ему было непривычно сидеть не на стуле, а просто на растянутой оленьей шкуре. И тут Илenny жестом показала ему, чтобы он встал, и подложила на его сиденье набитый продолговатый мешок и ещё кухлянку. Приезжий с благодарностью посмотрел на хозяйку и удобно устроился на высоком месте.

Илenny – теперь жена Анкау. Она, узнав, что Ринтувье ушёл жить в стойбище Маравье, перешла жить в дом Анкау и таким образом, не нарушая существующий порядок, стала его женой, женой родного брата Ринтувье.

– Кто? – глядя в сторону русского гостя, после недолгой и обычной церемонии встречи по-чукотски спросил Анкау у Лялио.

– Наш продавец, – ответил тот. – Привёз папиросы, махорку, чай, сахар...

– Да, да, чай, сахар, – поняв, что речь идёт о привезённых товарах, весело и с улыбкой произнёс русский.

– Мэчынкы. – Хорошо, – хлопнул того по плечу Кенилю, который сидел рядом с ним и всё время исподтишка наблюдал за гостем.

Анкау же, допив чашку чаю, поднялся и, протягивая руку, подошёл к нему и неожиданно по-русски сказал:

– Я – Анкау.

Гость с интересом посмотрел на него и, пожимая руку, представился:

– А я – Андрей Иванович Соколов.

***

...Оставшись вдвоём в яранге (остальные пожелали сходить в гости к соседям), Анкау и Лялио курили и молчали, может быть, думали каждый друг о друге или совершенно о другом. Им было почти по тридцать лет. В ту пору, когда они впервые встретились в Ватыркане, Лялио избрали секретарём комсомольской ячейки, образованной из членов товарищества, и уже тогда показал себя человеком не слабого характера, в разговоре рассудительным и довольно быстро усвоившимся в начинаниях нового времени.

«Изменился ли он за прошедшие годы? – подумал Анкау и посмотрел на Лялио. – Вроде нет. Глаза те же, немного лукавые, правда, морщинка, еле заметная, пролегла у него на лбу...» – Анкау зажгёт потухшую папиросу.

– Давно куришь? – спросил Лялио, чтобы как-то начать разговор.

– Уже с месяца.

– Я раньше начал баловаться этим, ещё во время войны, – Лялио сделал затяжку, потом продолжал. – Трудно сказать, почему. А закурил-то первый раз возле горы Тымлынай, откуда дрова мы возили на нартах в школу. – Он улыбнулся. – А знаешь, как я пошёл впервые в школу? С одним товарищем сбежали от родителей. Он сейчас в Ватыркане вместо Андрея Ивановича Соколова торгует привезённым товаром из Анадыря. Это было в 1943 году, наши яранги тогда стояли на холме Камакэннон. Родители не пускали нас в школу. Но всё равно мы умудрялись спускаться с холма и бежать в школу, которая, как и сегодня, стоит возле самого берега реки Ватыркаваам.

Анкау посмотрел на него, подумав: «Что это он только о

05 / 2017

себе? Почему до сих пор ни спрашивает о Ринтувье? То, что тот жив и пастухом работает у Маравье, наверное, уже сказали ему, пока я ночью дежурил в стаде...».

– Ещё до войны вступил я в комсомол, – продолжал Лялио. – А в ту зиму, когда ты первый раз приезжал с отцом к нам, и я ездил в тундру искать стойбище Маравье, но пастухи скрыли от нас местонахождение его.

Анкау заинтересовался рассказом. Лялио продолжал:

– Племянник Маравье, который, однако, почти не имел оленей, одно твердил, что не знает, не видел, не приходил... А тут пурга, бездорожье. Решили лета дожидаться, а там, ты знаешь, началась война...

Лялио замолк. Немного погодя неожиданно спросил:

– Как ты думаешь, почему мы выиграли войну, почему мы победили?

Анкау задумался, перенёсся мыслью в далёкие времена, когда стычки за обладание оленьими стадами были обычным явлением в чукотской и корякской тундре и представил себе сказочного непобедимого богатыря Кунлелю...

– Ну, наверное, потому что наша Красная Армия непобедима, – наконец ответил он на вопрос Лялио и ещё раз посмотрел на друга.

Тот улыбался – видимо, остался доволен ответом Анкау и вновь спросил:

– Хорошо. А что такое армия?

– Люди...

– Верно, наши люди, советские. Такие же, как мы с тобой.

Взгляд Лялио, чуть лукавый, остановился на Анкау.

– Ну и что? – удивлённо произнёс тот.

– Слушай дальше. Твой отец тоже ускорил нашу общую Победу, не пожалев своих личных оленей сдать в Фонд обороны, чтобы выпустить на заводах новые мощные танки, самолёты, которые потом громили фашистов. – Лялио на секунду остановился, потом заключил, – Вот так!

– Выходит, все мы трудились для фронта, для победы, – с воодушевлением произнёс Анкау.

– Нет, нет, не все, – проговорил Лялио. Анкау с растерянным выражением лица посмотрел на него, а тот продолжал: – А Маравье? Что он сделал для победы? Ничего. Он – оленевод-единоличник. Зачем другим до сих пор мешает вступить в наше товарищество? Зачем? Сам не хочешь, но другим не мешай идти своим путём. Так ведь?

– Наверное, так, – произнёс Анкау.

– Маравье разное говорил и говорит, лишь бы самому остаться в стороне от общего дела – продолжал Лялио, – И находят такие, кто верит ему. Например, Ринтувье. Не хочет Маравье, чтобы мы жили и работали коллективно, по-новому, не хочет.

– Значит, Маравье сманил к себе Ринтувье, так я понял? – спросил Анкау.

– А как же ещё понимать?! Вот ты или кто-нибудь другой не пошёл к нему...

– А что мне у Маравье делать? Сообща оленей легче пасти, – твёрдо заключил Анкау. – Хотя... и раньше все помогали друг другу.

– А вот Ринтувье думает, что у Маравье ему будет лучше, только Ринтувье нужен Маравье как работник. Самому-то Маравье с имеющимися пастухами не справиться с многотысячными стадами оленей.

– Ну тогда пусть Маравье идёт к нам со своими оленями – вместе будем пасти.

– Не хочет, значит, и новой жизни не хочет, – твёрдо заключил Лялио.

В тот день ещё долго обо всём новом в жизни кочевников говорили Лялио и Анкау, они и не заметили, как вошли Кенилю и Коравье, Гивынеут и Ротваль... И хозяйка яранги Иленны отложила в сторону свои домашние дела, чтобы послушать мудрёный разговор мужа и его друга...

Уже вечером, когда ложились спать, Анкау спросил у Лялио:

– А как быть с теми оленями, которые оказались в стаде Маравье?

– Будем считать, что Ринтувье их пригонит.

– Неужели?

– Уверен, абсолютно уверен, – ответил Лялио.

10. ПРАЗДНИК БЫСТРОЙ ЕЗДЫ

Большое и багровое январское солнце выплыло из-за дальних сопок, и его розово-пурпурные лучи заиграли на оленьей шерсти, на заиндевевших усах пастухов, добрались до шуршащего снега, озолотили всю тундру. Заголосили сойки, почувствовав богатый завтрак, и сели на только что снятые шкуры с туш оленей. В свежем морозном воздухе заплескалась возбуждённая радость зимнего дня.

Ещё задолго до восхода солнца к стоянке оленеводов люди пригнали стадо. Хозяйка пяти яранг забила по случаю праздника по одному оленя, Анкау – два, поскольку у него две яранги, одну из которых занимали его незамужние сёстры Гивынеут и Ротваль.

Женщины разделали туши, но всё ещё возились с мясом, а мужчины уже заканчивали ловить гоночных оленей; заарканили они и два бычка – призы победителям – и накоротке привязали их к тяжёлым гружённым нартам, выстроенным возле яранг. Старик Кенилю не пожалел выставить росомашью шкуру – приз тому гонщику, которому непременно захочется её получить – мех прекрасный, пойдёт, наверняка, на оторочку кухлянки.

Анкау только что закончил ловить оленей и, заматывая аркан, направился к своей яранге. Недалеко от жилья виднелись головы забитых оленей, насаженные на колья-подпорки и ледяными глазами смотрели прямо на него и куда-то вверх, в небо... Анкау миновал их – они не для него и не для кого-нибудь другого. Они – для тех, кто на небесах!

Иленны, жена Анкау, раскладывала на шкуре мясо возле яранги.

– Бульон ещё не готов? – подойдя к ней, спросил он.

– Ишь, какой быстрый, – не глядя на него, весело ответила женщина. – Зайди в дом и узнай, почему так долго гото-

вят его эти две хохотуньи сёстры-близнецы Гивынеут и Ротваль.

Анкау улыбнулся, одновременно любуясь тем, как проворно делает свою работу жена, потом отошёл чуть в сторону и встал у своей нарты. Взгляд его остановился на стаде, которое пастухи перегоняли на склон небольшого холма. Сегодня Анкау не участвует в зимних состязаниях оленеводов – гонках на оленях. Он просто зритель, но это тоже интересно. А его приз – бычок – ожидает одного из гонщиков.

Анкау стоял задумавшись. Вчерашний разговор с Лялио овладел им и увлёк его к необычным мыслям, до этого никогда не заинтересовавшим его пока ещё не старую голову. Его озадачили и одновременно волновали слова Лялио, произнесённые им по поводу возвращения Ринтувье в стадо товарищества. Анкау сопоставил последние слова друга со своими мыслями. Он давно стал взрослым и его теперь не удовлетворяет та жизнь, которая может течь просто так, без цели, но хорошо усвоил, что нет у него грандиозной цели, главное для него – это то, что есть и то, что происходит в тундре. Анкау вспомнил, что уже с десяти лет сам научился ездить на оленьей упряжке и с той поры объездил, кажется, всю прилегающую тундру и очень хорошо сегодня знает, что даже в кромешную темноту зимой на холодном бешеном ветру сумеет промчатся на оленях и будет уверен в том, что доедет до дома. Вон те белоснежные сопки ему с малых лет знакомы, и они ему сегодня особенно дороги так же, как и сегодняшняя стоянка кочевников-оленеводов. Дороги ему пастухи, плавно, с раскачкой, шагающие от одной яранги к другой. Вот Коровье подходит к своей гоночной нарте... А где же Кенилю? Почему-то не видно его? В яранге сидит, наверное, старик. Ан, нет – Кенилю здесь! Вон где с Пилили стоит. Кстати, что он нашёптывал, стоя в сторону солнца, перед тем, как заколоть оленя, интересно знать?

Впрочем, не всё ли равно – разве не то же самое делаю я?! Ведь, кажется, при новой жизни не запрещают проводить эти ритуалы, церемонии, обряды...

– Скоро начнут? – прервал его размышления подошедший к нему Лялио. С ним был торговый работник Соколов.

– Сначала вернутся с пробежки пять оленьих упряжек, из каждой которых забьют по оленю, только затем начнутся сами гонки, – ответил Анкау.

– Верно... Таков ведь порядок, который уже забываю, – произнёс Лялио, потом сказанное перевёл Соколову с чукотского языка на русский.

– Вот и суп несут, – оживившись сдвинулся с места Анкау. – Пойдём отведаем. И ты, – улыбаясь, взял за рукав он русского гостя.

Суп был горячий, наваристый. Пилили прямо на морозном воздухе из одного небольшого котла, вооружившись деревянными ложками времён, наверное, очень давних, поскольку они почти стёрлись по краям, отчего и стали намного меньше обычного размера.

Между тем к этому времени всё было готово к началу гонки.

– Ну, дед, держись: Пилили едет на моих, – произнёс весело Анкау, глядя в сторону Кенилю и гонщиков, которые уже сели на свои нарты, запряжённые оленями.

И вот одна за другой покатили упряжки, сначала медленно, не спеша, без суеты.

– Поехали, – провожая их взглядом, теперь послышался голос Лялио. – Ждём, когда будут возвращаться. Может, и мы пойдём вон на тот бугорочек, оттуда виднее? – показывая на небольшую возвышенность влево от дороги, обратился он к Анкау и Соколову.

На том бугре стояли пять-шесть зрителей, которые, в ожидании гонщиков, давали оценки каждой упряжке, спорили, шутили и просто молчали. Прошло, наверное, с полчаса, когда умчались упряжки, как вдруг вырвалось у кого-то:

– Едут!

Из-за сопки показались оленьи упряжки. Они неслись

стремительно, с каждым мигом приближаясь к ярангам. Гонщики словно приросли к своим нартам; а олени мчались в едином порыве, снежная пыль клубилась над ними и позади упряжек. «Как же всё-таки славно ездить на оленях!» – подумал Анкау, всматриваясь на цепочку приближающихся нарт и одновременно пытаясь узнать, чьи же олени вырвались вперёд. Но пока не ясно, чьи. Только спустя минуту все увидели, что Нутевги, старший сын Маравье, оказался проворнее остальных. Ему и право выбирать приз. Вилюнейский гость предпочёл взять себе белой масти бычка – приз, выставленный Анкау. За Нутевги примчались все остальные и, остановив свои нарты, высадились, подошли к выставленным прямо на снегу призам и забрали их себе – кому что нравится.

С прибытием всех гонщиков с бугорка спустились зрители и зашагали к ним, уставшим и возбуждённым после быстрой езды – хотелось послушать их разговоры о том, как каждый гонщик проехал трассу, ведь самое интересное, наверное, началось после поворота...

Анкау любит эти сборища с виду суровых людей. Любит наблюдать за их лицами, кажется, неподвижными и в то же время переменчивыми, как их северная, зимняя погода. Но сильнее всего любит он слушать мягкие, душевные беседы бывалых тундровиков – в их речах чувствуется какая-то непостижимая обыкновенному человеку уверенность и житейская мудрость. Слушая стариков, Анкау гордился ими, становился увереннее в том, что разделяет ответственность этих сильных людей за судьбу оленей, кормящих всех.

Анкау подошёл к Коровье, который безудержно хохотал, и спросил:

– Над чем?

– Пилили «обидел» Кенилю. Старик досадует, что из-за широкой спины Пилили он не заметил, как все гонщики оказались впереди их. Кенилю спрашивает у Пилили, почему тот не давал ему обойти его. А Пилили отвечает: «Чтобы ты знал, как в

05 / 2017

следующий раз не прятаться за чужой спиной», – закончил Коравье.

А Пилили между тем всё ещё подтрунивал над дедом. Потом вдруг замолк. Чем больше чукче чего-либо хочется, тем спокойнее и безразличнее старается он выглядеть. Так и он: молчит, но что-то заставляет его бесцеремонно расхаживать то туда, то сюда. Все поняли, что Пилили, этот здоровый мужчина средних лет, почти квадратный в фигуре, как обычно, затеял игру – померяться силой с каждым из присутствующих; и многие, глядя на него, почесали головы: задавит любого из сородичей. Пилили, видя, что никто не решается испытать свою силу с ним, покачал головой и, улыбнувшись, направился к яранге. Указывая рукой на жилище, он произнёс:

– Там хоть и не мужчины, но настоящие женщины!

За ним двинулись остальные.

***

Наступил вечер. Январский день быстро гаснет, только покажется из-за сопки солнце, как тут же оно спешит спрятаться за них. А жизнь оленеводов всё так же мерно течёт, казалось, ничего не предвещающая нового и на последующие дни.

Анкау, Лялио и Соколов ещё немного постояли на улице.

– Когда думаете перекочевать? – поинтересовался Лялио.

– Ещё дня два здесь постоим, – ответил Анкау и добавил: – Засиделись на одном месте – вблизи не осталось корма. С утра разведу на оленях новую стоянку.

– Вот что, я остаюсь до весны у тебя, – неожиданно произнёс Лялио, потом добавил: – Вместо Ринтувье, пока он не вернётся к вам.

– Вот это да! – обрадовался Анкау и пригласил гостей в дом.

Пилили и Кенилю старательно счищали ножами от сухожилий ноги забитых оленей. Оба были веселы и непринуждённо беседовали. Старик, увидев вошедшего русского, с улыбкой хитроватой попросил Лялио:

– Переведи ему на русский язык: сама из оленьих рог, а пачётся возле ног – что это?

Тот перевёл загадку с чукотского языка для Андрея Ивановича. Гость начал искать возле себя предмет из оленьих рог. Но не найдя ничего, пожал плечами и посмотрел на Кенилю. Тот встал, поднял снеговывивалку, брошенную у стены крыши яранги, и показал, что делать ею, потом передал гостю, произнеся «Антре Ваньч», и довольный произведённым эффектом сел на своё место...

Хозяева и гости – все были в приподнятом настроении, в особенности Анкау. С приездом гостей он снова преобразился, а в этот вечер много шутил.

– Вот что, друг, – обращаясь к Лялио произнёс он, – пора и тебе семьёй обзавестись. Посмотри, вон моя, видишь, – красавица! Даже чрез толстый меховой комбинезон чувствуется стать, движения плавные, словно у горностая, фигура гибкая – для танца! Но долго не смотри на замужнюю женщину, лучше на моих сестёр-близнецов обрати внимание – обе незамужние. Возьмёшь в жёны кого-нибудь из них?

Брови Лялио одобрительно приподнялись, но вместо ответа спросил:

– Верно, что Гивынеут собирается к нам на побережье?

– Да, – ответил Анкау.

– Эх, разбросало нас в разные стороны кого куда, кто-то оказался в Варээне из Варээна, а кто-то в Ватыркане, – вздохнул Лялио. – Но ничего – скоро все поймут, где место каждого...

– Не унывай, друг: и ты женишься, – шуткой Анкау прервал мысли Лялио.

– Конечно же! – как можно веселее поддержал его Лялио, одновременно обратив свой взор на сестёр Анкау.

Женщины поднесли кушанье.

– Давай яранг-бубен, наш гость русский послушает, – после еды предложил Лялио.

– Верно, – поднялся Анкау и достал лежащий на пологе зачехлённый бубен и передал его жене.

– А сам? Ты и начинай, – Лялио посмотрел на Анкау.

– Вот яранг-то толком и держать я не умею.

...Как только соседи услышали мерные звуки бубна, народу в

яранге стало ещё больше. В праздничной камлейке в такт ударов в бубен и под плавные движения пела песню женщина-чукчанка. А в той песне говорилось о том, что она, Илленны, дочь оленного чукчи, шагает по тундре, кочуя туда, где есть у неё друзья. И до них всех будет она каждый год зимой вести под уздцы своего верного друга – большого оленя Чеваро.

– О-оо-ой, – так Илленны закончила петь и танцевать, как бы предлагая, что нужно отдохнуть, разогреть бубен, потом снова начать, потому что ей ещё долго шагать и ехать по тундре, ведь в дороге рождаются новые песни.

И вот льётся другая песня, задушевная, далёкая, но знакомая многим из сидящих в яранге.

– Это песня Вутиля из Варээна, – напевая её, пояснила Илленны.

Умолк бубен. Но ненадолго. Пели и танцевали кто хотел...

Угас зимний день, заснул до утра. Спит огромная тундра. Утихомирилась. И стойбище оленеводов забылось сном. Одни дежурные пастухи не спят по ночам, карауля стадо оленей.

11. ОТБИВКА

– Ев-ев! – Постой! – кричал Анкау Тевляту, подходя к нему. – Этого отпусти!

Тот в этот момент собирался выводить из кораля заарканенную им важенку с меткой оленей товарищества.

– Мы как договаривались? – продолжал Анкау. – Сначала выведем всех ваших оленей, только после – наших, которых стреножим, чтобы они не вырвались из кораля в наружу. Так?

– Не того поймал, – пробурчал Тевлят, снимая с рога тяжёлый от мокрого снега аркан.

– Чушь! Все знают, что ты очень хороший метатель аркана, редко промахиваешься, – отрезал Анкау. – Довольно играть в мальчишек! – и приготовился дальше ловить.

Кроме него, Тевлята и Ринтувье, ещё несколько оленеводов из стада Анкау ловили в корале важенок. У входа стояли Лялио и Маравье, Нутевги, Кенилю и тор-

говый работник Соколов, каждый из которых считал выпущенных из кораля оленей. Снаружи, образовав небольшой коридор, с арканами наготове находились ещё примерно шесть-семь человек. Они ловили самцов, пытающихся вырваться из загона. Отловленные и выпущенные важенки-оленихи уже довольно большой группой паслись недалеко от кораля, на виду у людей. Возле этих оленей держурили два пастуха.

Кочевники отбивали стадо Маравье на две половины: плодovou и не плодovou части и одновременно вели просчёт оленей. Впервые в присутствии представителей Красной яранги и торговли – в лице Лялио и Соколова.

До этого, прежде чем поехать к Маравье, Лялио со своими друзьями провели, раньше обычного, весеннюю отбивку оленей в стадах товарищества, и теперь проводят такую же кампанию у Маравье. С ним приезжие также договорились вернуть те олени Анкау, которые в конце прошлого лета откололись от его стада и были пригнаны Тевлятом и Ринтувье в стадо Маравье.

Перед поездкой в стойбище Маравье Анкау сначала проехал на своей упряжке по тем местам, где предположительно обосновался на весну со своими сыновьями единоличник, как теперь называют в товариществе Маравье – за жизнь, которую ведёт тот только для себя. Одно стадо Маравье, принадлежащее также его младшему сыну Тевляту, паслось недалеко от другого, полностью хозяином которого стал старший сын – Нутевги. Отец не претендовал на это стадо, но он всегда был в курсе дел сына. Нутевги мог теперь кочевать сам куда угодно, мог сам беспрепятственно двигаться в любом направлении, куда ему захочется, не спрашивая на то разрешения у отца. И это больше всего волновало Маравье, когда бы следовало всем им, отцу и двум его сыновьям, держаться вместе. Младший сын Тевлят во всём советовался с отцом, а вот старший Нутевги в последние месяцы стал даже реже заезжать к отцу. То, что он, Нутевги,

сегодня находится здесь – естественно: помочь своим соратникам, а тем более кровному брату, провести отбивку оленей каждый оленный чукча считает своим долгом. Так было всегда, так повелось с давних времён. Вот даже соседи, оленеводы из товарищества, приехали помогать в отбивке стада. Что тут плохого?! Кто может это запретить?!

И всё же Маравье не нравится, что слишком много народу собралось нынче в его стойбище. Более всего не нравится ему то, что приехали Лялио и русский. «С Лялио, быть может, я найду о чём говорить, но с этим... – Маравье посмотрел на Соколова. – Зачем он здесь? Разве я звал его к себе?! Не говорил же я ему, чтобы он, именно он, был моим гостем. Конечно, у приезжего есть и чай, и сахар, и табак. Всего этого у меня почти не осталось. И всё равно не нравится мне всё это. Но где теперь возьмёшь то, к чему уже давно привык?! И не только я, но и все мои помощники...».

Так думал Маравье, неотрывно следя за кружившимся стадом в корале, где всё меньше и меньше становилось важенок. Отбивка заканчивалась. Но ещё надо выловить всех оленей Анкау, связать их по ногам, после, когда отгонят уже две части стада Маравье на нужное расстояние от яранг, только тогда этот кусочек погонят люди Анкау к своему стаду, которое выпасается за Вилюнеем, где-то возле сопки Келилевыт. «Далековато, – невольно посмотрел Маравье в сторону Вилюнея. – Да и не так просто двадцать голов гнать, очень непросто – могут разбежаться в разные стороны от голодных волков или просто так ради своего спортивного интереса. Но это не моя забота. Пусть сам Анкау думает, как по пути не растерять этот совсем маленький, малюсенький кусочек товарищества...».

Маравье, довольный своим умозаключением, обернулся к Лялио. Тот стоял недалеко от него и, казалось, был занят только просчётом оленей – всё время писал карандашом на бумаге. Рядом с ним – старик Кенилю, просто стоял и, не зная грамоту, наверное, в уме тоже считал оленей. Лялио и Кенилю между со-

бой то и дело перекидывались фразами. Ну вот оба подошли к Маравье.

– 1020 важенок, – сказал Лялио.

– Именно столько оленух отелятся в стаде моего сына, – с гордостью произнёс Маравье, потом добавил. – А у старшего их ещё больше!

– Посмотрим, – спокойным тоном сказал Лялио.

А зачем смотреть и считать?! Я точно знаю, что у Нутевги 1400 важенок.

Лялио посмотрел на него и молча отошёл на своё место. Мужчины отлавливали и прямо тут же в корале связывали по ногам оставшихся оленей товарищества.

...Уставшие за день, вспотевшие и промокшие, но довольные привычной мужской работой, оленные люди теперь отдыхали в ярангах стойбища Маравье. Лялио, Соколов, Анкау, Кенилю и сам хозяин Маравье находились в крайней яранге – яранге Тевлята. Тут был и Нутевги. Остальные гости заняли соседнюю ярангу.

Кочевники любят говорить об оленях, ибо все их заботы, думы всегда связаны с сохранением этих животных, дающих людям тепло, одежду и пищу.

– Думаю, родятся здоровые телята в стаде, – проговорил Кенилю, когда хозяева и гости расселись в яранге Тевлята.

– Это точно, – согласился с дедом Анкау.

Согласились с Кенилю и все остальные: они сами видели оленей Тевлята, прошлогодних телят, крупных и резвых. Можно гордиться ему, Маравье, тем, что сын его отменный пастух. Да и гости могут позавидовать похорошему Тевляту, сумевшему сохранить за зиму всех оленей, не дать молодняку сбросить весь накопленный жир в летне-осеннюю кормёжку. Для этого надо хорошо знать оленей, основательно разбираться в половозрастных группах, видеть и запоминать места, удобные для маршрута, – сопки, распадки, овраги, речки... Наконец, надо быть упорным, не ленивым человеком, подчинить всего себя жизни оленей. Именно такие Маравье и его сыновья Тевлят и

Нутевги – знающие оленные чукчи. Они, конечно же, довольны собой, довольны своим стадом.

Много оленей у Маравье и его сыновей. Всегда в достатке у них мясо. А об одежде и говорить нечего: она у них всегда добротная, тёплая. Но, может быть, также живут все люди Маравье, его пастухи? Например, Ринтувье. Потеряв Илenny, женится ли когда-нибудь он, имея трёх оленей? Скорее волки загрызут его оленей, чем станут их больше, поскольку у него нет важенок, которые могли бы плодиться, одни ездовые. И нет теперь у него своей яранги, куда бы мог привести свою новую жену, и не держит он грузовых нарт, кроме лёгкой ездовой, на которой уходит на несколько дней и ночей в стадо Маравье, где в многотысячном гомоне затерялись его олени, его три оленя. Но в стаде чаще всего бывает один олень, а два его прирученных почти всегда с ним, с Ринтувье: он ездит на них. Пешком не пойдёшь: не имеет снегоступов, ещё не сделал, потому что у него нет лахтачьих ремней, которыми бы мог закрепить тундровые лыжи. За зиму он обучил четыре оленя. Это не мало. Но опять-таки не своих, а чужих – Тевлята. Правда, сам Тевлят не сидел сложа руки, тоже обучал оленей, но он редко зимой дежурил в ночное время в стаде, больше давал указания и распоряжения.

– Итак, около двух тысяч голов имеют в этом стаде Маравье и Тевлят, – снова заговорил Лялио. – Кроме того, в твоём стаде, Нутевги, – он посмотрел на старшего сына Маравье, – несколько сот, наверное, есть их олени. Так?

– Да. Но в основном мои олени, – ответил Нутевги.

– Значит, на вас троих вместе приходится четыре-пять тысяч оленей, а где остальные? – спросил Лялио.

– В снежный обвал попали, – как ни в чём не бывало ответил Маравье, потом. – А что осталось, так они не на троих, конечно, ведь ещё живы моя мать, жена и родственники. Они тоже оленные люди.

– Верно. И Ринтувье тоже ваш родственник? – Лялио повернулся к Маравье.

– Не чужой же он, – ответил тот.

– А почему тогда метки на оленях одни ваши?

– Метки, метки, – пробурчал Маравье. – Причём тут метки?! Ринтувье и все другие едят мясо оленей этого стада. Одеваются ещё. Да ездят на них. Верно, Тевлят? – почти прокричал он.

– Что ещё могу сказать я?! Отец правду говорит, – ответил младший сын.

– Но всё же скажи, Тевлят: может быть, Ринтувье забивал на мясо оленей из того куска, который мы сейчас отбили? – вмешался Анкау и пристально посмотрел на Тевлята, хотел бы знать: соврёт ли тот, как тогда, в месяц короткого дня, в декабре, в этой же яранге?

Тевлят отвёл взгляд. Он явно не собиравшись отвечать Анкау. «Что ещё ему нужно? Получил свои 20 голов и может отправляться домой...», – подумал Тевлят, но вслух произнёс:

– Не из твоего же стада.

– Верно, – сказал Анкау. – Ринтувье, конечно, хотел бы иметь побольше своих личных оленей, да их у него нету.

– А кто виноват в том, что он не имеет своих оленей, кроме ездовых?! – снова заговорил Маравье, чувствуя, что правда на его стороне, на стороне того, у кого больше оленей.

Лялио ждал такого ответа, потому что не только он, а все оленные люди хорошо знали, что многие чукчи, особенно приморские, имеют совсем мало личных оленей или совсем не имеют. Но можно ли их винить в том, что они безоленные?! Возможно, они когда-то сами не захотели приручать оленей и поселились вблизи моря, где всегда в достатке рыба, есть животные, пригодные для пищи: нерпа, морж, кит... А что касается Ринтувье, то он любит оленей, не может жить без них. Но выходит, что он стережёт не своё стадо, а оленей Маравье и его сыновей.

– Пусть тогда Ринтувье и ему подобные уходят от вас, забирают своих оленей и пасут где-нибудь подальше, – очень спокой-

но сказал Лялио, как бы предлагая Маравье избавиться от лишних едоков.

– Не хотят, – не заставил себя ждать Маравье. – Да и как можно пасти десять или трёх оленей?! В первую же ночь пастух начнёт искать их, разбежавшихся неизвестно куда.

– Не хотят? – тут заговорил Анкау. – А может быть, ты стараешься всеми правдами и неправдами удержать возле себя Ринтувье и других пастухов?

«И этот пытается меня учить», – подумал Маравье, но в ответ ничего не сказал. Насунился, потом тяжело поднялся и вышел из яранги.

Весенние сумерки мягко ступали над уже с проталинами сопками, над близлежащими холмами, над стойбищем. Все четыре яранги дымили. Из соседней, второй, доносились вперемежку голоса женщин и мужчин. Чаще других Маравье улавливал голос Пилили. «Да-а, сын Гырголькау, брата Иулькута, двоюродный брат Анкау, и он, по всей вероятности, в этот вечер, вот сейчас, говорит Ринтувье то же самое, что сказали только что мне Лялио и Анкау, – подумал оленный человек. – Эх, не сумели мы уйти за эту зиму от них подальше, за Корякский хребет. Впрочем...».

О чём ещё подумал Маравье в эти минуты, собираясь пойти к соседям, – сказать трудно. Он уже было двинулся с места, но остановился: из яранги младшего сына вышли Анкау и старший сын Нутевги. Они прошли мимо Маравье, всего в нескольких шагах от него, кажется, не заметив его, и направились к соседней яранге, на ходу что-то оживлённо обсуждая. Маравье расслышал только последние слова, которые произнёс Анкау: «Да, так и сделаем, как ты сказал, Нутевги, Именно так!».

12. МЕЖДУ ВИЛЮНЕЕМ И КОРЯКСКИМ ХРЕБТОМ

В одной из четырёх стад, образованных из двух больших, находились Маравье и несколько пастухов и ещё две женщины преклонного возраста. Они гнали оленей в сторону единственного надёжного перевала через

Коряжский хребет. Наступило майское утро, и Маравье со своими людьми после ночного перехода на день остановились на подступах виднеющихся в километрах двадцати высоких, покрытых снегом, гор. Ночью снег хорошо подмёрз, и люди по нему проехали на оленьих упряжках довольно большое расстояние. Теперь, когда наступило утро, стало ясно, что ожидается такой же, как вчера, тёплый солнечный день, который быстро кое-где растопит снег, образует бесчисленное количество ручейков. Днём, когда снег становится рыхлым, двигаться дальше было бессмысленно – даже самым крупным и сильным оленям тянуть за собой гружённые нарты трудно.

Это была одна из групп Маравье и его людей. Распрягав оленей и подогнав стадо на равнину, удобную для корма, люди, немного поев строганину, легли отдохнуть на проталине. Однако Маравье и его помощники не сразу уснули, а вот женщины, подложив под голову рукава комбинезонов, как только оказались в горизонтальном положении, моментально уснули крепким сном – не привыкшие, в отличие от мужчин, вести ночной образ жизни, какой теперь ведут и они наравне с ними, отдаляясь от своих угодий – Вилюнейской долины, где в течение многих веков пасли стада их предки.

Земля была всё ещё сырой, она не успевала за день глубоко просохнуть, но Маравье и его люди, устав за ночь, сели на неё, не думая о том, что могут простыть – на них была тёплая меховая одежда, сшитая спящими женщинами. Маравье сидел и о чём-то думал. Окинув взглядом сородичей, сидевших рядом с ним, он произнёс:

– За следующую ночь мы должны дойти до перевала, перевалить его и очутиться у коряков, живущих за хребтом, – он на секунду умолк, лицо его просветлело при последних словах, наверное, в предвкушении скорой свободы от людей товарищества, от Лялио, которые вот уже несколько дней идут следом, но на определённом расстоянии от них. – Там никто нас не догонит, никто!

Пастухи слушали его молча, только согласно кивали головой. Было видно, что они, ещё совсем молодые, очень устали за прошедшую ночь и, как только закончил речь Маравье, тут же, возле него, повалились на землю, чтобы забыться сном...

Маравье продолжал сидеть, всё ещё не спал и смотрел в сторону гор, куда они двинутся с наступлением ночи, запрягав оленей, которые сейчас пасутся на привязи у подножья небольшого покатога холма, на склоне которого спали крепким сном их хозяева.

Он сидел с полчаса, думал о своей судьбе, судьбе кочевника, какими до него были и его отец, дед, прадед... «Зачем нас, оленьих людей, собирают в одну кучу, зачем? Чтобы всем сообща пасти оленей? Кто так решил? Работники Красной яранги?» – думал Маравье, пытаясь найти ответы на эти вопросы, потому и не мог быстро заснуть, как это сделали его молодые соплеменники.

Думы одолевали Маравье и путались в голове. «А вообще что за слово это – товарищество? Все товарищи будут вместе жить или отдельными группами, чтобы дальше вести кочевой образ жизни или друг друга сменяя караулить оленей?» – думал кочевник.

Долго думал он, перебирая в памяти все разговоры приезжих из Ватыркана, куда теперь с наступлением осени пешком отправляются детишки товарищества на учёбу. «Учиться – чему? Говорят, чтобы знать мысли других по бумаге – мудрёно, однако. Учатся не только дети, но и взрослые, например Анкау как-то сказал, что учится по толстой бумаге, где множество листов и непонятных знаков. Видно, он решил вместо палочки с насечками таскать с собой в стадо эту, как он сказал, Челгыкалекал, то есть Красную книгу. Не сошёл ли он с ума? Что же их толкает объединяться в так называемое товарищество?».

Долго думал оленный человек, но так и не понял, зачем нужно объединяться. Наконец он тоже заснул, когда солнце уже поднялось довольно высоко, освещая

золотисто-красноватым светом Коряжский хребет и Вилюнейскую долину...

***

В это же самое время недалеко, примерно в трёх километрах от дневной стоянки Маравье, также на отдых расположились Анкау, Нутевги, Лялио и ещё два пастуха из товарищества. Они шли по следу Маравье, не пытаясь подходить близко к нему, который догадывался, кто вслед за ним едет на оленьих упряжках по ночам, когда мягкий дневной снег превращается в наст, по которому легче идти оленям и тянуть за собой нарты с сидящими на них людьми. Маравье и его люди далеко не уходили от преследователей, днём отдыхая, а ночью двигаясь за стадом, которого гнали два пастуха, один из них Ринтувье, кажется, свикшийся с мыслью, что он давно уже держит сторону Маравье, основательно забыв о существовании родного брата Анкау и бывшую жену Илenny. Да, Маравье догадывался, что по его следу идёт Анкау, зная, что тот никогда не отступится от задуманного и будет делать то, что нужно делать на данный момент.

– Зачем мы гонимся за ними? – между тем, располагаясь ко сну, произнёс Анкау, глядя на Лялио. – Кто так решил?

– Власти, не мы же, – меланхолично ответил тот.

– Они что лучше нас знают, как нам дальше жить и умеют пасти оленей?

– Видимо, знают, раз решили нас объединить и всем вместе пасти оленей.

– А разве мы не пасём вместе? Когда нужна помощь, соседи помогают, и мы – им тоже. Вообще, для чего всё это задумано и кем? Кто бы это толком нам объяснил.

– А зачем объяснять? Раз говорят, что будем лучше жить, значит, будем. Не будет ни бедных – безоленных, ни богатых – вроде Маравье.

Анкау молчал. Он недоумевал и силился понять, зачем всё это делается. После долгого молчания он произнёс:

– Помнишь, Маравье во время отбивки и весеннего праздника прямо говорил, что мы со време-

05 / 2017

нем останемся без своих личных оленей? Помнишь? Но не бывает так, чтобы оленный человек был без оленей. Как ты думаешь, прав Маравье или нет, говоря, что мы можем остаться без личных оленей?

– Может, прав, а может, и нет, – тихо ответил Лялио, ложась на землю, постелив под голову небольшую мягкую оленью шкуру, используемую для сиденья на нарте во время езды.

– А Соколов, торговый работник культбазы даже считает Маравье и его людей нашими врагами. А как ты думаешь, они – наши враги? – прямо спросил Анкау.

– Я выполняю то, что повелели мне – догнать Маравье и увести его стада в товарищество, – уклонился от ответа Лялио.

– Однако, как-то не товарищески получается, не по-соседски – отобрать чужих оленей. Как будто возвращаемся мы в те далёкие времена, когда чукчи делали набеги к корякам, чтобы отобрать у них оленей, увести их жён, детей...

– Что верно, то верно, – соглашаясь с другом произнёс Лялио.

– Но мы теперь набегами не занимаемся, давно живём рядом с коряками, ездим друг к другу, обмениваемся товарами. Более того, жители Ватыркана сегодня женятся и на корячках. Вон, видишь те горы, которые разделяют наши земли – туда идёт Маравье со своими стадами и людьми. А мы – за ним. Зачем? У нас, что, своих пастбищ, своих оленей не хватает? Зачем ещё отбирать у него? Я так думаю, пусть идёт туда, куда ему хочется, кочует там, где ему лучше, где есть для оленей корм – ягель зимой, а летом зелень.

Лялио молчал, казалось, совсем не реагируя на слова друга. Он давно, и это знает Анкау, делает то, что скажут ему в Ватыркани. «Уснул что ли?» – между тем подумал Анкау. – Неужели забыл слова Маравье, когда мы были зимой у него в поисках Ринтувье. Тогда Маравье так и сказал: «Запомните, потомки оленных людей, ваши дети пойдут другими дорогами – не будут пасти оленей!..».

Убедившись, что Лялио уснул, Анкау также лёг на землю,

пока ещё не очень сухую, но уже и не сырую, предварительно поправив на голове меховую шапку. Вскоре и он уснул, составив компанию спящим рядом пастухам.

***

– Просыпайся, – Лялио потряс за плечо спящего Анкау. – Кажется, сейчас я слышал выстрел из ружья.

– Что? Какой выстрел? Кто стрелял? – не поняв Лялио, произнёс Анкау, однако моментально встал на ноги. Его крепкая фигура сразу возвысилась над ещё спящими товарищами, которые не слышали ни выстрела, ни голосов Лялио и Анкау.

– Говорю, со стороны гор, кажется, оттуда, где остановился Маравье, кто-то стрелял, – повторил Лялио. – Мне показалось, что я слышал даже два выстрела.

– Что, оленя забивают выстрелом из ружья? – окончательно проснувшись недоумевал Анкау. – Из ружья забивать оленя – как же так? Для этого есть копыта и ножи.

– Мы ещё не знаем, что это было – выстрел или мне показалось,

– Да, да, – согласился с Лялио Анкау. – какой кочевник додумается убивать оленя из ружья?! Но если ты действительно слышал выстрел ли выстрелы из ружья, то, в таком случае, что это значит?

– Мне даже показалось, что я слышал два или даже три выстрела, – вновь засомневался Лялио.

– А может, Маравье защищает стадо от волков, а?

– Да, да, очень возможно, – согласился с ним Лялио, и вроде бы немного успокоился, а через минуту попросил Анкау. – Буди товарищей, а я приведу упряжных оленей, будем двигаться в сторону гор.

Анкау так и сделал – разбудил Нутевги и ещё троих пастухов, которые тут же направились к своим нартам, поставленным ребром на краю проталины. Подтащив их на снег, пастухи пошли навстречу Лялио, который уже вёл за узды своих и товарищей ездовых оленей к нартам. Пастухи взяли своих оленей

и запрягли их в свои нарты. Подготовив всё к отправлению, люди немного поели заранее сваренное мясо. После запряжённых по паре оленей и ведя их под узды, молча двинулись в сторону гор, куда также в эти часы, должно быть, уже двинулись люди Маравье.

***

Примерно через час перед Анкау, шедшим впереди других, открылась дневная стоянка людей Маравье. На небольшом холме с редким кедровым стлаником, на сухой поляне догорал костёр, видимо, оставленный совсем недавно. Остановив упряжку и привязав оленей на нартовые дуги, Анкау поднялся на возвышенность. Возле потухшего огня он увидел кого-то, присевшего на колени, и кто длинной ольховой палочкой, кажется, разгребал или, наоборот, пытался сгрести в одну кучу угли. Одновременно Анкау заметил в стороне от кострища, на склоне холма два ездовых оленя, привязанных накоротке к деревцу. Рядом с оленями стояла нарта. Увидев всё это, Анкау, в первую очередь, подумал: «Что это значит – тлеющий костёр и присевший возле него человек? Кто это и почему один?».

За Анкау на холмик поднялись и другие путники. Пахло гарью от кострища. Сидевший возле него на коленях человек поднялся и обернулся к подошедшим. Это был Тевлят, младший сын Маравье. Поздоровался по-чукотски. Лялио, шедший чуть позади Анкау, сделал решительный шаг к Тевляту, которого, конечно же, узнали все, и спросил:

– Что это значит? Кострище – зачем оно? Почему ты возле него, а не в пути? Где Маравье и остальные?

Тевлят даже не посмотрел на Лялио, лишь проворнее продолжил разгребать в разные стороны догорающие угли, от которых пахло чем-то палёным.

– Что это значит, Тевлят, я спрашиваю? – почти крикнул Лялио.

– Не видишь? Догорает костёр.

– Что за запах, будто что-то жаришь, вроде копыта или шерсть оленя?

– Так и есть – он превратился в оленя, – неопределённо произнёс Тевлят.

– Кто он? – недоумевал теперь уже Анкау.

– Отец – вот кто! – в отчаянии почти прокричал Тевлята. – Могли бы сами догадаться, что кремирую кого-то.

Все молчали, услышав последние слова Тевлята. Только тут к Тевляту приблизился вплотную его старший брат Нутевги, тоже прибывший с людьми Анкау. Легонько тронув брата за плечо, тихо спросил:

– Почему? Зачем? Умер что ли? Болел? Он же был здоров, как бык, – Нутевги остановился, ожидая ответа брата. В этот момент Анкау, наблюдавший за братьями, заметил, как по щекам Нутевги медленно-медленно потекла слеза. Слеза, которую теперь уже не видит его отец. Отец, вырастивший двух сыновей – Нутевги и Тевлята. Отец любивший их обоих одинаково, говоривший им, чтобы они никогда не ссорились, а помогали друг другу, чтобы как можно меньше и реже делали глупости в жизни, не простой в краю, где выживает только человек крепкого духа и сострадающий по отношению не только к родственникам, но и к другим...

Тевлят молчал, только насутился и ни на кого не глядя, продолжал разгребать костёр палкой. Только убедившись, что последние угли перестали тлеть, он повернулся на восток и, что-то пробормотав тихо, выбросил палку. После этого он повернулся к старшему брату, вокруг которого молча стояли люди Анкау.

– Зачем, зачем, – как бы дразня всех прибывших, – пробормотал Тевлят, потом посмотрел прямо в глаза брату и продолжил. – И ты тоже не понял ничего в этой жизни. В отличие от тебя и твоих товарищей, отец не захотел оставаться без оленей, без своих личных оленей, выращенных им тяжёлым трудом. Впрочем, как сказал он накануне ухода в другой мир, когда-нибудь и ты поймёшь, что общее богатство, которое теперь караулите вместе, труднее будет сбересть, потому что оно коллектив-

ное, не твоё и можно будет его не пасти, бросить...

– Э-э, нет, нет, – тут остановил Тевлята главный в группе собравшихся людей Лялио, – Наоборот, легче будет и все будут одинаково отвечать за общее стадо. Никаких бедных, вот увидишь.

Тевлят посмотрел на Лялио, но как бы мимо него, не видя ни выражения его лица, ни глаз. Промолчал.

– А как он ушёл в тот мир? – спросил Нутевги брата.

– Я не заметил, как отец направил винчестер на себя, после прозвучал выстрел. Когда я услышал выстрел, встревожился и повернулся к тому месту, где должен находиться отец. Я увидел его лежащего на спине у своей нарты. Подбежал и увидел окровавленное лицо. Отец ещё был жив, так как, увидев меня, что-то невнятно пробормотал. Вокруг его непокрытой головы уже образовалась лужа крови, но он ещё был жив. Я нагнулся к его лицу, тут он, видимо, собравшись из последних сил, еле-еле слышно произнёс, чтобы я его... и слабым движением руки он дотронулся до винчестера. Я понял... Получилось так: отец произвёл выстрел в себя неудачно, но я уже ничем не мог помочь – он истекал кровью на моих глазах...

– Вот почему был не один выстрел, а два, – как ни в чём не бывало произнёс Лялио, думая совершенно о другом, а не о том, что случилось на подступах к Корякскому хребту, и тут же спросил: – А где остальные люди?

– Они ещё вчера ушли в сторону коряков, – тихо ответил Тевлят. – Мы тут оставались втроём: отец, я и ещё один пастух.

– А женщины – где они?

– Они вместе с другими ушли, а Ринтувье, который был со мной, сегодня умчался вслед за ними, в горы.

– Теперь что будешь делать? – спросил Анкау Тевлята.

– Пока не знаю, наверное, надо ехать вместе с вами за ними, ведь вы всё равно их догоните и отберёте наши стада, – ответил тот.

– Ты думаешь, что у коряков можно найти убежище? – не

то спросил, не то просто так сказал Лялио. – И там у них стада становятся общими, так что...

Он не договорил, его прервал сам Тевлят:

– Всё равно иду к ним, а там посмотрим.

– Ну а мы, Анкау, – повернулся Лялио к нему и неожиданно сказал, – отсюда возвращаемся к своим. Там, за Корякским хребтом, уже не наши владения.

Услышав такое, Нутевги произнёс, вроде бы обращаясь к младшему брату:

– Ещё год назад мы могли туда кочевать зимой, потом возвращаться сюда.

– Вот-вот, – поддержал брата Тевлят, в эти минуты совершенно забыв о том, что его старший брат Нутевги уже несколько месяцев находится в товариществе по совместному выпасу оленей. «Придумали ещё – товарищество по совместному выпасу, – одновременно подумал он, – Разве до этого товарищества мы не пасли вместе оленей? Одному ведь не справиться. Только ведь никакого названия для совместного выпаса не нужно было придумывать и без этого слова жили и пасли оленей... Товарищество – слово-то какое. Новое оно, конечно, для меня и непонятное, однако, для брата, наверное, тоже...».

– И сегодня вы можете так делать – кочевать туда-сюда, – прервал мысли Тевлята Лялио.

Тевлят недоумённо посмотрел на него, потом неожиданно спросил:

– А зачем тогда гонитесь за нами, преследуете нас? Зачем, раз, как говоришь, можем кочевать туда, где нам хочется?

– Но не на территорию же коряков.

– Брось, Лялио, мутить меня, – прямо отозвался на его слова Тевлят и засобирился идти к своим оленям, чтобы ехать. – У вас цели совсем другие – отобрать наши стада и оставить нас без них.

– Не отобрать, а соединить в одно общее.

– Что ж, соединяйтесь, сколько вам захочется, а я поехал, – с некоторой усмешкой в ответ произнёс Тевлят и зашагал к сво-

ей нарте, к своим оленям, чтобы ехать в сторону Корякского хребта, куда ещё вчера двинулись люди Маравье.

Быстрая нарта Тевлята вскоре скрылась за небольшим увалом, а Анкау, Лялио и другие чукчи помчались в обратную сторону, в сторону Вилюнея.

13. БРАТ И СЕСТРА

Весной Гивынеут приехала на культбазу, привёз её дед Кенилю. Старик, погостив три дня у оседлых чукчей, запряг своих ездовых оленей, которые паслись у подножья Камакэннон, недалеко от яранг и деревянных домиков, сел на нарту и двинулся обратно в тундру, в сторону горы Келилевыт, где паслось стадо Анкау, вернее, товарищества.

Ремкилина Гивынеут увидела в первый же день приезда. Горячая привязанность к младшему брату сестры смягчала его утрату, и к этому времени поулеглось горе в юном сердце аборигена, как уже сказали, оставшегося без матери. Он очень обрадовался, увидев сестру, подбежал к ней, дотронулся до неё рукой, приветствуя её и как бы удостоверившись: она ли это, его родная сестра.

Гивынеут достала из рукава комбинезона завёрнутую в материю лепёшку из оленьего мяса и мозгов и протянула её Ремкилину. Тот сразу принялся за лакомство. Сестра смотрела на брата и думала: «Вот какой стал за зиму: кругленький, всё ещё ростом низенького, однако вовсе не бледный и не худой...».

– И Анкау приехал? – откусывая кусок лепёшки спросил Ремкилин.

– Нет, – ответила сестра.

– Значит, ты меня увезёшь в тундру. Теперь скоро! Ещё месяц, говорят, учиться будем, – весело говорил мальчик, – а там... увижу своего оленёнка. Как он? Помнишь, Анкау показывал мне в прошлом году, такого интересного, с большими любопытными глазами?

– Вырос твой олень за год.

– Да, да... Ну, теперь он меня, наверное, не узнает.

– Миша! Строиться, – прервал Ремкилина чей-то голос.

Гивынеут повернулась к двери и увидела Пелягиргина, сынишку Коровье. Он звал кого-то, хотя кроме Ремкилина и её в раздевалке, где находились они, больше никого не было.

– Это меня зовёт, – произнёс Ремкилин и добавил: – Обедать будем. Я приду в воскресенье. Нас пустят гулять, – повернулся и выбежал в коридор.

***

Гивынеут уже второй месяц жила возле моря. Она вместе с другими женщинами с утра и до вечера, порой и в светлые весенние ночи, занималась разделкой туш моржей, убитых зверобоями. Мужчины вытаскивали на берег из воды туши животных, прикрепленные к бортам вельбота. Отдохнув немного, охотники вновь отправлялись на промысел, пока льдины, где жилились моржи, нерпы, не унесло далеко в море...

В эти дни, пока Гивынеут находилась в Ватырконе, она часто вспоминала родное стойбище, тундру, сестру Ротваль и невестку Илenny. Когда она уезжала в Ватыркан, они попросили её исполнить свой танец. Но Гивынеут отказалась. Может быть, ей просто не хотелось или самой было грустно при расставании с сестрой и невесткой, родными местами. Она пообещала при приезде когда-нибудь показать танец.

В первые дни на новом месте ей было не так тоскливо – новые люди, новые впечатления... Даже эти диковинные дома, длинные, деревянные, удивляли молодую чукчанку, среди которых есть и круглые, точно яранги. А во всех домах под ногами не сырая земля, а аккуратно застеленные доски. И эти прозрачные стёкла чудом казались Гивынеут – можно, не выходя из жилища, видеть всё, что происходит на улице. Конечно, обо всём этом и раньше Гивынеут слышала от Ремкилина в тундре, когда тот прошлой весной приехал с братом после окончания нулевого класса. И вот теперь сама она видит, ощущает... всё новое, мир береговых людей показались ей удивительными и пока ещё непонятными.

***

В одной из бригад добытчиков морского зверя работал работник Красной яранги Лялио. Наравне с бывальыми людьми молодой мужчина делил радости и невзгоды, успехи и трудности нелёгкой охоты на морских животных. И от этого жизнь казалась ему сплошной линией забот. Бывали, конечно, свободные часы, и тогда вечерами собирались молодые поморы и пожилые сельчане на общее веселье – играли в мяч. Одна команда – мужская, вторая – женская.

В один из таких вечеров на поляне близ склада шла игра. Мяч, переданный напарником, держал Лялио. Кому его передать? Вот к нему подбежала Гивынеут и попыталась отобрать мяч. Но Лялио ловко увернулся от неё, начал искать кого-нибудь из своих игроков-мужчин, которому можно передать мяч. Но почему-то Лялио не торопился сделать это, а продолжал держать его вблизи от Гивынеут, как бы играя только с ней? В какой-то момент вдруг он уронил мяч. Не торопился поднять его, хотя мог. А девушке только этого и надо, она подбежала к лежащему шарик, схватила его... А Лялио продолжал стоять на месте, даже не пытаясь исправить свою «ошибку».

После игры Гивынеут спросила его, почему он не передал мяч своему игроку, кажется, нарочно уронив его. Тот улыбнулся и промолвил:

– Мне хотелось подзадорить тебя.

– Ну что ж, спасибо, ты меня выручил. Хотя это не по правилам игры, – сказала девушка, смутилась и убежала.

...С того памятного вечера Гивынеут видела Лялио раза три и то издали. А ведь прошёл месяц, как она приехала. Ремкилин на днях заканчивает первый класс. Он останется на лето в Ватырконе, и Гивынеут сейчас думала, чем он будет заниматься в эти месяцы. Внезапно её осенила мысль: «Может быть, станет помогать взрослым на рыбалке? Можно, например, определить его в бригаду Лялио. Хотя... кто мы ему?!». Девушка совсем расстроилась и ничего

не смогла придумать дельного. «Да ведь сегодня суббота, – вспомнила она. – Завтра, как всегда, придёт Ремкилин. Вот и вместе решим, что ему делать летом. А сейчас – в кино!» – уже одеваясь, почти успокоилась Гивынеут и направилась в клуб, расположенный на невысоком берегу реки.

***

Два длинных барака были отведены под жильё, в одном из которых небольшую комнату, угловую, занимала Гивынеут. Одна её стена – полукруглая, с маленьким окошком; а около двери, – кирпичная печь, возле которой на полу устраивалась на ночь жившая с девушкой старушка Рульгыне, дальняя родственница. Рульгыне говорила Гивынеут, будто в юности дружила с её матерью. А так больше ни о чём она не рассказывала, чаще всего молчала, наверное, потому что глуховатая была. Сидит себе в углу, возле печки и что-то молча шьёт...

Рульгыне с раннего утра куда-то вышла, а Гивынеут потихоньку прибирала в ткомнате. Она сняла с железной кровати шкуры, стряхнула тут же, прямо у порога, поискала метлу, но не нашла её. Подняла с пола керосиновую лампу и села на кровать. Стекло так закоптилось, что оно стало совсем чёрным. «Видно, бабка ночью не спала», – подумала девушка и усердно принялась протирать стекло, а оно вдруг треснуло... В это время в коридоре послышались гулкие шаги, потом стук в дверь. Гивынеут обернулась. Вошёл Лялио и встал у порога. Прошло несколько секунд молчания, прежде чем Гивынеут овладела собой и тихо поздоровалась с вошедшим:

– Эти?! – Ты пришёл?! Проходи, вон на ящик садись. А я вот жду брата и метлу ищу, – и метнулась к печке, заглянула за неё, будто и вправду ища что-то.

– А ты тряпочкой пол протри, – посоветовал Лялио.

– Что? – промолвила девушка.

– Говорю, Рульгыне сейчас я видел, она возле председательского дома сидит с одной старушкой, а в руках держит гусиное перо.

– Это и есть наша метла. Наверное, бабка собралась мести пол, а вышла с метлой и пропала. Пойду возьму, – Гивынеут уже собралась выйти, но тут Лялио окликнул её:

– Иди сюда, посмотри в окно – не твой ли братишка спешит сюда?

– Он самый, – обрадовалась Гивынеут и засуетилась. – А шерсти-то на полу...

Вбежал Ремкилин. Взлохмаченный, сияющий, но, увидев незнакомого дядю, сразу сник и встал у двери.

– Что с тобой? Проходи. Тебе сколько лет? – постарался вызвать мальчика на откровенность Лялио.

– Восемь, – нехотя ответил Рэмкилин.

– О, ты совсем взрослый, – восхищённо произнёс Лялио. – Так, не робей же! Вот сестра твоя, наверное, нам чайку приготовит, а мы с тобой пока почитаем. Видишь, стены оклеены газетами, есть и рисунки. Посмотрим?

Мальчик упорно молчал, хотя ему очень хотелось поделиться с сестрой о том, что через неделю они заканчивают заниматься в школе. Но как сообщить ей при дяде Лялио? Ещё подумает: не хочет учиться, вот и спешит книжки оставить...

– А как твоё имя по-русски? – между тем не унимался Лялио.

– По-русски он Ми-чы! – выпалила Гивынеут, возившаяся у плиты.

– Не Мичы, а Миша, – наконец заговорил и Ремкилин. – Сколько раз я тебя поправлял, а ты не хочешь слушаться меня, – потом вдруг оживился. – А знаешь, дядя Лялио, придумаем тебе и моей сестре имена русские.

– У меня, Миша, есть имя – Коля, Николай. Ну, а Гивынеут... Как ты думаешь, какое имя ей подойдёт?

– Надя, Лена, Зоя, – перечислял мальчишка, – Валя... Валя! Так и знай, сестра, твоё русское имя – Валя. А то всё Гивынеут да Гивынеут. Вон даже тётушка Рульгыне стала Эль... Эльви... Эльвирой! А ты – Валя! Запомнила?

– Валы, – тихо произнесла Гивынеут.

– Не Валы, – а Ва-ля, – повторил Ремкилин. – Валы. Ты что нож? – и залился смехом.

Хохотал и Лялио.

– Довольно вам, – не удержалась от смеха и сама Гивынеут. – Давайте пить чай.

– А какой фильм ты смотрела вчера или не ходила? – обратился Мишка к сестре, когда та разливала в кружки кипяток.

– Ходила. Воюют там. Сидя на крупных животных с длинными хвостами и очень сильных, быстрых.

– Ты смотрела кинофильм «Чапаев». Ну и как? – расспрашивал братишка.

– Страшно, но смотреть интересно на людей, на этих животных. Только вот во время сеанса механик часто выходил в коридор, когда потухал свет. Говорит, с двигателем что-то происходит, глохнет...

Мальчик тут не удержался и звонко рассмеялся.

– Что с тобой? Разольёшь кипяток на пол, – удивлённо посмотрела на него сестра.

– Да нет.

– Что нет?

– Да так.

– А всё же?

– Просто хочу сказать, что этот мотор мы изучили, нашли в нём, как сказал Пелягиргин по-русски, кон... кон-такт, – еле выговорил Мишка. – Одним словом, мотор работает нормально, когда мы, интернатские, смотрим кино.

– Так что ж? – не поняла Гивынеут.

– Да так, – Мишка поставил кружку на стол.

– Говори, хотим знать, почему глохнет мотор, вы, мальчишки, ведь это знаете? Правда, Лялио? – ища поддержки у гостя, не унималась Гивынеут.

– Конечно же! Причём тут мотор, однако? Скажи, пожалуйста.

Мишка почувствовал, что пора сматываться ему. Но уйти от сестры ради чего он пришёл, просто так, с пустыми руками, не хочется – она, наверняка, припасла конфеты для него.

– А вы этому механику не скажете об этом? – всё ещё колебался мальчик.

– Нет, не выдадим тебя, честное слово! – почти разом ответили взрослые.

И Мишка сдался.

– Он, этот механик, нас не пускает в кино, когда приходят в

05 / 2017

клуб взрослые, закрывает изнутри дверь, – начал мальчик.

– Ну ведь вы смотрите отдельное кино днём, – встала сестра.

– Ну если не хочешь слушать, – насутился мальчик, – тогда...

– Нет, нет, продолжай рассказывать, мы тебя внимательно слушаем, – пришёл на помощь девушке Лялио.

– Нарочно дверь закрывает, понимаете, нарочно. А ведь за экраном столько мест, откуда мы могли бы смотреть кино! – с досадой произнёс мальчик и продолжал: – А раз так, то мы этот мотор начинали закидывать снегом. Не помогло – продолжает тарыхтеть. И тут Пелягиргин говорит: «Где-то тут есть кон... кон... кон-такт, мол, надо его испортить». Говорим ему: «А как же мы будем смотреть кино? Да и где этот кон... кон-такт?». – «Найдём, найдём, вот увидите...». Говорим ему: «Ты больше всех возишься у ветряка, ищешь там свинец, так и ищи этот самый контакт». Долго он искал, а вчера, кажется, неожиданно для нас, всё получилось у него, – заключил рассказчик.

– Что получилось? – заинтересовалась сестра.

– Мотор заглох, – спокойно ответил мальчик.

– В мотор лазали? Руки переломаете! – встревожился Лялио.

– Нет, не лазали. Зачем? Пелягиргин за какой-то крючочек поддел палкой и мотор перестал работать. Мы тут же убежали за клуб. Потом, слышим – опять тарыхтит. Двинулись туда же, к мотору, тихонечко. Четверо держали дверь – упёрлись. Пелягиргин теперь уже знал, что делать... Пока убегали, мотор заглох. Вот так мы нашли контакт! – под конец выговорил Ремкилин и посмотрел на слушающих.

Те, как показалось мальчику, кажется, улыбались, но молчали. Мальчик не понял: осуждают они его или нет и не стал задерживаться.

– Пойду я. Учитель сказал, чтобы мы не задерживались, – и направился к выходу.

– Погоди. Вот возьми, – подождала к нему сестра, подавая коробку леденцов. – И перестань баловаться. Понял?

– Понял, – выпалил Мишка и выбежал на улицу.

– Вот какой он растёт, – проводив братишку, произнесла не то себе, не то Лялио Гивынеут. – Да, а я совсем забыла и поговорить с ним насчёт лета – что он будет делать в каникулы, Анкау за ним не приехал?

– Что делать? Пусть идёт в нашу бригаду и потихоньку помогает нам рыбачить, – неожиданно предложил Лялио.

– Правда? – обрадовалась Гивынеут.

– Конечно. Пусть готовится, – решительно сказал Лялио и собирался уходить.

– А стекло от лампы я достану тебе. И эти «обои» надо бы сменить.

– А надо ли менять их? – спросила Гивынеут.

– Надо. Ну, я пошёл, Ва-лы, – улыбнувшись распрощался Лялио.

Оставшись одна, Гивынеут села на тот самый ящик, на котором только что сидел Лялио, и ей вдруг захотелось в этот момент танцевать, увидеть сестру Ротваль и невестку Илenny, с ними обо всём переговорить, поболтать...

***

Дни сменялись один за другим, ещё более яркими и впечатляющими, когда краски тундры буквально на глазах приобретают множество оттенков и тонов; когда ослепительно белый снег под палящим весенним солнцем тает с такой быстротой, что казалось, пройдут ещё два-три дня и по всей окрестности потекут ручейки, вскроются озёра, реки... Но садилось солнце, наступал вечер, и потоки холодного воздуха превращали за ночь эту майскую слякоть в твёрдую спрессованную массу, по которой на оленях всегда спешишь проехать как можно подальше, помня о том, что днём солнце вновь станет властелином весны и ещё больше обнажит от снега всю окрестность до самого горизонта...

Из тундры на оленях приехали родители за детьми. Пелягиргин и другие мальчишки с нескрываемой радостью ждали тот день, когда отдохнувшие олени увезут их в тундру. А Ремкилин

загрустил: не приехал за ним его брат. Но вот как-то на рассвете к Гивынеут неожиданно поступался Нутевги, только что прибывший из далёкого Вилонейя и сказал, что по настоянию Анкау забирает Ремкилина с собой в тундру.

– К нему? – не веря пришедшему, переспросила Гивынеут.

– Да, да к нему, к вашему старшему брату, – ответил Нутевги, потом добавил. – Я тоже вступил в товарищество по совместному выпасу оленей.

Днём Гивынеут собрала Ремкилина в дорогу. Мальчик надел свою кухлянку, штаны из камуса и торбаса, накинуд на плечи тот самый аркан, что сделал ему Анкау и было готов ехать в родную тундру, к оленю своему, оставленному почти год назад.

К вечеру несколько нарт двинулись в верховье реки Ватыркаваам. В одной из них Ремкилина вёз Нутевги. Гивынеут стояла на краю села и смотрела вслед медленно удаляющимся оленьим упряжкам. В эти минуты ей стало до того грустно, что слёзы крупными каплями сами потекли по её щекам. «А я? – подумала она. – Я, я что буду делать здесь? Не хочу, не хочу», – и крикнула вдогонку:

– Постой-те-е-е! Подожди-те-е-е! Я с вами! Подожди-те-е-е!

Упряжки остановились. Гивынеут побежала к ним. Побежала в чём была одета – в женском комбинезоне и зимних торбасах.

14. ТО БЫЛА СМЕНА

Анкау поднялся на небольшой, но довольно крутой холм, ещё раз окинул взглядом Вилонейскую долину. Там, внизу, мирно паслось его трёхтысячное стадо, слившееся отсюда в тёмное, качающееся пятно, как бы расплывающееся по зелёной промокашке тундры. Сколько пастбищ он видел, сколько мест исходил за свою жизнь – Ёмра, Линлерет, Ныкэпеглян, – но живописнее этой долины пока ещё не встречал. Её зелёный, мягкий ковёр, будто оазис, втиснулся между грядками сопков, и кажется, что июньский зной стремится с неба только в этот зелёный про-

вал между двумя хребтами, откуда, отдав ему часть своего тепла, возвращается обратно ввысь в небо, чтобы там забрать ещё побольше солнечного тепла и распылить его по всей окрестности Вилюнейской долины...

Анкау постоял ещё немного, любуясь прекрасным видом, затем спустился прямо в долину. Под ноги ложилась густая, сочная трава, всюду пестрели цветы: полярный мак, кипрей, синюха... Со стороны бугорка, совсем близко, послышалось звонкое: «Чи-кы-кык!». Он повернул голову влево и увидел пушистого зверька – евражку, стоящую столбиком на задних лапах возле сухого голого бугорка. Анкау помахал зверьку рукой и пошёл дальше.

Всё радовало сейчас его: и бездонная лазурь неба над головой; и то, что Ремкилин после школы снова в тундре, и недавний хороший отёл в стаде, при виде которого ещё радостнее колотится сердце его, оленного человека, которого, как и в любой семье тундровика, отец Ивылькут с детства пристрастил к оленям. Не раз взрослый мужчина брал с собой на дежурство мальчугана, где он пропадал целыми днями. А весной и летом, когда наступали светлые ночи, Анкау сутками находился в стаде и, можно сказать, рос вместе с оленями. До сих пор помнит он, как однажды отец отправил его пешком одного к ярангам, за несколько километров, с ношей на ещё не окрепших плечиках. Было тогда Анкау, наверное, не больше шести лет. Пришла весна, в стаде родился маленький телёнок, слабенький и не выдержал – пал. Вот отец и попросил сына как мужчину отнести на себе тушку до стойбища, которое виднелось на берегу реки. Мальчик бежал почти всю дорогу, временами оглядываясь назад: не гонится ли за ним волк или медведь... учуяв запах свежого мяса. Анкау был один, совершенно один в бескрайней равнине.

...Анкау вышел на берег речки. Мысли его всё ещё были заняты собой. И, может быть, долго ещё бы играла на его загорелом круглом лице радостная улыбка,

если бы не услышал он треск в прибрежных кустах.

«Неужели отстал телёнок? – мелькнула мысль. – Но не должно бы». Однако опять, теперь уже ясно, различил Анкау, как справа от него ломались кусты.

«Медведь?» – первое что пришло ему в голову. Анкау остановился. Нет, он не испугался, жизнь в тундре выработала в нём не только физическую крепость, но и равновесие духа – пастух не евражка и мыслям его незачем суетиться. В этот момент, почему-то, он вспомнил Нутевги, пожелавшего уйти от отца и идти по новому пути – по пути коллективного труда. Вспомнил, как весной, совсем недавно, Нутевги вместе с Лялио и другими товарищами пошёл по следам своего отца – Маравье, который после отбивки оленей сумел угнать подальше свои стада. Маравье ловко уходил от погони. Догнали, однако. Но не живого. Маравье применил огнестрельное оружие против самого себя. Тогда они увидели кострище с останками человеческих костей и рядом младшего сына Маравье – Тевлята. Вот когда, в тот самый момент, сердце Анкау сжалось от щемящей и непонятной боли. Вот когда было по-настоящему жутко и страшно, ведь человек, такой же кочевник, как Анкау, как другие, покончил с собой, выстрелив из американского винчестера в себя. Почему такое случилось в Вилюнейской тундре? Почему? – до сих пор не может понять Анкау.

Увидев медведя, Анкау не испугался. Не испугался за себя, но стадо... Ведь бурый хозяин тундры прекрасно знает повадки оленей и теперь только ждёт момента, когда хоть один телёнок отстанет от стада, уж тогда он полакомится – малыша можно запросто прихлопнуть одной лапой и тут же его отправить в желудок.

«Сейчас самое главное, – подумал Анкау, стоя на месте и не делая никакие резкие движения, – не спугнуть стадо».

А медведь тем временем сел на задние лапы и стал разглядывать человека с вызывающим любопытством. Анкау даже почувствовал его – сильно-

го, массивного, и от этого напряг свои мускулы. Медведь же, как ни в чём не бывало, важно и словно нехотя, повернулся боком к человеку. Можно подумать, что присутствие пастуха его совсем не волновало, что он тоже, как сам человек, в этот час любит природу – этаким любителем цветов, солнцепоклонник...

«Хитрит косолапый, хитрит», – подумал Анкау и медленно, очень медленно двинулся с места, и не сбавляя шаг также медленно прошёл мимо незнамого гостя, не удостоив его даже взглядом. Только когда приблизился к стаду, Анкау повернул голову на берег и с большим и радостным удивлением увидел, как косолапый уходит в горы, в противоположную сторону от стада...

Анкау улыбнулся. Он был доволен собой, и та же радостная улыбка засветилась на его загорелом лице, как до встречи с косолапым. Сытое стадо уже лежало, отдыхало у подножия сопки, тоже довольное, ленивое и красивое. Пахло травой и цветами. И мысли в голове оленного чукчи были приятные, как запахи тундры. Он думал о братишке. О, конечно, он тоже станет оленеводом. Правда, ему надо ещё расти и расти. А когда подрастёт, непременно полюбит оленей, пойдёт по стопам старшего брата. Не подведёт свой род, потому что так было во все времена, и так будет в будущем. Будет он, как старший брат, с ловкостью, достойной оленного человека, забрасывать длинный аркан на рога самого быстрого оленя, уверенно и крепко держать его. Потом, перебирая аркан, спокойно подойдёт к пойманному животному и освободит его от верёвочных пут...

Анкау сел на сухой мох и снова окинул взглядом Вилюнейскую долину, обернулся в сторону холма, с которого недавно спустился. Из-за него выросли две фигуры. Фигурки маленькие, они ещё далеко, но Анкау узнал их. То были Ремкилин и Нутевги. То была смена.

Август 2017 года

г. АНАДЫРЬ

Сергей СУЦАНСКИЙ

СТРАСТИ ПО НЕИЗВЕСТНОМУ АНТОНУ

А.М. Бирюков, член КПСС с декабря 1964 г. (№ парт. билета 03616141), член Союза журналистов СССР (1968), член Союза писателей СССР (1977). 18 октября 1995 года написал заявление на имя ответственного секретаря Магаданской писательской организации АА. Пчёлкина о нежелании быть членом СП РФ.

Родился в Магадане в семье вольнонаёмных работников Дальстроя: отец – первый начальник Марчеканского завода № 2, мать – бухгалтер.

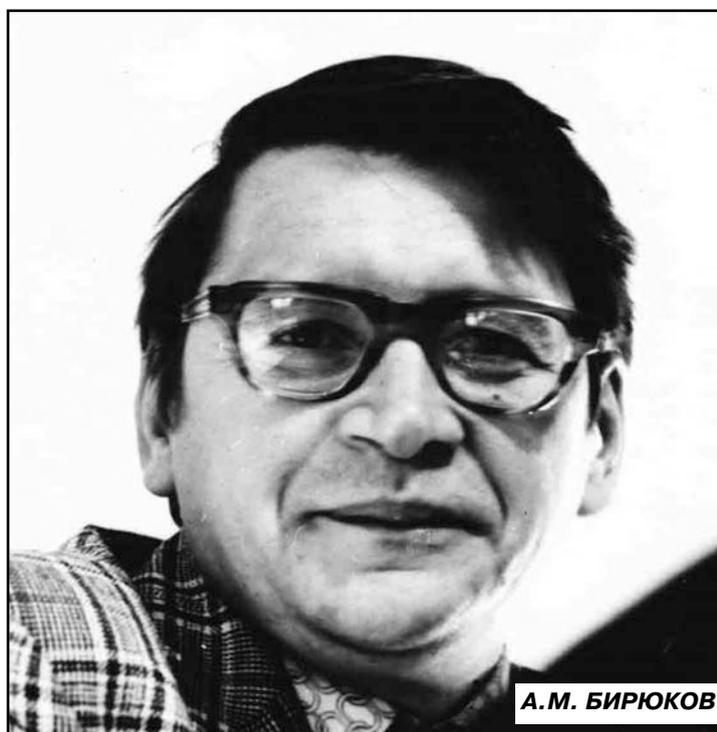
В 1955 году в Москве окончил среднюю школу, в 1960 – юридический факультет МГУ. В 1956 и 1958 годах, будучи студентом, принимал участие в уборке целинных урожаев (Казахстан). Награждён знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель».

Осенью 1960 года начал работать следователем-стажёром Магаданской городской прокуратуры. В январе следующего года перевёлся на работу в редакцию газеты «Магаданский комсомолец».

В августе 1963 г. А.Бирюков поступил на сценарное отделение Высших курсов режиссёров и сценаристов Госкино СССР. Одновременно работал литсотрудником в газете «Труд».

В 1967 году вернулся в Магадан и продолжил работу в газете «Магаданский комсомолец», а в 1968 году назначен редактором этой газеты. В 1971 году перешёл на должность собкора Агентства печати «Новости» по Северо-Востоку РСФСР. В июле 1975 года А.Бирюков был назначен главным редактором Магаданского книжного издательства и в этой должности проработал до ноября 1982 года.

Дальнейшими местами службы А.Бирюкова в Магадане были: завлит театра им. Горького (1986-1991 гг.); главный редактор первого в Магадане частного издательства «Гоби» (1991-1992 гг.); литературный редактор ООО

А.М. БИРЮКОВ

«Курсив» (1992–1993 гг.); комментатор ГТРК «Магадан» (1993–1997 гг.); главный редактор Магаданского книжного издательства (1997–1998 гг.).

В конце 80-х годов А.Бирюков избран председателем оргкомитета общества «Мемориал» в Магадане. С этого же времени начал работать в архивах МВД и КГБ г. Магадана. Результатом архивных изысканий стали многочисленные публикации в местных, региональных и центральных СМИ. Автор семи художественных и десяти очерковых книг, основой которых были архивные документы.

А.М. Бирюков умер 2 октября 2005 года в Магадане. Похоронен в Москве.

1.

Изучая материалы о жизни и творчестве одного из самых интересных колымских литераторов Александра Михайловича Бирюкова, наткнулся на странице 94 на такую фразу В.Данилушкина: *«Конечно, Бирюков устал от этой работы»* (главного редактора Магаданского книжного издательства. – С.С.) ... *Он хотел писать свои повести и рассказы, а не бесконечно радоваться, как у Виктора Кузнецова, Геннадия Ненашева выходят книги, да ещё в столице. И вот ведь как получалось: насколько охотно шёл Бирюков на издание первой книги новичка, настолько не испытывал энтузиазма издавать вторую. Доходило до ссоры, как с Геннадием Ненашевым, который стал потом одним из трёх «негодяев» в бирюковской повести «Три негодяя в одном сюжете»...»*¹.

Пришлось снова сесть за чтение. Сразу настоужило название повести – «Три негодяя...!» Прочитав, подумал: а в чём, собственно, состоит негодяйство героев?

Но я не об этом, я о цитате Данилушкина. А тут возникает туча недоумённых вопросов. Ну, с чего Данилушкин взял, что одним из героев повести является Геннадий Ненашев? Что, есть какие-то документальные тому подтверждения – письма, протоколы? Или только по той причине, что автор своего героя назвал Геннадием Афанасьевичем? Но ведь автор вправе назвать своих героев как угодно, хоть Чёртом лысым! Помещать их в любые обстоятельства и так, как считает нужным, трактовать события. Поскольку произведение «Три негодяя...», безусловно, художественное, а не историческое! И автор имеет полное право перемешивать какие-то, возможно имевшие в жизни место, факты со своим вымыслом!

Далее В.Данилушкин развивает мысль – *«доходило до ссоры»*. Есть ли у Данилушкина какие-либо тому подтверждения? А если нет, то это, опять-таки – сарафанное радио из цикла *«одна баба сказала другой, а та – третьей. И понеслась душа в рай!»*. Так ведь можно от Петрякова плавно перейти к Карандашову, Вите Птичкину и Хаськину! И ещё Бог знает чего понапридумывать!

В этой связи приведу фрагменты найденного мной в архиве Магаданской писательской организации документа:

**ПРОТОКОЛ
заседания расширенного бюро
партгруппы Магаданской писательской
организации от 29.XI.85 г.**

Присутствуют: А.Кымытваль, В.Леонтьев, А.Пчёлкин, А.Мифтахутдинов, А.Бирюков, зав. сектором печати Обкома КПСС В.Б.Тимаков.

ПОВЕСТКА ДНЯ

2. О кандидатуре на присвоение премии Магаданского комсомола.

¹ – здесь и далее приводятся цитаты из книги «Он отдал себя Колыме... Три жизни Александра Бирюкова» (Магадан, 2008). Ссылки на другие источники приводятся отдельно.

В.И.ДАНИЛУШКИН

А.ПЧЁЛКИН: перейдём ко второму вопросу – обсуждению кандидатуры на премию Магаданского комсомола.

В.ТИМАКОВ: ваши предложения по поводу кандидатуры?

А.БИРЮКОВ: Г.НЕНАШЕВ.

А.МИФТАХУТДИНОВ: моё мнение, и Бирюкова, и Дорохова известно. Наша кандидатура – Г.Ненашев.

А.БИРЮКОВ: мнения были высказаны. Я высказался за Г.Ненашева потому, что он человек талантливый, он заслуживает премию. Я не обязан доказывать, это не поднятие тяжести.

Как видим, А.Бирюков и в 1985 году поддерживал Геннадия Ненашева!

Но я продолжу свои вопросы к В.Данилушкину. *«Он (Бирюков. – С.С.) хотел писать свои повести и рассказы»*. Хотел писать или хотел издавать? Это же две совершенно разные вещи, две большие разницы! Нет никаких сомнений в том, что А.Бирюков писал, и писал достаточно много! В 1973 году у Бирюкова вышла в Магадане первая книга – «Снимем необитаемый остров». А за время своего семилетнего главного редакторства в Магаданском книжном издательстве, он выпустил ещё три: «Подводная лодка с настоящими моряками» (Магадан, 1976); «Запах вара» (Магадан, 1978); «Длинные дни в середине лета» (Магадан, 1981).

Спустя время в Магадане увидела свет ещё одна книга – «Свобода в широких пределах, или Современная амазонка» (1990). В том же 1990 году Магаданская областная библиотека им. А.С. Пушкина выпустила справочник «Магадан. Рекомен-

дательный указатель литературы», в котором А.М. Бирюков принял самое деятельное участие, будучи и консультантом всего издания, и автором (совместно с Л.В. Аверченковой) разделов «Искусство» и «Творчество репрессированных литераторов». А в промежутке между 1981 и 1990 годами – бесконечное количество публикаций в магаданских СМИ, перечисление которых займёт много места и времени. Плюс драма в трёх действиях по мотивам повести Зинаиды Лихачёвой «Деталь монумента» (в соавторстве с В.Терентьевым), и комедия в двух частях с эпилогом «Дрейф в районе Магадана» (в кн. «Чудная планета». Сб. пьес в помощь самодеятельным театрам. Магадан, 1989). И, наконец, А.Бирюков занимался литературной обработкой вступительных статей массово-политического издания «Магадан. Конспект прошлого», вышедшей в 1989 году, и составителем которого был известный магаданский историк А.Г. Козлов.

Долгое время не издавал свои произведения? Ну, так это, повторюсь, совсем другое дело!

Об этом же пишет и сам Бирюков в письме С.Е. Лившицу от 29.03.2000 г. (с. 160): «...*Не пишу ничего «художественного» уже лет 10. Остались ненапечатанными романы (два), повести и рассказы...*»

И не мог Бирюков «бесконечно радоваться» выходу книг Кузнецова и Ненашева в столице. Спросите, почему? Да просто потому, что вторая книга Кузнецова («Музыка по ночам», Магадан, 1984) и сборник его рассказов «И проклинал себя, проклинал...» (Москва, 1989) были изданы уже после того, как Бирюков покинул пост главного редактора Магаданского книжного издательства.

Почти аналогичная картина и у Геннадия Ненашева. Возможно, рукопись сборника «Кедры на скалах» (Магадан, 1983) проходила редакционную подготовку ещё в бытность Бирюкова главным редактором, но к печати она была подписана 25 марта 1983 года, уже в правление В.Н. Яковлева. А первая книга Ненашева в столице (к сожалению, и последняя) «В виде дождя и мокрого снега», вышла в издательстве «Современник» в 1984-м году. Бирюков же, уволившись из книжного издательства в ноябре 1982-го, последующие четыре года нигде не работал (считать работой руководство литобъединением просто невозможно!) и никак не мог влиять на издание книг своих коллег не только в Москве, но даже в Магадане.

*

Вопреки мнению Данилушкина, А.Бирюков продолжал поддерживать молодых писателей и после выхода их первых книг, о чём свидетельствует коротенькое послание А.Бирюкова чукотскому прозаику А.Кучеру²:

² – Александр Григорьевич Кучер, литературный псевдоним – Липицкий (12.08.1933 – 15.11.2011). В Магаданском книжном издательстве выпустил сборники повестей и рассказов «Амгуэмская переправа» (1977), «Пересечения» (1982), «Оглянись в пути» (1988), а также документальную книгу «Энергетические мускулы Севера» (1986).

20.IV-78

686510, Билибино, Магаданской области, почта до востребования
КУЧЕРУ А.Г.

Дорогой Анатолий Григорьевич!

Давно Вас не слышно и не видно. Зная Ваш характер, могу предположить, что не зазнались Вы после выхода книги и не отчаялись (от малости свершённого), а в тиши, как крот, копаете свои ходы и камеры. Не пора ли выглянуть и показать, что накопили? Или случилось что-нибудь, что надолго выбило Вас из глубокой рабочей колеи?

В любом случае откликнитесь. Мы все так же ждём результатов Вашей работы.

Примите поздравления с приближающимися праздниками.

Всего Вам доброго!

Ваш – А.БИРЮКОВ

*

Мало одного аргумента? Привожу и второй:

10/II-78

686710, АНАДЫРЬ,
УЛ. ОТКЕ 34-Б, КВ. 5
РОЖКОВУ Е.Ф.

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ ЖЕНЯ!

Что-то не вижу я твоей рукописи, хотя по телефону ты говорил, что готов её прислать для обсуждения в Союзе. Или не перепечатал ещё?

Тороплю я тебя потому, что может так случиться, что появится у нас возможность издать твою книгу не в 80-м году, а в 79-м. Те же 12 листов. Вот я и хочу, чтобы ты мобилизовался и побыстрее заканчивал работу. Напиши, возможно ли это? И, если уже сейчас есть что-то (пусть не всё) готовое – высылай.

Привет твоей дружной семье.

С уважением – А.БИРЮКОВ.

*

А ведь у Евгения Рожкова к 10 февраля 1978 года (к дате написания письма), вышли уже две книги, два сборника рассказов: «Дикий зверь кошка» (Магадан, 1975) и «Белым-бело» (М., «Молодая гвардия», 1977). Причём магаданский сборник вышел и на русском, и на чукотском языке.

К сожалению, на этом вымыслы или домыслы Данилушкина не заканчиваются. На странице 86 всё того же сборника воспоминаний он излагает: «...*С этой должности П.П. Морозов скоро ушёл. <...> Когда через несколько лет Бирюков уволился (в ноябре 1982 года. – С.С.), Борис Михайлович (Черемных. – С.С.) поспешил взять на его место Владимира Першина...*».

Да, Данилушкин мастер ещё тот! Во-первых, кто такой П.П.Морозов? Директора издательства

звали Павел Григорьевич! Я, конечно, понимаю, что Владимир Иванович некогда работал в Магаданском книжном издательстве редактором, но, очевидно, со временем некоторые детали прошлой жизни из его памяти стёрлись.

Итак, во-вторых: личная карточка (типовая междуведомственная форма Т-2, хранящаяся в архиве Магаданской писательской организации) Першина Владимира Ивановича. Дата заполнения – 3 февраля 1983 года. Раздел III – «назначения и перемещения»:

3.02.65 Книжное изд-во редактор Приказ № 2 от 3/II-1965 г.

31.03.82 Книжное изд-во ст. редактор Приказ № 6 от 31/III-82 г.

6.08.86 Издательство гл. редактор Приказ № 9 от 11. 08-86 г.

Как видим, главным редактором В.И.Першин назначен только в 1986 году. Что-то у Данилушкина не состыковывается – с именами, книгами и датами. А куда делся Василий Николаевич Яковлев? Пренебрегая необходимостью подтверждать свои выводы документами, мэтр вводит читателей в заблуждение, а себя ставит в неловкое положение...

Под рассказами В.И. Данилушкина подведу черту его же фразой (с. 93): «...*есть у меня слабость – придумывать всякие клоунские гэги, а они приходят в голову весьма редко и не всегда удачные...*»

Так удачи Вам, Владимир Иванович!

*

Приведу ещё цитату, но уже из воспоминаний В.Фатеева (с. 149): «*На особом месте у него (Бирюкова. – С.С.) стояла книга Ивана Гарающенко «Прописан на Колыме». Он считал её первой ласточкой о Колымском ГУЛАГе.*»

Первое, что ставит в тупик в этой цитате – словосочетание «Колымский ГУЛАГ». Правомочно ли оно? Расшифруем аббревиатуру: ГУЛАГ – это Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения. Получается, что «Колымский ГУЛАГ» – это Колымское Главное управление лагерей? Следует помнить, что Дальстрой не входил в Главное управление лагерей НКВД, а подчинялся непосредственно НКВД, имея, как и ГУЛАГ, статус Главного управления.

Я ничего не имею ни против Ивана Дмитриевича Гарающенко, ни против его книги. Как не имею ничего против того, что книга Гарающенко стояла у Бирюкова «на особом месте». Может, и стояла. Но давайте разберёмся. На строго документальной основе.

Рукопись книги И.Гарающенко «Прописан на Колыме» сдана в набор 13 октября 1964 года, подписана к печати – 9 декабря 1964 года. Следовательно, в продаже она могла появиться в лучшем случае в конце декабря 64-го, либо уже в 65-м.

А вот 1-я книга романа В.Вяткина «Человек рождается дважды» подписана к печати 13 февраля 1963, книга 2-я – 8 июня 1964-го. По всему выходит, что первой ласточкой, точнее, первыми ласточками, были именно эти две книги романа

В.Вяткина. И кстати, в своей работе «За нами придут корабли»³ Бирюков ссылается именно на роман Вяткина (см. с. 58, 63). И в статье «Остров «Колыма»: были и легенды колымских этапов»⁴, А.Бирюков, обращаясь к роману, хотя и называет его «слабым и беспомощным в художественном отношении», но, тем не менее, уделяет ему достаточно внимания, и называет «одной из самых читаемых сегодня в Магадане книг».

Вот ещё один фрагмент из воспоминаний В.Фатеева – запись беседы с Александром Михайловичем, где Бирюков говорит (с. 150): «*Я никогда не считал себя первооткрывателем этой трагической темы <...> одним из первых был Иван Владимирович Козлов – наш Иван Калига.*»

Может быть всё-таки – НИКОЛАЙ Владимирович?

Н.В. Козлов (28.04.1913–1975 гг.) публицист, писатель. В Магадане в 1974 году издан главный труд его жизни – роман «Хранить вечно». Роман повествует о необыкновенной судьбе Э.П. Берзина и заканчивается прибытием Берзина в бухту Нагаева в качестве директора Дальстроя и «трагическую тему» (очевидно тему репрессий), Н.Козлов не затрагивает. Если В.Фатееву известны какие-то другие публикации Н.В. Козлова, то их необходимо было указать.

В справочной литературе Магадана биографическая справка о Николае Владимировиче традиционно завершается одной и той же фразой: «*Рукопись второй части, посвящённой колымскому периоду жизни Э.П. Берзина, осталась незавершённой.*»

В архиве писательской организации хранится письмо сына Николая Владимировича – Александра Николаевича. Речь в нём идёт о рукописи второй части романа: «*...в готовом виде (машиннописном) рукопись имеется на одну треть предполагаемого объёма и содержания второй книги. Удастся ли восстановить остальное – пока сказать трудно*»⁵.

Однако сведений о том, что вторая часть романа была издана, я не обнаружил ни в архиве, ни в Интернете.

Так причём здесь Иван Калига?

*

Александр Михайлович по его собственным словам чрезвычайно дорожил документом: «*И моя задача – свято сохранить документ*». Поэтому, с одной стороны, меня удивляют разные бездоказательные идеи, приписываемые Бирюкову, а с другой – его собственное отношение к этому тезису. В качестве примера, я отсылаю читателей к книге Татьяны Ивановны Исаевой⁶, где на страницах 34–36 автор поместила отрывки из писем Бирюкова, написанных им в 1990–1991 годах (речь в них идёт о Дарье Терлецкой): «*...Написал я*

³ – «За нами придут корабли». В кн.: «Александр Бирюков. Избранные произведения в двух томах». Т. 2: Очерки и эссе. Новосибирск, Свиньян и сыновья. 2011. С. 33–166.

⁴ – журнал «Восточный форпост», № 1 (15), 2002. С. 18–19.

⁵ – Сергей Суцанский. «Хранить вечно!» Газета «Северная надбавка» № 6 от 10.02.2016 г. С. 6–7.

⁶ – Татьяна Исаева. «Без багажа». М., ООО «Сам Полиграфист», 2014. С. 36.

05 / 2017

сегодня письмо от писательской организации на имя начальника УВД...».

А.Бирюков, очевидно, запомнил, что письмо руководителю УВД готовил Ответственный секретарь Магаданской писательской организации Анатолий Александрович Пчёлкин. Вот текст этого письма:

4.06.91 №

**НАЧАЛЬНИКУ
УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
МАГАДАНСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА
ТОВ. ПОВАЖНОМУ В.П.**

Уважаемый Владимир Петрович!

Член нашей организации, член Союза писателей СССР Александр Бирюков собирает материалы о судьбе актёра, режиссёра и, прежде всего, поэта Валентина Валентиновича ПОРТУГАЛОВА.

25 нелёгких лет, в числе которых были и два срока лишения свободы за преступления, которых, как потом выяснилось, В.В. Португалов не совершал, он прожил на нашей колымской земле. Во время той первой радостной оттепели шестидесятих годов, он был добрым, умным и требовательным наставником. Он стоял у истоков магаданской профессиональной литературы, и многие из нас, чего-то уже добившись, по-прежнему считают себя его учениками. Его творчество принадлежит не только истории – большим событием в нашей общественной жизни стала публикация в альманахе «На Севере Дальнем» его стихотворений о трагическом лагерном прошлом (№ 2, 1987).

В трудной судьбе Валентина Валентиновича случилась счастливая минута – в конце сороковых годов, находясь в заключении во второй раз, он встретил и полюбил украинскую девушку Дарью ТЕРЛЕЦКУЮ, такую же заключённую, как и он сам. Счастье длилось недолго – она умерла здесь, на Колыме, в 1950 году. Но память о ней, насколько это нам известно, Валентин Валентинович хранил до конца жизни (он умер в Москве, в 1969 году).

Просим Вас предоставить возможность писателю А.Бирюкову ознакомиться с делом заключённой Терлецкой Д.В., хранящемся в архиве Магаданского облисполкома.

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
МАГАДАНСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
А.ПЧЁЛКИН**

*

«Году в восемьдесят девятом – девяностом я всё более и более переставал писателем быть... Моё первое «проникновение» в архивы бывших УНКВД по ДС и Севвостлага произошло году в девяностом». Это строки из воспоминаний самого А.Бирюкова (с. 125).

Итак, примерная дата начала работы А.Бирюкова с архивами известна. А вот когда и почему эта работа была прекращена? Архивы закрыли?

Или Бирюков проникнув в хранилища, узнал и разгласил некую совершенно секретную тайну, которую разглашать никак было нельзя? И ему запретили работать в архивах? Этого мы никогда не узнаем. Разве что появятся мемуары самих работников архивов.

*

Всё в той же книге на сей раз уже господин К.Б. Николаев на с. 228 выдаёт информацию: *«Городской проспект (Карла Маркса. – С.С.) имеет право называться этой фамилией. Именно так «Проспект Бирюковых: отца и сына» (с. 228).*

Небольшое лирическое отступление. В литературно-художественном журнале «Изящная словесность»⁷ учредителем и главным редактором которого является С.А. Склейнис, опубликовано эссе Р.Чайковского о его встрече с В.П. Аксёновым. И меня поразили слова автора, цитирую: *«Когда я после передачи сел в такси и поехал домой по проспекту Ленина, то я подумал, что если когда-нибудь уберут с табличек на домах это одиозное имя, то на новых можно было бы написать: «Проспект Василия Аксёнова».*

Я вот думаю: может быть, не стоит так сразу, с бухты барахты, кидаться в переименование улиц и проспектов Магадана? Тем более что, господин Николаев длительное время проживает в Воронеже? Есть и другие идеи, одна из которых – создание «давно задуманного творческой интеллигенцией города Литературного музея» («Колымский тракт», № 14 от 2.04.2008. С. 12). Ведь что удивительно, на Чукотке, в Анадыре, такой музей существует с 16 июня 1991 года! *«Современный литературный музей является частью Музейного центра «Наследие Чукотки». Здесь собирается всё, что связано <...> с творчеством живших здесь писателей»*⁸.

Ещё одну идею предложил член Союза архитекторов РФ Александр Шелухин в короткой заметке «Звезду» – писателю!», опубликованной в газете «Магаданская правда в пятницу» от 16 июля 1999 года: *«Для гостей города (да и для самих горожан) интересно было бы получить легкодоступное и сжатое представление о том, кем славен наш край, в виде некой «каменной летописи» где-нибудь в центре и в одном месте. Ведь можно было бы создать из скромных памятных досок либо специальных тротуарных плит <...> аллею людей творческого труда... <...> чтобы в нашем городе действительно была своя «Площадь звёзд!»*

Но лично я обеими руками голосую за литературный музей в Магадане!

2.

Теперь о другом сюжете. В книге «Он отдал себе Колыме...»¹ в очерке Валерия Фатеева «Поруче-

⁷ – Роман Чайковский. «Мелькнувшие на моём горизонте: Василий Аксёнов». Журнал «Изящная словесность». № 1, 2017. С. 105-112.

⁸ – «Календарь знаменательных дат по Чукотскому АО на 2016 год». Муниципальное бюджетное учреждение городского округа Анадырь «Публичная библиотека им. Тана-Богораза». Анадырь, 2015. С. 32.

ние свыше» (с. 99), я прочитал:

«У повести «Неизвестный вам Антон», сообщает автор, трудная судьба. Она была закончена в 1975 году, готовилась к печати в 1978-м, но высокое начальство публикацию задержало – не понравились избранные автором герои...».

После прочтения воспоминаний Фатеева у меня возникли вопросы. Где, в каком издательстве повесть готовилась к печати? Какое начальство и почему задержало публикацию?

В. ФАТЕЕВ

*

Как известно, Александр Михайлович Бирюков 21 июля 1975 года был назначен главным редактором Магаданского областного книжного издательства.

В это время в производстве находилась вторая книга Бирюкова – «Подводная лодка с настоящими моряками». Издательство начало над ней работу ещё при предыдущем главном редакторе – Людмиле Никифоровне Стебаковой.

Книга увидела свет в 1976 году. И хотя предисловие к ней написал известный советский писатель Георгий Семёнов, и тираж книги составил 30 тысяч экземпляров, широкой популярности, такой же, как книги Олега Куваева, Альберта Мифтахутдинова и поэта Анатолия Пчёлкина, она не получила. Как не получила эту самую популярность и третья книга Бирюкова – «Запах вара» (Магадан, 1978), которую Бирюков издал уже будучи членом Союза писателей СССР².

Почему вышло именно так, а не иначе? Интересную мысль о прозе Бирюкова высказывает А.Ф. Суздальцев (с.76): *«...и столичные, и магаданские издатели ориентировались на определённый вид произведений о Севере. Их больше устраивал тот поток прозы, который был в русле*

Л.Н. СТЕБАКОВА

творчества Куваева и Мифтахутдинова. Их книги пронизаны северной романтикой, а герои чем-то похожи на героев Джека Лондона. Север в произведениях Александра Бирюкова был несколько иным. Для него это не более чем географическое понятие. <...> Потому-то он и не попал в «струю».

Я бы сюда добавил, что не только издателей «устраивал тот поток прозы», но и читателей!

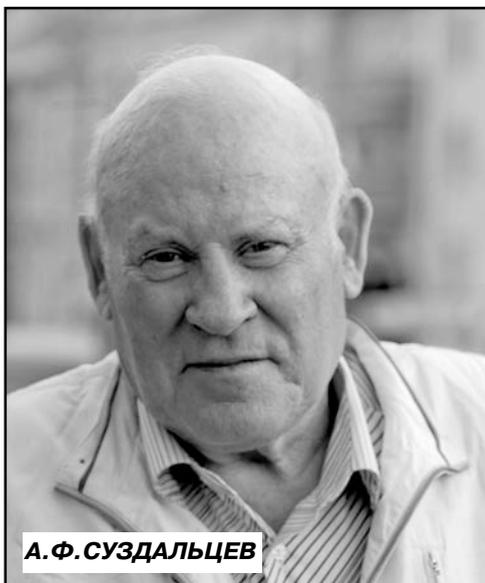
Более того, Бирюков изначально отрицательно относился к книгам, «пронизанным северной романтикой». В качестве аргумента приведу строки из письма Ирины Осмоловской, которое она писала А.Пчёлкину 21 июля 1967 года: *«...С трудом выдержала спор с Сашей Бирюковым относительно своей рецензии на книжку Мифты³. Он её расценивает как пижонскую и инфантильно-романтическую. <...> А Саша Бирюков сейчас у нас в редакции – временно – и.о. зав. идеологическим отделом⁴».*

Примерно о том же самом говорит и писатель Владимир Данилушкин (с. 95): *«...Бирюкову не нравился Мифта и всё, что тот написал: мол, придумал красивую легенду о Чукотке...».*

*

Именно в период своей работы главным редактором, в 1977–78 гг., желая вырваться за пределы Магаданской области, Бирюков обращается к руководителям издательств сторонних регионов – Дальневосточного (Владивосток), Западно-Сибирского (Новосибирск) и Восточно-Сибирского (Иркутск) книжных издательств с вопросом о возможности выпуска своих книг.

Предлагаю заинтересованным читателям фрагменты неизвестной переписки А.М. Бирюкова. Из текста писем всё понятно, так что, как говорится – по comments.

А.Ф. СУЗДАЛЬЦЕВ

¹ – здесь и далее: цитаты из книги воспоминаний об А.М. Бирюкове «Он отдал себя Колыме...» (Магадан, 2008). Прочие цитаты оговорены отдельно.

² – об этом же пишет М.И. Райзман в книге «Александр Бирюков. Жизнь и творчество» (Магадан, 2013): «...Книгу встретила всего лишь одна рецензия <...> что говорит о сдержанном отношении критики к появлению новых произведений А.Бирюкова» (с. 93).

³ – «книжка Мифты»: очевидно, речь идёт о сборнике рассказов А.В. Мифтахутдинова «Рассказы про Одиссея» (Магадан, 1967). Сведений о публикации рецензии в газете «Магаданский комсомолец» я не обнаружил. Рецензия И.Осмоловской «Приходите на праздник Луны» опубликована в первом номере журнала «Дальний Восток» за 1968 год.

⁴ – В 1967 году А.Бирюков вернулся в Магадан и продолжил работу в газете «Магаданский комсомолец».

*

690603, Владивосток,
ул. Ленинская, 43
Дальневосточное книжное издательство
ЩЕРБАКУ В.А.

УВАЖАЕМЫЙ ВИКТОР⁵ АЛЕКСАНДРОВИЧ!

Высылаю последние свои долги. Теперь с нетерпением буду ждать Ваших суждений. Большие всего у меня вызывает опасение то, что плановый объём несколько превышен – на лист⁶ с небольшим. Однако думаю, что этот лист можно вырубить из «Антон» (повесть «Неизвестный вам Антон». – С.С.) – за счёт комментариев в последней главе.

Если предполагаемый состав рукописи Вас устраивает, то, пожалуйста, верните мне остальные рассказы.

Справку и фотографию прилагаю⁷.

С уважением –

А.БИРЮКОВ

*

г. Магадан
Пролетарская 15,
Магаданское книжное изд-во,
А.М. Бирюкову (лично)

Уважаемый Александр Михайлович!

Исправляю свою оплошность и сообщаю Вам названия тех рассказов, что оставлены в рукописи.

Это «Подводная лодка...», «Урок алгебры», «Сотрудники арабской редакции»⁸, «Будет дом», «Утром, днём и вечером», «Переулоч Последний», «Цепи времени» плюс повесть⁹, название которой всё-таки нужно изменить. Поверьте, это не моя прихоть, а мнение начальства, включая московское.

Объём оставленных вещей – 7 ал., по плану же – 12. таким образом, за Вами ещё 5–6 авторских листов. Повторяю нашу просьбу: побольше произведений на нашем, дальневосточном материале, так как почти всё, что мы имеем от Вас, напоминает о Белокаменной. А ведь Вы будете представлять в нашей серии Магадан...

Вот всё, что я хотел Вам сообщить. Зовут меня Владимир Александрович. Ягунова, если у Вас работает, видимо, помнит меня.

Ждём фото- и биографии.

С уважением!

В.Шербак,
заведующий редакцией
художественной литературы,
редактор серии «Молодая проза ДВ».

27.03.78

⁵ – имя Шербак – Владимир, о чём он упоминает в своём ответном послании.

⁶ – здесь и далее – лист, ал., авторский лист – 25 машинописных листов.

⁷ – из текста письма видно, что это не первое письмо Бирюкова в Дальневосточное издательство. Возможно, переписка началась в 1977 году, однако предыдущих писем я не обнаружил.

⁸ – в книге «Подводная лодка с настоящими моряками» (Магадан, 1978) рассказ называется «Сотрудники африканской редакции».

⁹ – возможно, речь идёт о повести «Советы улетающим на материк».

*

3/IV-78

690603, Владивосток,
ул. Ленинская, 43
Дальневосточное
книжное издательство
ЩЕРБАК В.А.

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ!

Спасибо за известие. Только оно несколько озадачило меня: в первом письме Вы предлагали прислать ещё листов 8-10, сейчас – 5-6. Чему прикажете верить? Однако главное Ваше требование не вызывает возражений – книжка должна быть если не дальневосточной (такой ей, к сожалению, не стать, тем более, что автор ни разу не был в Вашем замечательном городе), то хотя бы северной. Как я об этом раньше не подумал – не понимаю. А те рассказы, которые Вы оставляете, они действительно московские.

И захотелось мне с Вашей помощью сложить книгу несколько иначе. А именно:

Рассказы: «Запах вара»; «Перед праздником»; «Обыкновенное золото»; «Ищу мужчину средних лет».

Повести: «Неизвестный вам Антон»; «Советы улетающим на материк».

Всё это совсем северное. По объёму получается 13–14 (авторских листов. – С.С.). Из этого содержания мне осталось перепечатать лишь два рассказа. Что я и сделаю очень быстро.

А название у повести всё-таки надо оставить. Ничего с Вашим начальством не случится, если такое пройдёт. Зачем морочить голову читателю номером рейса, когда дело совсем не в этом? Не детектив же я Вам, в конце концов, предлагаю.

Всего Вам доброго.

А.БИРЮКОВ

*

12/IV-78

690603, Владивосток,
ул. Ленинская, 43
Дальневосточное
книжное издательство
ЩЕРБАК В.А.

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ!

Посылаю повесть «Неизвестный Вам Антон» для готовящейся у Вас книги. Я прикинул объём моих опусов и подумал, что ещё от одного рассказа следует отказаться. Поэтому содержание книги будет, если Вы не возражаете, таким: «Запах вара»; «Перед праздником»; «Обыкновенное золото»; «Советы улетающим на материк»; «Неизвестный вам Антон».

Надеюсь, что три эти рассказа пришло Вам в конце недели.

С уважением –

А.БИРЮКОВ

26/IV-78

690603, Владивосток,
ул. Ленинская, 43
Дальневосточное
книжное издательство
Главному редактору
КУВАРЗИНУ В.А.

**УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ!**

Наши последний телефонный разговор не прибавил мне оптимизма, хотя я и считаю по-прежнему повесть «Неизвестный вам Антон» вполне пригодной для печати и очень надеюсь, что рецензент это подтвердит.

Однако если этим надеждам не суждено будет сбыться, можно вспомнить о том, что в Вашем издательском портфеле довольно много моих произведений.

14 декабря прошлого года я направил Вам рукопись в таком составе:

1. «Подводная лодка с настоящими моряками».
2. «Урок алгебры».
3. «Сотрудники арабской редакции».
4. «Живая рыба».
5. «Эта собака не кусается».
6. «Будет дом».
7. «Утром, днём и вечером».
8. «Переулочек Последний».
9. «Ищу мужчину средних лет».
10. «Много красной икры».
11. «Цепи времени».
12. «Волос».
13. «Советы улетающим на материк» (повесть).

Всего 10 листов. <...>

Письмом от 27 марта В.А. Щербак уведомил меня, что, по соглашению с, как он выразился, начальством, в рукописи оставлены семь рассказов:

1. «Подводная лодка с настоящими моряками».
2. «Урок алгебры».
3. «Сотрудники арабской редакции».
4. «Будет дом».
5. «Утром, днём и вечером».
6. «Переулочек Последний».
7. «Цепи времени».

И повесть «Советы улетающим на материк» – т.е. 7 листов и предложил дослать ещё 5, чтобы было 12 листов.

Тут на меня напала идея собрать для Вас совсем «северную книгу». И я послал Вам 12-го и 18-го мая ещё около 10 листов. («Запах Вара», «Перед праздником», «Обыкновенное золото», «Неизвестный вам Антон»).

Таким образом, если исключить «Антон», у Вас всё равно будет больше 12-ти листов (10 + 10 – 7). Если и этого окажется мало, я смогу прислать ещё несколько рассказов. Только прошу известить, что Вы, наконец, считаете достойным книги.

С уважением –

А.БИРЮКОВ.

690603, Владивосток,
ул. Ленинская, 43
Дальневосточное
книжное издательство
ДУДКО В.А.
КУВАРЗИНУ В.А.

МНОГОУВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

По совету С.А. Луцкого, редактора Росглавиздата, я прошу Вас ещё раз рассмотреть вопрос об издании моей книги «Советы улетающим на материк» в серии «Молодая проза Дальнего Востока» в 1979 году. Рецензия В. Семёнова представляется мне абсолютно необъективной и некорректной. Мне кажется, что никакое издательство не может полагаться при оценке рукописи на столь злобный отзыв. К тому же почти все произведения, обруганные рецензентом Семёновым, ранее получили положительный отзыв на страницах журнала «Дальний Восток», газет «Литературная Россия», «Магаданская правда» и «Магаданский комсомолец». О первых двух моих книгах (третья вышла только что), весьма лестно говорилось в докладе профессора В. Сурганова на недавнем выездном заседании Секретариата Правления Союза писателей РСФСР¹⁰.

Повесть «Неизвестный вам Антон», вызвавшую у издательства наибольшие сомнения, я из рукописи исключил. В настоящее время в рукописи 325 страниц, т.е. примерно столько, сколько полагается по сводному тематическому плану, в котором эта позиция имеется. Рукопись состоит из 15-ти рассказов, объединённых в небольшие циклы, и повести.

С рукописью ознакомился ответственный секретарь нашей писательской организации и член редколлегии серии «Молодая проза Дальнего Востока» А.В. Мифтахутдинов. Он одобрил её и рекомендовал к изданию. Его письменный отзыв, если Вам это нужно, может быть предоставлен безотлагательно.

С уважением –

А.БИРЮКОВ.

*

Это последнее письмо в эпопее о выпуске Бирюковым книги в Дальневосточном издательстве. Точнее, более я ничего не обнаружил. Как не обнаружил и «злобный отзыв» рецензента Вл. Семёнова, хотя, конечно, интересно было бы узнать – а чем конкретно был недоволен рецензент?

Но, честно говоря, вначале знакомства с этой перепиской, я был твёрдо, на все 100 процентов уверен, что уж ДВ издательство таки выпустило книгу Бирюкова! Но тщательно изучив брошюры МОУНБ им. А.С. Пушкина «АЛЕКСАНДР БИРЮКОВ» (Магадан, 1990) и «Александр Бирюков: колымский след» (Магадан, 2008) в перечне публикаций я вообще не обнаружил книг, выпущенных до 2000 года за пределами Магаданской области!

¹⁰ – о выездном заседании: см. газету «Литературная Россия» № 27 от 7 июля 1978. С. 2–7.

05 / 2017

И ещё, оказалось, что до 1990 года у Бирюкова были всего две магаданские публикации, два рассказа: «Ты стоишь у окна» в журнале «Смена» (1965) и «Ветер поперёк полосы» в журнале «Дальний Восток» (1981). Полученная информация крепко меня озадачила...

Правда, не буду скрывать, после назначения в 1971 году на должность собственного корреспондента АПН по Северо-Востоку РСФСР, несколько статей Бирюкова были изданы за рубежом...

И, уж, коль я в начале очерка упомянул о переписке Бирюкова с другими издательствами, привожу и эти письма:

18/V-78

**664011, г. ИРКУТСК,
УЛ. ГОРЬКОГО, 36-А
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ф И Л И П О В У Р. В.**

УВАЖАЕМЫЙ РОСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ!

Б.Черемных¹¹ рассказал мне, что в Вашем замечательном издательстве существует новая серия – «Библиотека сибирской повести». Учтивывая, что необъятная Сибирь включает в представлении многих и наш регион, нельзя ли нескромному магаданцу постучаться в красивые двери этой серии? Я могу предложить Вам четыре небольших повести (общим объёмом 17-18 авторских листов) на, если Вам это удобно, 1981 год. Если это предложение покажется Вам приемлемым, пришлю аннотацию и рукопись в указанный Вами срок.

С уважением,

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
А. М. БИРЮКОВ**

*

**630099, НОВОСИБИРСК
КРАСНЫЙ ПРОСПЕКТ, 32
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОВ. ВОЛКОВОЙ К. В.**

УВАЖАЕМАЯ КЛАРА ВАСИЛЬЕВНА!

Дела, да и случаи всё держат меня в Магадане и приезд мой в Ваши замечательный город всё откладывается. А я очень бы хотел близко познакомиться с работой такого крупного издательства и наверняка почерпнул бы немало ценного для себя, потому что учиться искусству главреда мне не пришлось – вступил я в эту должность, когда Л.Н.Стебакова уже уехала. Я уже не говорю о том, как мне хотелось бы попасть в Ваши город для поддержания и упрочения личных контактов.

Есть и ещё одна причина, по которой Ваши город манит меня. Дело в том, что я набрался смелости постучаться в Ваши издательский план и хотел бы знать, как Вы к этому отнесётесь. Если Вы позволите, я предложу Вам свою рукопись в

план 80-го или 81-го года объёмом 15 листов. Рукопись будет состоять из трёх повестей: «Советы улетающим на материк» (она опубликована в первой моей книге; но мне хотелось бы дать Вам её чистый вариант, не искажённый довольно жестоким правкой), «Неизвестный вам Антон» (эта повесть о Магадане, она будет в моей книжке, которая сейчас уже в типографии) и «Длинные дни в середине лета» (это повесть о девочке, которая вышла на улицу с намерением стать проституткой, дело происходит в Москве). Первые две повести я уже перепечатал для Вас, над второй (м.б. – третьей? – С.С.), хотя написана она уже давно, была моей дипломной работой на Высших сценарных курсах, удостоена очень доброжелательного заключения С.А. Герасимова (он мог бы, кстати, написать и предисловие к книге) и активного участия Р.Быкова, который собирался ставить её на Мосфильме (у меня даже был договор), так вот над этой штукой мне ещё хотелось бы посидеть, чтобы кое-где смягчить её – вещь довольно мрачноватая.

Если Вы позволите прислать мне рукопись, то прислать ли мне все эти три штуки сразу или можно эти «Дни» пока дорабатывать? Или вообще её не присылать, а предложить что-нибудь другое? Или вообще ничего не присылать, так как чужие авторы Вам не нужны?

Мне хотелось бы получить от Вас ответы на эти вопросы по возможности скорее, так как они в определённой степени могут повлиять на другие мои планы (издательские).

Простите меня за это своекорыстное послание, я с готовностью приму любой Ваш ответ.

Ваш – А. БИРЮКОВ

*

Дата на письме не стоит, но, судя по тому, что Бирюков говорит о планах на 1980 или 1981 год, оно написано всё в том же, 1978 году.

Но ответов на послания А.Бирюкова в Иркутск и Новосибирск я не нашёл...

Как не нашёл и документально подтверждённой информации о том, что повесть «Неизвестный вам Антон» «сейчас уже в типографии». Однако во 2-м томе избранных произведений Александра Бирюкова (Новосибирск, Свиньин и сыновья, 2011) на с. 357, рассказ Бирюкова, цитата: «Новую квартиру мне дали в 79-м, хотя сам я в этот момент висел, что называется, на волоске – начальник обллита Куркин потребовал снять в моей новой книге повесть «Неизвестный вам Антон» (едва ли там была какая-то крамола, скорее главному цензору хотелось отличиться перед начальством), а я в ответ подал заявление об увольнении... Повесть заменили другой, конфликт уладился, квартиру мне дали...»

Можно сделать вывод, что высокое начальство, упоминаемое Фатеевым, это «начальник обллита Куркин». А вот причины, по которым этот Куркин потребовал снять повесть, остались для меня неизвестными.

Ну, а новая книга А.Бирюкова «Запах вара» подписана к печати 11 июля 1978 года и в том же году издана в Магаданском книжном издательстве.

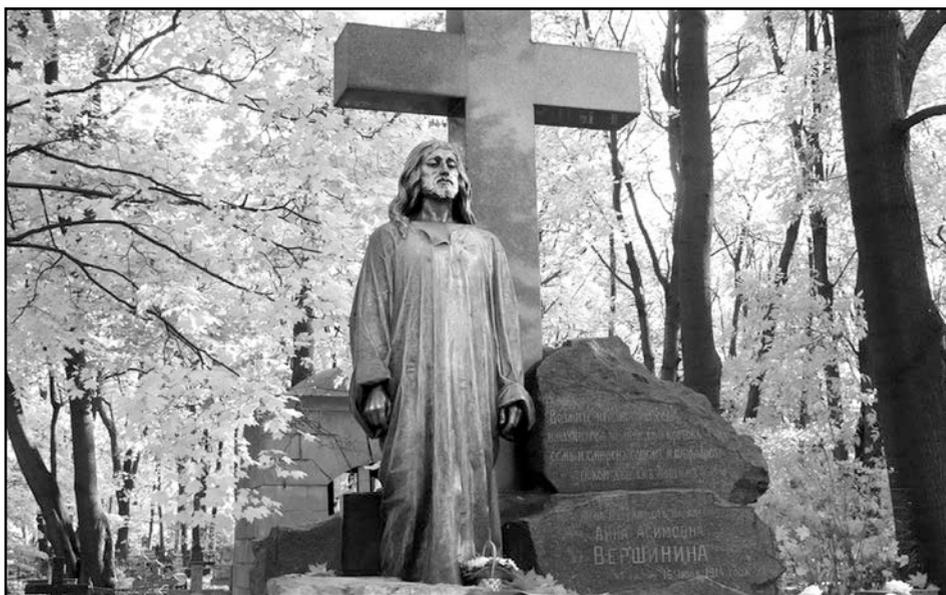
¹¹ – Черемных Борис Михайлович, в то время – директор Магаданского областного книжного издательства.

Вадим
КУЛИНЧЕНКО

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОСЕЩЕНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО НОВОДЕВИЧЬЕГО КЛАДБИЩА

Каждое время имеет свои ценности. Но есть вещи непреходящие, они вечны при всяком режиме – к таковым можно отнести могилы предков, то есть кладбища. К сожалению, за последний 20-й век мы к ним относились, как «Иваны, не помнящие родства». Да и в новый век мы вступили с небольшим прогрессом в этом вопросе. На места забвения пришёл вандализм. Не обошёл он и Новодевичье кладбище Санкт-Петербурга

О нём вы не найдёте упоминаний даже в Большой Советской энциклопедии. О московском Новодевичьем монастыре и кладбище знают все, написана масса литературы и исследований, а вот младшему его собрату повезло меньше, хотя своё название петербургское кладбище получило от московского монастыря, откуда в 1764 были переведены в Петербург 14 монахинь. Фактически же днём рождения петербургского Новодевичьего комплекса нужно считать 3 ноября 1849 г., когда в присутствии царской семьи были торжественно заложены каменные монастырские здания, а на кладбище появились три первых захоронения. Интерес к Новодевичьему некрополю возник в 1990-е годы прошлого столетия. Казалось бы, уже с благими намерениями. История кладбища, монастыря и собора Казанской Божией Матери богата и ждёт своих исследователей. Я же хочу поделиться немного своими впечатлениями от посещения кладбища в октябре 2003 года.

В октябрьскую поездку в Питер (все моряки, особенно учившиеся здесь, в большинстве так называли и называют Санкт-Петербург) я выполнил два больших дела. Встретился с сокурсниками в училище Подводного плавания по поводу 45-летия нашего выпуска из стен «чада», как мы именовали наше Училище, а ещё его ласково называли «Школой потаённых судов имени Ефимки Никонова». Даже не верится, что пролетело 45 лет, мы постарели телом, но не душой..., и другое – посетил Новодевичье кладбище, где покоятся многие выдающиеся люди России, в том числе и моряки.

Выйдя с другом, капитаном 2 ранга в отставке, Николаем Лавровым, любителем истории, жившим в Севастополе, к сожалению ныне покойным, из метро «Московские ворота», где стоит арка, схожая с московской на Кутузовском проспекте, мы должны были определиться, в какой стороне расположен адрес: Московский проспект 100. В голову невольно пришли стихи А. Блока:

*И Забалканский, и Сенная
Кишат полицией, толтой,
Крик, давка, ругань площадная...
За самой городской чертой,
Где светится золотоголовый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московскою заставой...*

Так описывал поэт эти места в поэме «Возмездие», рассказывая о встрече воинов, возвращавшихся с русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Прошло 125 лет и сегодня, естественно, этих мест не узнать. Надо точно знать адрес.

Спрашиваемые нами прохожие с удивлением смотрели на нас и говорили или – «не знаю», или – «Вы не туда попали. Вам надо в Москву, там Новодевичье кладбище, а это Санкт-Петербург!». Но вопреки их мнению, Новодевичье кладбище есть и в Питере, где покоятся многие знаменитые и великие люди России, правда, в основном позапрошлого и прошлого века. Но от этого их дела не менее значительны для истории, чем «десятилетия» 20–21 столетий.

Нам с другом повезло. Уборщица кладбища, средних лет женщина, вызвалась показать нам всё, а его географию она знает отлично. Есть ещё люди неравнодушные к отечественной истории. Сегодня без знатока среди полуразрушенных могил разобраться трудно. Кладбище готовится к перерегистрации могил и памятников, о чём свидетельствует объявление у входа. К чему это приведёт, пока одному Богу ведомо, потому что уже со всех сторон «новые русские» желают лежать рядом с прахами великих русских. Пока кладбище полностью закрыто для новых захоронений. «В 1996 г. отреставрировано ряд памятников морякам (к 300-летию Русского флота. – **В.К.**), – говорит наш гид, – но, к сожалению, это не улучшило общего фона, потому что при реставрации у нас, делая одно – губят другое». Кладбище находится не в лучшем состоянии. Растаскиваются детали памятников. Чего-чего, а вандализма у нас хватает.

Кладбище фактически долгое время было забыто и заброшено. В недавние времена интерес к нашей истории глушился намеренно, да и сейчас мы ещё не вышли из этого состояния, но всё-таки, хотя и «голая», свобода позволила заинтересованным людям открыто проявлять свой интерес и взгляды на историческую суть России. Проявился интерес и к Новодевичьему кладбищу Санкт-Петербурга, потянулись и сюда люди.

Мои воспоминания относятся к 2003 году, хочется надеяться, что сегодня на кладбище многое изменилось в лучшую сторону. Но тогда состояние некогда «золотоглавого» монастырского комплекса было печально. Сам ансамбль не входил в перечень памятников архитектуры, находящихся под охраной государства, хотя отдельные могилы (около 70) числились как памятники и охранялись государством. Сам ансамбль был отдан под патронаж зарубежной православной церкви, и это.... Возможно, сегодня всё изменилось.

Дальше я коснусь истории кладбища, думаю, что её уже никто не изменит.

История монастыря начинается в 40-е годы 18 века, когда Императрица Елизавета Петровна выбрала место для устройства первой в Петербурге женской обители рядом со своим загородным дворцом, на ме-

сте Смоленского двора. В 1748 г. был заложен собор Воскресения Христова, и началось сооружение монастырских корпусов. Строительство собора было прервано в 1761 г., внутренняя отделка была завершена лишь в 1835 г., и после освящения он стал главным храмом для всех учебных заведений столицы.

Возрождение же Воскресенского женского монастыря произошло лишь в 1845 г. по инициативе великой княжны Ольги Николаевны. 14 марта 1845 г. Николай I утвердил положение о восстановлении монастыря, который получил статус первоклассного.

Первое время монахини жили в доме синодального подворья близ Благовещенской церкви на 8-й линии Васильевского острова. Одновременно решался вопрос о постройке отдельного монастырского комплекса, место для которого было выбрано на Царскосельской дороге. Место включало 25 десятин земли, до половины покрытой сосновым лесом. «Грунт того места сухой, песчаный, несколько возвышенный, благоприятствует для здоровья и вполне удобен» – отмечалось в письме митрополита Новгородского и Петербургского Антония от 1 апреля 1848 г. на высочайшее имя.

Проект монастырского строения уже был высочайше утверждён 12 марта 1848 г. Всего за месяц на месте будущей обители построили первую деревянную церковь Казанской Божьей Матери, освящённую 10 октября 1848 года. В марте 1849 г. был создан строительный комитет монастырского комплекса, а 3 ноября 1849 г. в присутствии царской семьи были торжественно заложены каменные монастырские здания.

Автором проекта обширного комплекса построек, выполненного в «русско-византийском» стиле, стал крупный зодчий середины 19 века Николай Ефимович Ефимов. В 1851 г. он скончался, и дальнейшими работами руководил архитектор Н.А. Сычёв.

По проекту Н.А. Сычёва в 1857 г. была построена каменная ограда со стороны Забалканского (Московского) проспекта. Колокольню соорудили в 1892–1895 гг. по проекту архитектора Л.Н. Бенуа и В.П. Цейдлера. Рядом с монастырём в 1864–1873 гг. построили корпуса училища для девочек, гостиницы, приюты.

В 1906 г. возникла идея заменить первую деревянную церковь каменным храмом по проекту В.А. Косякова, устроив в подвале 2-х ярусную усыпальницу на 500 склепов. Храм заложили во внутреннем дворе монастыря 8 июня 1908 г. Необходимые средства были собраны в виде взносов, которые давали право захоронения в храме-усыпальнице с вечным поминовением. Строительство закончили в 1912 году.

Кладбище появилось вскоре после основания обители. Место для него было выбрано к востоку от каменного монастырского строения, в небольшой сосновой роще. В первые годы захоронения были единичные: в 1849 – три, в 1850 – четыре, в 1851 – два, одно из них автора монастырского ансамбля архитектора Н.Е. Ефимова, в 1852 – 12.

Кладбище делилось на разряды: два церковных и три общих. В 1870–1880 гг. территорию поделили на правильные квадратные участки размером 24 на 24 аршина, разделённые дорожками. В 1885 г. Городская дума прирезала к территории дополнительно ещё 102 участка, и был введён 4-й разряд. Участки церковных разрядов находились около Скорбященской и Ильинских церквей, далее шли в восточном направлении, изменяясь по значению, 1–4-й разряды. Дешёвых и бесплатных разрядов на Новодевичьем кладбище не было. Указом духовной Консистории в 1889 г. была утверждена стоимость мест: от 500 руб. в 1-м церковном разряде до 50 руб. в 4-м разряде. Деньги по тем временам немалые. Эти расценки действовали до 1918 года.

Кладбище было дорогим. Хоронили здесь видных государственных и общественных деятелей: министров, военачальников, известных учёных, литераторов, артистов. Некрополь подерживался в образцовом порядке. Дорожки были посыпаны песком, устроены газоны, цветники, высажен декоративный кустарник. Богатые склепы украшали иконами, серебряными венками, коврами, на многих могилах теплились лампы. Монастырь принимал вклады деньгами, ценными бумагами или в виде процентов с банковского счёта за вечное поминовение усопших, за вечный уход за могилой, вечное горение лампы и т.д.

С 1849 по 1887 год на Новодевичьем кладбище было похоронено около 3,5 тысяч. Эти захоронения перечислены в специальном описании Новодевичьего некрополя, приложенном к историческому очерку монастыря. Общее число, похороненных на кладбище с 1887 по 1934 г. примерно 22 тысячи.

Захоронения на Новодевичьем кладбище продолжались до 1933–1934 годов. Перенос захоронений и памятников, проводившийся в 1935–1936 годах, не был завершён. Так не состоялся перенос праха М.А. Врубеля, Н.А. Некрасова, Э.Ф. Направника и некоторых других выдающихся деятелей культуры. Но и так некрополю был причинён непоправимый ущерб.

Для посетителей Новодевичьего кладбища близ входа установлен план с обозначением некоторых примечательных захоронений. Всё чаще в некрополе можно видеть группы экскурсантов, отмечает наш добровольный гид.

В список включено 244 из нескольких тысяч сохранившихся до нашего времени надгробий. Преимущественно отмечены захоронения известных исторических лиц и монументы, представляющие художественную ценность.

Памятник в виде двухметровой бронзовой фигуры Христа на могиле Анны Акимовны Вершининой, малоизвестной жены генерала, умершей 16 июля 1914 г. стал местом паломничества пожилых людей города. Фигура Христа, подобная памятнику В.Высоцкому на Ваганьковском кладбище в Москве, блистает на солнце и вся в цветах. «Здесь очень отличная аура!» – замечает наш гид, – и люди приходя сюда, подолгу обдумывают свои мысли». Отдали и мы дань уважения этому месту, где, кстати, есть скамеечки и столик. Рядом с этой могилой расположена могила генерал-адъютанта Александра Александровича Бенкендорфа с трёхметровым гранитным крестом. Мы достаточно много не очень приятного знаем об Александре Бенкендорфе (1723–1844), надзиравшем над А.С. Пушкиным, и ничего о его сыне.

Вот семейная могила Посьетов. Могила самого Константина Николаевича (21.12.1819 – 26.4.1899) недавно отреставрирована. Он прожил богатую жизнь – моряк, воспитатель це-

саревича, 14 лет был Министром путей сообщения (1874–1888). Рядом могилы его сестры и жены. Все они умерли в один год с интервалом в три месяца.

Могила Фёдора Ивановича Тютчева, поэта, которого по значимости сравнивают иногда с А. Пушкиным. И рядом ещё пять могил его родственников, среди которых и могила контр-адмирала Николая Алексеевича Бирилёва, зятя Ф. Тютчева, героя обороны Севастополя 1854–55 годов. Только скромные беломраморные кресты.

Здесь Вы найдёте не только знаменитые имена, вписанные золотом в историю России. Лежат здесь и совсем неизвестные люди, без которых однако в своё время не могли обходиться даже государи. Вот, например, скромное надгробие и небольшой крест, а как пышно звучит надпись:

КУЧЕР

Изъ Императорскихъ

Величествъ

Семён Михайловъ

Любушкинъ

родился 3 февраля

1828 г

скончался 17 сентября

1884 г.

Сохранились ли все эти надгробия для будущих поколений, жаждущих знать историю своих предков и страны?

В конце 1960-х годов возникла новая идея, нанёсшая Новодевичьему новый сокрушительный удар. Под предлогом создания на его территории музейного заповедника началось массовое уничтожение надгробных памятников. В архиве Государственного музея истории Ленинграда имеются сведения о легальном разграблении некрополя Управлением предприятий коммунального обслуживания и администрации кладбища. Только за 1969 год было уничтожено около 400 надгробий, среди которых памятники выдающимся деятелям культуры, науки, военным и государственным деятелям.

Много на кладбище среди известных и неизвестных имён на надгробных плитах и военных моряков: К.Н. Посьет, Г.И. Невельской, И.А. Бирилёв, Н.О. Эссен и другие. Описывать могильные памятники, дела этих моряков – займёт много места и времени. Когда-то здесь находилась и могила композитора-мо-

ряка Николая Римского-Корсакова, но какому-то «великому организатору» юбилеев ударила в голову мысль перенести его захоронение в Невскую Лавру. Зачем? Разве ему плохо лежалось здесь в тишине, под сенью дубов и клёнов? Здесь летом столько жужжит шмелей...

Читая литературу о военных моряках, адмиралах прошедших веков, часто упираешься в такую фразу – «Похоронен на одном из Петербургских кладбищ...». Поразительно неведение авторов этих обтекаемых строк. Так и хочется им сказать: «Ищите их следы на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга!». И очень будет жаль, если при реконструкции кладбища многие захоронения будут утрачены.

Кладбище расположено чуть в стороне от Московского проспекта, когда-то называвшегося Забалканским, но об этом уже никто и не помнит. Прикрытое зданием монастыря, где всё ещё расположены различные АО и фирмы, и величественным собором Казанской Божией Матери, где уже идут ремонтные работы, явно не ударными темпами, оно ждёт своей участи. Кладбище и собор находятся под патронажем Зарубежной православной церкви, а, как известно, у неё не всё складывалось с Российской православной Патриархией. Меня лично, как истинного христианина, очень волнует этот вопрос. Ведь наши предки, лежащие на кладбище, были одной православной веры и молились в одной церкви. Возможно, с визитом митрополита РПЦЗ Лавра вопрос о завершении реставрации собора Казанской Божией Матери и Новодевичьего кладбища в Санкт-Петербурге пойдёт более быстрыми шагами. Да поможет в этом деле Бог!

На кладбище не ощущается близости большой городской магистрали. Это радует и подвигает на размышления о бренности бытия...

При посещении Новодевичьего кладбища, как в Петербурге, так и в Москве, невольно приходит мысль, что захоронения наших предков, как и всякие другие исторические артефакты, требуют к себе бережного отношения при любых режимах, ибо они есть свидетели исторических эпох.

пос. КУПАВНА,
Московская обл.

Фотограф Михаил Мигушин
Карелия, пос. Рабочеостровск

Фотограф Андрей Грачёв
Лес у границы полярного круга.
Карелия

Фотограф Альберт Беляев
Полночь на Белом море

XX ЛЕТ С ЧИТАТЕЛЯМИ

1997-2017

